

18+

Игорь Можайский

ЦУГЦВАНГ ПО-РУССКИ

КНИГА 1. 96 ОТДЕЛЕНИЕ МИЛИЦИИ
Г. МОСКВЫ

Игорь Можайский

**Цугцванг по-русски. Книга 1. 96
отделение милиции г. Москвы**

«Издательские решения»

Можайский И.

Цугцванг по-русски. Книга 1. 96 отделение милиции г. Москвы /
И. Можайский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-594390-3

Автор подчеркивает, что все события вымышлены. Всякое совпадение имён и мест действий с реально существующим, считать случайными, а изложенные в книге факты не имеют доказательного значения для следственных и судебных органов. Есть в этой книге и отрывки из биографии самого автора, и биографии близких ему людей. Верю, что эта книга найдет своего читателя. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-594390-3

© Можайский И.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Цугцванг по-русски

Книга 1. 96 отделение милиции г. Москвы

Игорь Можайский

© Игорь Можайский, 2022

ISBN 978-5-0059-4390-3 (т. 1)

ISBN 978-5-0059-4391-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор подчеркивает, что все события вымышлены. Всякое совпадение имён и мест действий с реально существующим, считать случайными, а изложенные в книге факты не имеют доказательного значения для следственных и судебных органов.

Есть в этой книге и отрывки из биографии самого автора, и биографии близких ему людей.

Автор благодарен за помощь всем, помогавшим ему в работе над этой книгой. Он помнит всех – и живых, и мертвых, и тех, кто сегодня продолжает занимать свои посты, и тех, кто по разным причинам оказался вне закона. Автор никого и ничего не забыл.

Верю, что эта книга найдет своего читателя.

Сотрудникам уголовного розыска 96 отделения милиции г. Москвы, с низким поклоном, посвящаю.

Автор

Пролог

Однажды, в холодное и неприветливое январское утро 1958 года, совершенно неожиданно, случилось событие: я покинул наш с мамой маленький мирок, в котором мне было тепло и уютно. Мягкие руки в латексных перчатках молочного цвета легонько подхватили меня, весело приподняли в воздух, и слегка встряхнули. Одна из рук отвесила легкий шлепок по сморщенной попе, и я, задохнувшись от возмущения, закричал. Новый сумасшедший мир был холоден, но ярок и интересен, и я увидел столько нового для себя, что решил остаться. Да, и поздно было уже возвращаться – сами понимаете. Не хочу казаться занудой, но дальнейшее моё пребывание в этом мире было достаточно сложным и утомительным. Почему? Всё просто: во – первых, пришлось учиться ходить, во – вторых, говорить, в – третьих, расти, что доставляло немало хлопот окружающим и занимало массу времени свободного времени. В детском саду не понравилось, в школе учился не очень, в техникуме научился дружить, в армии служить Родине и не спать по несколько суток. Московская Высшая школа МВД СССР научила наукам, о которых нормальному человеку лучше не знать, работа в 96 отделении милиции в качестве оперуполномоченного уголовного розыска однозначно показала: никому верить нельзя. Окончание Академии Народного хозяйства РФ позволило прочно встать на ноги и начать зарабатывать уже в условиях внезапно наступивших в нашей стране рыночных отношений, а спустя несколько лет, пройдя дополнительный курс обучения в Академии Внешней торговли, открыло огромное поле деятельности уже в качестве финансиста.

Учился по желанию, дружил против недоброжелателей, любил женщин страстно, вкалывал как гад, терял бизнес и начинал всё сначала, сделав выводы из неудач, и всегда шёл вперёд, не оглядываясь. Единожды, почувствовав вкус к жизни, и пару раз попробовав её на прочность, научился сначала думать, потом делать.

Занимаясь бизнесом, много ездил по всему миру, видел моря и океаны, знаю, что такое деньги, встречал прекрасных женщин, видел смерть в её самых уродливых формах. Видел предательство старых друзей и чудеса дружбы, надежных, добрых, любящих, бескорыстных людей.

Дышу полной грудью, и не отказываю себе в маленьких удовольствиях. Дружу с удачей, стараюсь не вспугнуть своё семейное счастье, доверяю своей интуиции, иногда слушаю советы, больше похожие на исповеди, и никогда им не следую, по причине отсутствия необходимости. Твёрдо уверен в том, что добро должно быть с кулаками, а жадность – это хорошо! Пословицу: «Лучше с умным потерять, чем с дураком найти!» – считаю основой процветания отечественного бизнеса.

Хочу жить долго, растить внуков, любить, и по возможности не желать никому зла...

Ваш И. Можайский

Часть 1

Цугцванг – (Zugzwang – от Zug – ход и Zwang – принуждение, нем.), положение в шахматной партии, при котором соперник вынужден сделать невыгодный для себя ход.

Иисус сказал им: «Следуйте за Мной, и Я сделаю вас ловцами человеков, а не рыб». Они тотчас же оставили сети и последовали за Ним. (Марка 1:16—18).

Пост №1.

Ветер. Словно огромная, невидимая глазу ладонь, черпала снег с сугробов и подкидывала его вверх, с каждым разом всё выше и выше. А затем ветер, причудливо закручивая в спираль снежинки, швырял эту белую шапку в темноту на прохожих, деревья и вереницу автомашин, прижавшихся к домам, словно брошенные игрушки для взрослых. Под плотным слоем белого снега они выглядели как-то угловато, нелепо и грустно.

«Скоро Новый год», – подумал Сергей Бабинцев, младший лейтенант милиции, сотрудник Отдела по охране дипломатических представительств, сокращённо – ООДП. В настоящий момент Сергей нёс службу у четырнадцатизэтажного жилого дома за №135 по Ленинскому проспекту г. Москвы, который находился в ведении этого самого ООДП. Работа была нудной, даже можно сказать грустной, поскольку никакой личной инициативы не требовалось. Но вот наблюдательность, точная фиксация времени приезда домой дипломатов, членов их семей, гостей и просто знакомых, требовалась отменная. Для этого был заведён огромный журнал типа амбарной книги, где указывалось время прихода и ухода жильца, его приезд или отъезд, и, конечно номер его автомашины. Ежечасно Бабинцев делал контрольный обход своего объекта по периметру, т.е. вдоль трёхметрового металлического забора из сетки – рабицы, а затем входил в свою будку, имевшую служебное название «Пост №1» и стоящую рядом с воротами для въезда на территорию дома автомашин жильцов, и проход – уже для них самих. Ворота перекрывались полосатым шлагбаумом, закрывающимся на замок. Будка была сделана из алюминевых конструкций, проложенных утеплителем от холода, имела дверь и одно смотровое оконце, такие стоят около каждого посольства в Москве. В будке было тесно, потому что всё место занимал стул и откидной столик, на котором стоял телефон, большой журнал учёта и лежала папка с различными инструкциями с грифом «для служебного пользования», на стене висел график дежурства на месяц вперед, план охраняемой территории и почасовой график её обхода. Под столиком стоял мощный электрообогреватель, благодаря которому зимой можно было спастись от мороза и снега, осенью – от дождя и сильного ветра, а вот летом – от жары будка не спасала.

В обязанности младшего лейтенанта Сергея Бабинцева входила охрана данного дома, точнее, режимного объекта, а ещё точнее: он должен максимально исключить любые контакты советских граждан с иностранцами, живущими в этом доме. В основном, в гости или по делам приезжали такие же иностранцы, как живущие в этом доме, и уходили обычно около 22.00 мин., хлопот не доставляли, и иногда даже дарили бутылку хорошего виски или блок сигарет. Такой вечер Сергей считал удачным. Не надо тратить на сигареты и выпивку, тем более дорогую, а, значит, небольшой семейный бюджет на этот раз не затрагивался. Публика проживала разношерстная, не злобная, в основном третьеразрядные сотрудники с семьями различных посольств, представительств и дипмиссий, в основном азиатских и развивающихся стран Африки и Латинской Америки. Если честно, то этот дипкорпус больше

походил на студенческое общежитие какого-нибудь московского ВУЗа, но из-за присутствия иностранных военных, проходивших обучение по линии Министерства Обороны СССР, и поставили этот пост. Правда, бывало, что в дом наведывались и девицы легкого поведения, которые Бабинцеву пытались дать денег, чтобы пройти и «поработать», так сказать, но он всегда отказывался. В общем, служба была сносной, выполняй инструкции и делай ежечасный обход вверенного объекта по графику, и всё.

Итак, в тот морозный зимний вечер 21 декабря 1985 года, ничего не предвещало чего-либо необычного, разве что пришлось пару раз отогнать местных алкоголиков от металлического забора, которым был обнесён по периметру дом и стоянка автомашин жильцов. Из-за того, что в ста метрах от охраняемого дома, на улице Обручева, располагалась обычная московская пивнушка, из разряда тех, что в народе получили меткое прозвище «гадюшник», местные алкоголики по дороге в свои близлежащие пятиэтажки, с большим удовольствием периодически пытались справить малую нужду на забор, как на оплот капитализма. Во всяком случае, так они считали.

Сергей работал в этом подразделении по охране дипломатических представительств уже второй год, и сначала очень рьяно гонял алкашей, но потом лишь лениво выходил из охранной будки и матом обещал «свернуть шею».

В 21.00, мягко шурша шинами по накатанному снежному насту, к «Посту №1» подъехал тёмно – зелёный «Мерседес-500SEL». Окно водителя на половину опустилось вниз так, чтобы было видно лицо сидящего за рулём. Бабинцев вышел из теплой будки, открыл замок шлагбаума, поднял его и махнул рукой, мол, проезжай. «Мерседес-500SEL» лихо подкатил подъезду №1, и из машины пружинисто выбрался смуглый широкоплечий мужчина лет пятидесяти, в распахнутом дорогом пальто песочного цвета. Его чёрные волосы были гладко зачёсаны назад, и блестели, словно покрытые лаком. Взяв с приборной панели машины пачку сигарет «Мальборо», мужчина захлопнул дверь «мерседеса» и, махнув рукой в чёрной кожаной перчатке в качестве приветствия Сергею, вошёл в подъезд. Военный атташе Мексики, полковник Антонио Перес Гонгора нравился Сергею. Полковник никогда не забывал поздороваться с ним по-русски, если Сергей оказывался рядом, спросить о здоровье жены и детей, словно выходец с Кавказа, хотя широкоскулое лицо полковника и бронзовый цвет кожи говорили о наличии индейской крови.

Младший лейтенант аккуратно занёс в журнал время прибытия полковника, номер и марку автомашины, и что полковник был один, и ничего в руках у него не было.

Шелестов и Гудков.

Дежурный 96 отделения милиции г. Москвы капитан милиции Александр Ахметзянов закрыв глаза ладонями и склонившись над столом, заставленным служебными телефонами, давился от смеха. В этот вечер, 21 декабря 1985 года, ответственным по отделению милиции заступил заместитель начальника по уголовному розыску капитан милиции Владимир Русиков, а с ним остались все девять оперуполномоченных до утра. Так было принято в 96 отделении, раз в месяц оперуполномоченные со своим начальником с 00 часов до 5 часов утра проводили рейды по своей территории на предмет профилактики и пресечения правонарушений. Плановые мероприятия не в счёт. Поскольку Новый год был, как говорится, «на носу», то ночь обещала быть результативной и в плане улучшения раскрываемости, да и в плане напоминания преступному элементу: кто в доме хозяин. Редко, когда такие мероприятия не заканчивались задержанием правонарушителей или преступников, находящихся в розыске.

В 21.00 от гостиницы «Южная», что на Ленинском проспекте, дом 87, патрульным экипажем был доставлен в дежурную часть отделения нетрезвый мужичок за то, что вдохновенно блювал в урну у самого входа в гостиницу, чем, по мнению сотрудников гостиницы, оскорблял

их и своё человеческое достоинство. К тому же, у мужичка не оказалось никаких документов, удостоверяющих его личность. Мужичок был очень пьян, настроен агрессивно, был не согласен с предложением сотрудников милиции проехать в отделение, требовал прокурора и, как обычно, завтра обещал всех уволить, если сию минуту его не отпустят.

Обыскав задержанного, помощник дежурного сержант Дмитрий Лагутин проверил содержимое рюкзака, который находился в руках гражданина, на предмет нахождения предметов, изъятых из гражданского оборота, то бишь: наркотиков, холодного и огнестрельного оружия и т. д. Таких предметов обнаружено не было, зато были: водолазная маска, ласты, дыхательная трубка, банка сардин в масле и кусок колбасы «Докторская», о чем была сделана соответствующая запись в протоколе задержания. Заполнив карточку задержанного, дежурный Ахметзянов стал проверять данные гражданина по Центральному адресному бюро на предмет нахождения человека в розыске за какие-либо преступления (такой порядок). А в это время зам. по розыску Русиков и его сыщики завели гражданина Дудкина А. А., так назвался задержанный, в кабинет номер 6, и в течение двадцати минут о чём-то с ним оживлённо беседовали.

Оперуполномоченные уголовного розыска 96 отделения милиции г. Москвы, лейтенанты милиции Антон Шелестов и Борис Гудков, оба в одинаковых темно-синих зимних куртках типа «аляска» с капюшонами, отороченными искусственным мехом, шли в своё отделение, живо обсуждая предстоящий Новый год и весело хрустя по предновогоднему снегу зимними ботинками на рифлёной подошве. Морозный воздух даже слегка обжигал при вдохе горло, но они не замечали этой мелочи, как и лёгкого пара при разговоре, белым облачком вырывавшегося изо рта.

Отделение занимало полуподвал жилого дома номер 8 по улице Красикова, и находилось всего в двух шагах от Ленинского проспекта, где в доме 32 жил Антон Шелестов, а в 45 – он дома – Боря Гудков. Так что на работу было просто и легко добраться и автобусом, и троллейбусом. Они как раз и шли от троллейбусной остановки тридцать третьего маршрута.

Пройдя пяточек перед отделением милиции, где обычно стояли служебные автомашины отделения, Шелестов открыл дверь, пропуская вперед Гудкова, и, спустившись вниз по ступенькам, остолбенел. К ним по коридору, по – военному пытаясь печатать шаг, громко шлёпая резиновыми ластами о линолеум, в водолазной маске и с трубкой для подводного плавания, двигался плешивый мужичок в больших ситцевых трусах с крупными красными розами. За спиной у него висел обычный туристический рюкзак, здорово потрёпанный. Мужичок был пьян вдребезги. Не доходя до сыщиков двух метров, он, подняв маску на лоб и вынув изо рта загубник трубки, громко икнув, доложил: «Товарищи милиционеры! К борьбе с преступностью – готов!». Из дежурной части грянул хохот. Антон и Борис переглянулись и тоже засмеялись.

– Дядя! Ты забыл отдать честь! Двое суток вне очереди! Круууугом! – рявкнул Гудков.

– Так точно! – мужичок попытался выполнить команду, но запутался в ластих и опрокинулся навзничь.

– А рюкзак-то у него вместо акваланга? – с улыбкой предположил Антон.

Из открытой двери дежурной части, которая находилась слева сразу после вестибюля, где сыщикам отрапортовал незадачливый алкаш, выскочил Петр Чумаков, старший опер, по прозвищу «Чума».

– Привет ребята! Не зашибли нашего диверсанта? – ласково спросил он, – Ну ладно! Пусть полежит пока! Оба молодца – одинаковы с лица! Хорошо, что пришли! Сегодня поработаем!

Пожав руку каждому, Чумаков рысцой проскочил дальше, в паспортный стол.

Антон Шелестов и Борис Гудков действительно были похожи. Высокие, ростом под 180 см., спортивного телосложения, светлые волосы, голубые глаза. Только Боря Гудков был немного массивнее, что – ли, помощнее. С одинаковыми, короткими прическами они действительно выглядели как братья. В Высшей школе милиции, которую они закончили почти год назад, в 1984 году, сокурсники, да и руководители учебных программ, за глаза их так и звали – «братья!». Они даже все четыре года проучились в одной 103 группе и просидели вместе за одной партой, причём Шелестов был командиром группы, а Гудков – его заместителем.

Друзья, немного пригнув головы, как по команде, вошли в дежурную часть.

Обычная дежурная часть рядового отделения милиции. Слева, при входе, коридор с тремя металлическими дверями камер для задержанных. Прямо – стена из прозрачного пластика, усиленная витиеватой решёткой, небольшим окном для переговоров, перед которой, с противоположной стороны находится дежурный офицер милиции и его помощник. У стен, справа и слева, стоят мощные деревянные скамейки. Перед самым окном для переговоров стоит стол для досмотра задержанных. Справа – коридор со служебными помещениями и комнатой выдачи оружия. За спиной дежурного – справа комната хранения оружия, слева у стены большой несгораемый шкаф – сейф с вещами задержанных. Поскольку 96 отделение милиции было расположено в полуподвальном помещении жилого дома, то вместо окон узкие горизонтальные фрамуги, забранные в решётку как бойницы, пригодные лишь для проветривания помещения.

В этом время суток в дежурной части было спокойно. Помощник дежурного сержант милиции Лагутин, с интересом смотрел какой-то журнал, сидя в кресле рядом с дежурным, капитаном милиции Александром Ахметзяновым. После 23.00 косяком пойдут пьяницы, домашние террористы и хулиганы, потерпевшие и задержанные, поэтому Дима наслаждался последними минутами покоя. Доставленных надо будет отсортировать, исписать кучу бумаг, кого оставить трезветь до утра, кого выгнать, взяв объяснение, кого определить в камеру. Иногда в дежурной части разыгрывались целые спектакли, особенно в дни выдачи зарплаты на предприятиях, или во время рейда по гостинице «Южная», на предмет выявления девиц лёгкого поведения. Выходило, что на этих сутках самый главный в отделении милиции – это дежурный. Он принимает решение, и он за всё отвечает, он и режиссёр и постановщик. Поэтому дежурными работали офицеры милиции, как правило, опытные, с крепкими нервами и трезвой головой, потому что нормальному человеку выдержать этот сумасшедший дом, в который превращается дежурная часть, было не возможно.

– Да это не я, это ваш начальник чудит! – в раскосых глазах Ахметзянова проскочила весёлая искорка.

Весело улыбаясь, рядышком, на скамейке для задержанных сидели опера: Андрей Шишкин, Сергей Булкин, Борис Акимович Шур и начальник паспортного стола отделения майор Шуликов Михаил Васильевич.

– Привет парни! Мы вот решили перед ночным дозором вас немного развеселить, вроде бы ваш коллега у нас в гостях! – сказал Шишкин и все дружно засмеялись.

– Смотри Антон, над нами издеваются! – беззлобно произнёс Гудков, здороваясь вслед за Шелестовым с сидящими на деревянном диване.

– Ладно, Саша! – Антон обратился к Ахметзянову, – мы с Гудковым пришли, пометь себе в журнале, и идём сейчас к себе.

– К сведению принял! – Ахметзянов махнул рукой, мол, ладно, идите, «мореманы».

Друзья вышли обратно в коридор...

Когда Шелестов и Гудков пришли на работу в это отделение по распределению, информация о том, что они бывшие боевые пловцы, просочилась мгновенно и теперь, при каждом удобном случае, коллеги шутливо подтрунивали над друзьями. Ранее, когда Антон и Борис поступали в Высшую школу милиции, приёмная комиссия долго удивлялась столь неожиданному факту – в истории школы абитуриентов с такой редкой военной специальностью ещё не было. Потом все привыкли, как обычно бывает. Однако здесь, в отделении, сыщики с удовольствием периодически радостно задавали вопросы типа: «Антон, я по телеку видел, как вашего брата из торпедного аппарата подводной лодки выстреливают в сторону вражеской территории! А куда вам пистон вставляют?». Ха-ха-ха!

Оперуполномоченный УР лейтенант милиции Андрей Шишкин, по прозвищу «Шешеня», организовавший эту хохму, коренастый, с очень сильными руками, с кудрявыми каштановыми волосами, в отделении был всеобщим любимцем и заводилой. Специалист по амурным делам и большой любитель всяких засад, рейдов, задержаний и других мероприятий, он также с большим удовольствием брался за организацию какого – ни будь дня рождения или просто небольшого сабантуйчика – междусобойчика с выпивкой. Он хорошо пел и играл на гитаре, и сыщики просто заслушивались иногда его выступлениями. Невероятно, но Андрей не пил и не курил, никогда!

...Двери кабинетов оперуполномоченных, расположенные справа от входа в длинный коридор отделения, были открыты настежь: все готовились к предстоящему рейду по значным местам на территории 96 отделения милиции. Кто-то говорил по телефону, кто-то торопливо дописывал рапорта, некоторые переодевались в спортивную одежду, мало ли, побегать придётся!

Первым от входа в коридор, находился кабинет номер 1. Шелестов и Гудков по привычке заглянули туда.

Над столом, склонив вечно всклокоченную рыжую голову, что-то писал Александр Волченков, старший опер, капитан милиции.

– Привет Шурик!

Антон и Борис вошли в кабинет и поздоровались за руку с Волченковым. Пожимая руки вошедшим, он немного привстал.

– Парни, вы водки на ночь взяли? Холодно и ночь длинная!

Волченков, по прозвищу «Волчёнок», был большой мастер выпить, поэтому никак не мог получить майора. Ещё больше он был известен в районном управлении, как непревзойденный мастер отказных материалов. Кстати, даже сильно выпивши, Волченков никогда не терял голову, и не создавал проблемы другим.

Районная прокуратура, когда проводила выборочную проверку обоснованности отказов в возбуждении уголовных дел по 96 отделению милиции, первым делом требовала все его материалы.

– Да взяли, взяли! – Гудков похлопал по правому карману куртки, в котором тотчас что-то булькнуло.

– Молодцы! Закусь уже есть! – довольно хохотнул Волченков и уткнулся носом в свою писанину.

Около его стола стояла большая чёрная сумка на молнии. Антон и Борис точно знали, что в ней: большой кус настоящего деревенского сала с чесноком, обёрнутого марлей, банка солёных огурцов, банка помидоров, пара головок лука, головка чеснока, пучки зелени в ассортименте и гвоздь программы – бастурма, целая полоска, весом в килограмм. Саша Волченков вырос в большой семье, в которой было пять детей, четверо из них были его сёстрами. В Москву уехал он один, и его любимые сестрицы частенько подкидывали ему с оказией провиант, дабы не отошал в столице. Самая старшая, Мария, была заём за директором большого

рынка в Рязани и носила фамилию а – Гоголадзе. Поскольку мероприятия происходили регулярно, то все привыкли к продуктовому набору Волчёнка. Саму сумку он называл «тревожной». Водку покупали все оставшиеся опера.

Напротив стола Александра Волченкова, впритык к нему, стоял рабочий стол старшего опера Александра Порфирьевича Парнова, майора милиции с тридцатилетним стажем оперативной работы, одним из старейших сыщиков Москвы. Человек необычайной эрудиции, талантливый опер, он работал в этом отделении чуть ли не с момента его образования, за что получил уважительную кличку – «Дед». Сейчас в кабинете его не было.

Антон и Борис прошли дальше по коридору к кабинету номер 2, где было рабочее место Бориса.

– Антон! Давай иди, раздевайся, сейчас Русиков всех начнёт собирать. Осталось 20 минут! – сказал Борька Гудков, легонько подталкивая Шелестова дальше по коридору, а затем зашёл к себе.

Как правило, развод на мероприятия начинался ровно в 22.00. Поэтому время ещё было.

– Успеется! Тише едешь – дальше будешь! – про себя пропел Шелестов, проходя дальше по коридору.

Антон зашел в свой кабинет под номером 3, снял куртку и повесил её в шкаф, который стоял слева от входа в кабинет, рядом с диваном. Потом посмотрел на себя в зеркало, висящее на стене, и подмигнул своему отражению. Отражение было ничего. Высокий молодой мужчина лет двадцати семи, короткие русые волосы, голубые глаза, на подбородке – ямочка, чуть полная нижняя губа и пшеничного цвета усы. Справа на лице, лоб и висок наискось пересекали три ниточки шрамов, расположенных параллельно друг другу. Широкие плечи и хорошо развитая мускулатура говорили о принадлежности человека к спорту. Просторный тонкий белый свитер, черные брюки. Костюм можно было сегодня не одевать, так как, во – первых, у Антона сегодня должен был быть выходной, а во – вторых, когда рейды в ночь, возможны всякие игры в догонялки с разного рода криминальными и не очень, личностями и т. д. Так что лучше быть одетым ближе к спортивной форме.

Шелестов отошел от зеркала и сел за свой рабочий стол, у окна, забранного решеткой из арматуры снаружи. Стол стоял впритык с таким же столом, и таким же сейфом, как у Антона. Только служебный сейф кирпичного цвета Шелестова, располагался по правую руку, а такой же сейф старшего оперуполномоченного Александра Маркова – по левую. Они сидели друг напротив друга. Сейчас Маркова не было, ещё не приехал. Рядом с его столом вдоль стены стоял большой старый диван, обитый красной драпировкой и с высокой спинкой. На противоположной стене, высоко, почти под потолком, на кабинет со своего портрета сурово взирал Ф. Э. Дзержинский.

Гудков располагался в кабинете номер 2, что за стеной, который делил со старшим опером Сергеем Булкиным.

Вечерняя гостья.

Младший лейтенант Бабинцев вышел из будки. Потоптался около шлагбаума, посмотрел по сторонам, посмотрел на наручные часы, подарок жены, и, поскольку было ровно 23.00, собрался было делать очередной обход территории, как его внимание привлекла высокая молодая девушка, медленно идущая прямо к нему от Ленинского проспекта. Девушка явно была навеселе.

– А вот и первая припозднившаяся ласточка! – хмыкнул он.

Сергей придал лицу официальное выражение и приготовился слушать очередную сказку, которую ему расскажет «ночная бабочка», чтобы попытаться пройти в дипкорпус. На всякий случай он подошёл поближе к шлагбауму, поскольку прямо над ним висел мощный фонарь,

освещая всё вокруг странным, ярким оранжево – жёлтым светом, как на Ленинском проспекте. Было очень светло, и Бабинцев просто хотел рассмотреть незнакомку. Он встал спиной к шлагбауму, тем самым, закрывая возможность попытки проскользнуть на территорию, заложив руки за спину, всем своим видом показывая, кто тут главный.

Девушка была симпатичной и стройной. Роскошные черные волосы ниспадали до плеч и выгодно оттеняли кукольное лицо. Ей было не больше 23—25 лет, одетая в короткую рыжую дублёнку с большим меховым воротником, высокие рыжие замшевые сапоги, она была можно сказать в «самом соку». Небольшая дамская сумочка через плечо дополняла картину. Сергей таких любил, общался с ними запросто, но в охраняемый им объект не допускал без надлежащего пропуска, а так, поговорить недолго за жизнь, мог. Да и время летело быстро с приятным собеседником.

– Добрый вечер! – произнесла девушка, останавливаясь в двух шагах от Сергея. Она посмотрела на него своими большими черными глазами с какой-то грустью и улыбнулась.

Лёгкий запах дорогого алкоголя мгновенно донёсся до ноздрей Бабинцева.

– Простите, вы не скажите мне, который сейчас час!

– Скажу! И даже покажу, как завтра пройти в библиотеку!

Сергей решил подыграть ночной красавице и немного повеселиться.

– А почему завтра?

– А потому что сейчас московское время 23 часа 10 минут! – ответил он голосом известного телеведущего. – Библиотека закрыта и программа «Спокойной ночи малыши» уже давно закончилась!

– Правда? – красивые изогнутые брови удивлённо взлетели вверх. – Ну, тогда угостите меня сигаретой и расскажите, как добраться до гостиницы «Южная», поскольку поход в библиотеку на сегодня отменяется!

Бабинцев, не спеша, снял кожаные перчатки и достал из кармана казённого милицейского овчинного тулупа початую пачку сигарет «Мальборо», открыл и достал две сигареты: одну себе, другую девушке.

– Холодно! Надо согреться, а то не доеду! – незнакомка взяла сигарету и сунула её в уголок красивых губ, но ярко накрашенных так, что казалось, что это не губы, а открытая кровоточащая рана.

– Сергей достал из того же кармана одноразовую пластмассовую зажигалку «Крикет» и, чиркнув колёсиком, поднёс вспыхнувший язычок пламени к сигарете девушки.

– Не надо! У меня своя! – она достала из сумочки тонкую и плоскую дамскую зажигалку, ярко вспыхнувшую под фонарём, где они стояли, гранями необычайной алмазной гравировки, которая образовывала довольно замысловатый рисунок, и, щёлкнув, прикурила. Сделав одну затяжку, она сразу закашлялась.

– Не надо, так не надо! – с разочарованием Бабинцев прикурил сигарету и положил свою одноразовую зажигалку в карман.

– С пьезоэлементом? – Сергей протянул руку к её зажигалке, – Можно посмотреть?

– Нет!

Незнакомка торопливо положила её в сумочку.

– Как зовут-то тебя! – ночная красавица смело посмотрела Бабинцеву прямо в глаза.

– Сергей!

– А что, Серёжа, может,пустишь меня к капиталистам, у меня там хорошие знакомые есть! А то я замёрзла, как цуцик, а тебе меня не жаль! Хочешь, я тебе отстегну?

Бабинцев даже вспотел. – Вот даёт, стерва, то ей в «Южную» надо, а теперь сюда рвётся! Может действительно взять с девчонки денег, да пусть себе развлекается? Новый Год скоро, жене и детям подарки нужны!.. Чёрт! Что это я? – молниеносно пронеслось у него в мозгу.

– И не думай! – вслух сказал Сергей.

– Ну, тогда привет, Серёжа, я пошла! – девушка не спеша повернулась и пошла чуть пошатывающейся походкой в сторону ярко освещённого Ленинского проспекта. Отойдя метров двадцать, она на секунду повернулась и помахала ему рукой с зажатой в пальцах сигаретой. Тлеющий огонёк сигареты причудливо описал замысловатую дугу.

– Сама найдёт гостиницу! – Бабинцев пошёл в будку, – или такси поймает, деньги-то есть, небось! А хороша, девчонка! Хороша!

Сергей открыл дверь и вошёл в свое служебное помещение, мельком взглянул на электронные часы «Электроника» отечественного производства, висевшие на стене, которые показывали 23.55 ярким зеленым цветом.

– Немножко погрёюсь и сделаю обход! – Сергей удобно расположился на стуле и открыл журнал на непонятном языке, но с яркими, очень понятными картинками заморских красавиц. Затем на минуту отвлёкся и задумался.

– Может, зайдёт ещё? – внезапно промелькнула кромольная мыслишка.

Он даже привстал на стуле и посмотрел в окно, но потом опомнился и снова углубился в иностранный журнал.

Сообщение об убийстве.

Зам. по розыску 96 отделения милиции, капитан милиции Владимир Николаевич Русиков обвел веселым взглядом собравшихся оперов, свою гвардию, так сказать.

– Парни! Я сегодня ответственный по отделению. Большое спасибо, что согласились выйти в свои законные выходные, проходные, отпускные и прочее. Перед Новым годом надо бы почистить район, напомнить о себе преступному элементу. Не возражаете!

– Не возражаем, Владимир Николаевич! – в разной ответили собравшиеся сыщики.

– Тогда давайте распределим районы ответственности.

Русиков на своём столе развернул перед собой карту всей территории отделения милиции, на которой чётко была обозначена земля каждого опера, с указаниями улиц, домов и их номеров, количества подъездов и этажей в каждом доме, обычные и винные магазины, пивнушки, киоски, гаражи, стоянки автомашин, даже помойки. Точно такая – же, но большая по размеру, висела на стене за его спиной.

Шелестов и Гудков весело переглянулись. Дело в том, что эту карту составляли они, когда только впервые пришли сюда на работу. Затеял это всё Антон. Сначала он составил подробную карту своей земли на ватмане, потом карту земли Борьки, потом Саши Маркова т. д. Кстати, все данные тщательно собирались и заносились тогда, когда по работе оказывался в нужном районе во время рейдов, проверок паспортного режима, вызовов на происшествие и во время отработки жилого сектора по совершенным преступлениям, а также в выходные, если такое случалось. Помогали все, потому что идея была не нова, кто-то когда-то пытался что-то подобное сделать, но потом бросал, эти попытки в виде схем и чертежей находились и передавались Антону. На карте даже было указано количество населения на всей территории отделения и по каждому участку земли, который находился в ведении сотрудника уголовного розыска. Потом карту с помощью ЭКО РУВД¹ Октябрьского района размножили, и теперь у каждого опера на стене висел план всей территории отделения с выделенным его участком земли. Очень удобно, потому что флажками можно было отмечать места совершения различных преступлений, места концентрации криминального элемента и т. д.

– Итак! Шелестов и Гудков идут на Ленинский проспект, нечётная сторона.

Русиков приподнял кустистые рыжие брови.

¹ ЭКО РУВД – экспертно-криминалистический отдел.

– Давайте сначала в гостиницу «Южная» и кафе «Минутка», и не очень там! Знаю я вас! – довольно рассмеялся зам. по розыску.

Собравшиеся оперативники дружно засмеялись и посмотрели на Гудкова и Шелестова. Была там одна развеселая история, случившаяся в самом начале службы Антона.

– Ладно, ладно, всё! Тихо! – продолжил Владимир Николаевич, – Успокойтесь!

– Марков и Малышев терроризируют улицу Новаторов, Волченков и Чумаков проверят Черёмушкинский рынок, Булкин и Шишкин поработают на чётной стороне Ленинского проспекта. В группе (дежурный по отделению от уголовного розыска) у нас сегодня Александр Порфирьевич Парнов, сейчас он на выезде, драка там на Гарибальди.

– У тебя, кстати! – ткнул в сторону Шелестова шариковой ручкой Русиков.

– Ясно! Разберемся! – хором ответили Антон и Борис.

Все улыбнулись.

– В группе разбора согласился участвовать Михаил Васильевич Шуликов, начальник паспортного стола отделения и Елена Владимировна Сазонова, инспектор по делам несовершеннолетних. Я и Борис Акимович Шур посмотрим улицу Кравченко. Кстати! Сегодня по районному управлению ответственный майор Перов Николай Викторович, поэтому, при необходимости, будет оказана максимально возможная силовая поддержка ОМОН². Но лучше, чтобы ничего не случилось из ряда вон выходящего.

Русиков встал из-за стола, заложил руки за спину и подошел к окну. Затем резко повернулся к собравшимся.

– Так! Все распределены по участкам, теперь инструктаж! – Владимир Николаевич пружинистым шагом прошелся перед притихшими операми.

– У нас сегодня не плановый рейд, поэтому прошу проявлять максимальную осторожность и соблюдать социалистическую законность в борьбе с правонарушениями! Участковых инспекторов не будет. Мероприятия проводим до пяти утра, это максимум, потом все снова собираемся у меня в кабинете, подводим итоги, и по домам! Кто свободен от службы. Обращать внимание на всех, кто поздно шарается по району, у кого запчасти для машин при себе, большие сумки с вещами и т. д. Но лучше, если заметите тех, кто снимает колеса и ворует автомагнитолы, зеркала, дворники. Подождите, пока залезут в машину или снимут колеса. Надо брать с поличным, поэтому дождитесь, пока ворованное будет на руках у бандитов, а потом – берите! И всех сюда. Не беда, если машину раскурочат, она не ваша. Тем более, когда есть, кому отвечать! А отделению – палка за раскрытие личным сыском! А то отделение заявами³ завалили. Каждый день бомбят личный автотранспорт! – Русиков вздохнул, повернулся, подошел к своему столу и сел в начальственное кресло. Потом продолжил, – наша патрульная машина исправна, слава тебе господи, Витя Скрейдель – золотые руки парень, починил. – Рации возьмете в дежурке! После мероприятия оружие не забудьте сдать! Теперь у меня всё! Вопросы по мероприятию!

Подождав ровно три секунды, Русиков сам себе вслух ответил: «Вопросов – нет! Это хорошо! Все свободны!».

² ОМОН – (отряд милиции особого назначения) – в Российской Федерации и ряде стран СНГ подразделения милиции, декларируемое предназначение которых – выполнение опасных заданий в городских условиях, включая захват и ликвидацию вооруженных преступников, а также силовое подавление массовых беспорядков. Также используется для физического недопущения и прекращения проведения не санкционированных властями публичных мероприятий. Как правило, подразделения ОМОН лучше вооружены по сравнению с обычными сотрудниками милиции. Все сотрудники ОМОН проходят специальную подготовку. Они также привлекаются для решения задач обеспечения порядка и безопасности в «горячих точках». Первые 19 отрядов ОМОН были созданы 3 октября 1988 года в 12 городах трех республик СССР (среди которых Москва, Ленинград, Минск, Рига), после распада Советского Союза, из всех российских городов ОМОН был только в Москве и Санкт-Петербурге. Позднее ОМОН стал появляться и в других крупных городах РФ (Нижний Новгород, Новосибирск, Екатеринбург и др.). К концу 1990-х годов подразделения ОМОН существовали уже во всех крупных городах России, не только в городах областного значения, но и практически в любом городе с населением выше 500 тысяч.

³ «Заява» – заявление граждан в подразделение милиции.

Собравшиеся шумно поднялись со стульев, стоявших вдоль стены напротив стола своего начальника, и, пошли к выходу, оживленно переговариваясь.

Антон вошёл в дежурную часть вместе с Гудковым и Малышевым, и постучал костяшками согнутых пальцев правой руки в закрытое окошко выдачи табельного оружия, что располагалось в стене оружейной комнаты.

– Кто в тереме живёт? – прогнусавил Малышев, стоявший рядом с Шелестовым.

Окошко со скрипом отворилось, и появилась хитрая физиономия дежурного по отделению капитана Ахметзянова.

– Это я, мышка – норушка из 7-го управления МВД⁴! Ладно, давайте по одному!

Антон протянул в окошко свою карточку – заменитель, вместо неё получил свой пистолет Макарова, две пустых обоймы и деревянную коробочку – подставку с патронами в количестве шестнадцати штук, где все патроны находились в специально просверленных в деревяшке гнездах, капсюлем вверх, и отошёл к противоположной стене. Вдоль стены стояли два специальных оцинкованных стола, на один из которых он положил всё полученное.

– Вот чёрт! Министерство внутренних дел, такая крутая фирма, а придумать что – либо лучше, не может! – подумал про себя Шелестов, – а, может, не хочет! Убогость этой конструкции, кое – как сделанной из фанеры, очень раздражала. Поскольку коробочка была вся засаленная, с потёками оружейного масла, то цвет её был грязновато – коричневый, а углы фанеры стёрлись и стали почти круглыми от частого пользования, была очевидна древность её изготовления.

– Сколько же поколений оперов этой коробочкой пользовалось? – Антон не спеша начал защёлкивать патроны в обойму.

Рядом с грохотом расположился Малышев, просто высыпав патроны на стол из коробочки.

– Послушай Антон! Покажи мне, пожалуйста, вот этот трюк с патроном, который ты показывал дома у Волченкова! Я, честно говоря, ничего не понял!

– Да? Ну, тогда смотри! – сказал Шелестов, взял правой рукой свою одну уже заряженную обойму, пальцами левой руки выщелкнул верхний патрон из обоймы на половину и резко поднял его так, что патрон встал вертикально в обойме, затем большим пальцем левой руки резко нажал на патрон и направил обойму в противоположный конец комнаты: пружина обоймы щёлкнула и, патрон вылетев из под большого пальца Антона, с силой ударился в стену.

– Ранить нельзя, конечно, но напугать можно! Это приём чисто психологического плана!

– Здорово! – Малышев подошёл к стене, куда ударил патрон и пальцем потрогал небольшую ямку от удара, затем поднял патрон и принёс его Шелестову.

– Даже краска на стене немного отлетела! А до стены почти четыре метра, круто! И много ты с Гудковым таких приёмчиков знаешь?

Женя протянул патрон Антону, который снова защёлкнул его в обойму.

– Много, Женька! Нам с тобою хватит! – Шелестов загнал магазин в рукоять Макарова, поставил пистолет на предохранитель и сунул его в наплечную кобуру под мышкой левой руки, как градусник.

– Шелестов! – из дежурной части выскочил Ахметзянов, – Ты, Малышев и Гудков живо к Русикову! У нас в дипкорпусе труп с огнестрелом!

На стоянке у отделения стоял милицейский «УАЗ» с цельнометаллическим кузовом. Машина была старая, моторесурс был выработан ещё лет семь назад, и она давно просилась на покой, но все словно ждали, пока она развалится где-нибудь на дороге. От работы двига-

⁴ 7-е управление МВД СССР – оперативная служба наружного наблюдения.

теля «УАЗ» дрожал, словно в ознобе и был весь варенный -переваренный, с напрочь сгнившим днищем и порогами. Рассказывали, что как-то очередной интеллигент – алкоголик наотрез отказался залезать в «собачник», заявляя милиционеру наряду, что опасается за свою жизнь.

Выйдя из отделения, оперативники почти бегом бросились к дежурной машине. Антон, резко распахнув переднюю дверь, запрыгнул на сиденье рядом с водителем. Сзади, справа, один за другим также запрыгнули Борька Гудков и Женя Малышев. Опера одновременно с грохотом захлопнули двери, которые с первого раза обычно не закрывались. А иногда даже и не открывались.

– «Машина такая „УАЗ-469“, „козлом“ называется», – так шутили милиционеры – водители, когда утром, возмущённые жильцы дома шли жаловаться начальнику отделения на ночной шум, точнее даже грохот от ударов металла о металл, когда закрывались двери машины.

Ночами, когда дежурная милицмейская машина выезжала на происшествие, такой шум от захлопываемых дверей сначала даже будил жильцов второго и следующих этажей жилого дома, но спустя десятилетия все привыкли.

– Отлично, поехали! Куда прикажите гражданин начальник? – крикнул Витя Скрейдель, милиционер – водитель, со скрежетом включая передачу и лихо газуя.

– На Ленинский, 135. К входу дипкорпуса! – сказал Шелестов.

Милицмейский УАЗ, пробуксовав колёсами на снегу несколько секунд, рванул с места и, заложив крутой вираж влево от отделения милиции, мигая проблесковым маячком и завывая, помчался по Ленинскому проспекту в адрес.

– Антон, тревожную папку взял? Писанины будет немеренно! – Малышев зябло повёл плечами и зевнул.

– Да взял, взял. Борь, сколько сейчас времени? – спросил Шелестов.

– Ровно двенадцать ночи. Через пятнадцать минут будем на месте.

Все замолчали. Антон смотрел в лобовое стекло, правой рукой держась за поручень на приборной доске машины. Тревожная папка лежала на коленях. Снаружи бушевала метель, щётки еле – еле справлялись с работой, поскрипывая при каждом взмахе. Машин было много, но вой милицмейской сирены заставлял их шарахаться в стороны и прижиматься к обочине.

– Смотри-ка, бояться, уступают дорогу! А днём хоть дубинкой разгоняй! – Витя Скрейдель злобно выругался.

Шелестов посмотрел в боковое окно. Наступление Нового Года шло по полной программе. Несмотря на позднее время, мороз и метель, москвичи группами и по – одиночке, спешили домой с покупками, ёлками и полными сумками с продуктами к будущему праздничному столу.

– Всяк! – вдруг с сожалением произнёс Гудков и засопел.

– Глухарь! – подтвердил Женя Малышев.

– А с другой стороны, только начало отчётного года! Переживём! – уже окрепшим голосом, начал было Борька, но вдруг замолчал.

Машина с сыщиками подъехала к огороженной высоким металлическим забором территории жилого дипломатического корпуса и остановилась у шлагбаума. Яркие фары выхватили из темноты чёрную «Волгу» начальника отдела КГБ⁵ Октябрьского района с антенной посреди крыши машины, стоящую у самого подъезда и несколько человек, находившихся чуть поодаль.

⁵ КГБ – Комитет государственной безопасности – союзно-республиканский орган государственного управления в сфере обеспечения государственной безопасности при Совете Министров СССР, образован 13 марта 1954 года путём выделения из МВД СССР ряда управлений, служб и отделов. В систему КГБ входили органы государственной безопасности, пограничные войска и войска правительственной связи, органы военной контрразведки, учебные заведения и научно-исследовательские учреждения. В 1978 г. Ю. В. Андропов, будучи Председателем, добился повышения статуса органов ГБ и вывода из непосредственного подчинения Совета Министров СССР. 20 марта 1991 года получил статус центрального органа государственного управления СССР, возглавляемым министром СССР. Упразднён 3 декабря 1991 года.

На углу дома висела синяя светящаяся табличка с номером 135.

Из будки охраны вышел человек в чёрном овчинном тулупе с погонами младшего лейтенанта милиции и открыл шлагбаум, пропуская «УАЗ» на территорию. Проехав ещё метров пятнадцать, милицейская машина остановилась рядом с чёрной «Волгой».

– Контора уже здесь, выходим! А ты Витя, – Антон повернулся к водителю, – давай дуй назад в отделение. Если здесь всё так, как передал дежурный, то и Русиков с ребятами сюда должен приехать!

Шелестов открыл дверь и пружинисто спрыгнул на скрипучий снег, держа под мышкой левой руки папку, подождал, пока выбрались Гудков и Малышев, затем захлопнул дверь машины и шагнул навстречу небольшой группы людей, стоявших чуть дальше подъезда, дверь которого была распахнута и оттуда выпадала на снег широкая полоса электрического света.

От группы людей отделился человек в форме сотрудника милиции с рацией в левой руке, и быстрым шагом направился навстречу Антону.

Сыщики знали в лицо почти всех сотрудников смены Отдела по охране дипломатических представительств, несущих службу по охране дома №135, включая майора милиции Анатолия Бородкина, одного из замов начальника подразделения по охране объектов дипкорпусов. Охрану этого дипкорпуса находившегося на территории 96 отделения милиции осуществляли и они тоже, поэтому опера старались сохранять с ними ровные дружеские отношения, свято помятуя: «Мало ли чего!». Периодически, патрульная машина с экипажем 96 отделения выезжала на вызовы сотрудников охраны дипкорпусов, когда требовалось забрать пьяных, прекратить драку или забрать в отделение девиц легкого поведения периодически начинавших надоедать охране разнообразными попытками пройти в дипкорпус.

– Привет сыскарям!

Все поздоровались крепким ским рукопожатием.

– Привет Анатолий! Что тут для нас? – спросил Антон.

– А то ты не знаешь! Зачем тогда приехал? – усмехнулся Бородкин.

– Так ведь стреляли! – заговорщицки шепотом произнёс Шелестов.

– Точно! Тогда давайте парни за мной!

Бородкин, Гудков, Малышев, Шелестов, как замыкающий, гуськом вошли в подъезд, поднялись по ступенькам в вестибюль и подошли к лифту. Малышев ткнул пальцем в кнопку вызова. Послышался утробный звук работающего электродвигателя в лифтовой шахте, где-то на самом верху.

– Толя! Какой этаж? – спросил Шелестов, обращаясь к Бородкину.

– Четвертый! Квартира сразу налево!

– Тогда я пешком, быстрее получится!

Антон буквально взлетел на нужный этаж, повернул налево и нос к носу столкнулся с двумя милиционерами ППС своего отделения, стоявшими в предбаннике перед нужной квартирой.

– Привет ребята! Что тут у нас? – Шелестов поочерёдно пожал руки постовым.

– Вон, к нему вопросы! – один из милиционеров, сержант Доронин, кивнул головой на плотного коротко стриженного молодого парня среднего роста, примерно ровесника Шелестова, также одетого в синюю куртку типа «аляска», и без шапки, стоявшего лицом к Антону и спиной к входной двери нужной квартиры. Его руки были в нагрудных карманах куртки. Рядом с ним находился комендант дипкорпуса, пожилой, но шустрый ичок лет шестидесяти с бегающими плутоватыми глазами, с весёлой фамилией Полейвода.

– Да?... Ладно!

Шелестов решительно шагнул к ним.

– Одну минуту! – мужчина вынул правую руку и выставил вперед ладонь, преграждая путь к заветной двери. – Что вы хотели?

– Милиция! Дайте пройти! – Антон с интересом рассматривал незнакомца, который даже не шевельнулся. Сразу было ясно, что парень из конторы.

– Твоя земля? – спокойно спросил он у Шелестова.

– Да!

– Понятно!

Внезапно в левом кармане его куртки что-то запищало, и он вынул руку с небольшой японской рацией.

Антон такие уже видел.

– Третий на связи! – доложил комитетчик нажав кнопку вызова.

...

– Да, уже приехали!

...

– Есть!

Он сунул рацию обратно в нагрудный карман и взглянул на Шелестова.

– Отойдите, пожалуйста, к стене! – попросил он.

Комендант резво выполнил просьбу, и в это время за спиной комитетчика щёлкнул замок открываемой двери нужной квартиры. В предбанник вышли один за другим три одинаково одетых мужчины и, молча направились к лифту. У последнего в правой руке, одетой в черную перчатку, был небольшой черный дипломат.

Шелестов посторонился.

– Что тут вообще происходит? – собрался было спросить Антон, но в эту секунду поднимающаяся снизу кабина лифта остановилась на их этаже, и открылась дверь, выпуская на этаж Бородкина, Гудкова и Малышева.

Шедший первым Бородкин увидел подходивших к лифту, вдруг остановился, весь подобрался, и уже собрался отдать честь, как первый неизвестный взял его под локоть, развернул и почти силком втащил в кабинку. За ними зашли двое остальных, двери закрылись, и кабина не спеша поползла вниз. Пройдя мимо оперов и на прощание, дружески кивнув головой Шелестову, в след за лифтом вниз по ступенькам легко потрусил и комитетчик.

– Серьёзные дяди! – Малышев подошёл к Антону. – Этот вот, кто утащил за собой Бородкина, заместитель начальника отдела КГБ нашего района, кажется Сидорук его фамилия. Остальных не знаю!

Боря Гудков поманил пальцем коменданта, так и стоявшего прижавшись спиной к стене, рядом с лифтом. – Будете понятым, идите за нами! – затем взял под локоть Шелестова и легонько подтолкнул его вперёд к двери. – Давай, начали!

– Да, уж! – Антон подошёл к двери квартиры, оставшейся чуть приоткрытой от визита недавних гостей, аккуратно вытер ноги о коврик, лежавший перед дверью, толкнул её от себя и вошёл в квартиру. За ним потянулись остальные.

В большой просторной прихожей горел яркий свет, прямо перед Шелестовым, в конце коридора, лицом вниз лежало тело рослого мужчины одетого в чёрный костюм. Большое, тёмно – красное пятно, словно ореол окружало его черноволосую, коротко стриженую голову, ясно давая понять сыщикам, что перед ними труп. На стене, на уровне человеческого роста чётко были видны кровавые брызги и небольшие белые комочки мозгового вещества: от них до самого пола тянулись потёки бурого цвета. Левая рука убитого вывернута назад и лежит вдоль тела, правая вытянута вперед, словно он хотел в последнюю минуту до чего дотянуться, но не успел. Свет был везде, горели все люстры во всех четырёх комнатах, кухне, ванной и санузле, двери, которых, были открыты настежь. Антон прошёл по коридору до конца, осматривая комнаты. Квартира, как говорится, была упакована выше крыши: хорошего качества мебель, телевизоры «Сони» во всех четырёх комнатах, стереосистема, бар в большой комнате с большим набором разноцветных бутылок и т. д. Капитализм, одним словом! Но самое глав-

ное, что хотел увидеть Антон, это – не нарушен ли порядок в квартире. Однако все вещи были на своих местах, и всё в квартире показывало, что здесь проживает холостяк, уважающий чистоту и удобства. Стеллажи для книг из красного дерева до самого потолка, картины на стенах в большой комнате, журнальный столик из красного дерева на витиеватых ножках и четыре кресла в средней комнате. Везде паркетный пол покрыт дорогим пушистым паласом, в кабинете белая капитанская морская фуражка на серванте, рядом в хрустальной пепельнице лежали массивный ской золотой перстень с непонятной замысловатой монограммой и женское обручальное кольцо, кровать в спальне аккуратно застелена, на кухне всё сияет чистотой, даже конфорки вымыты – порядок одним словом, армейский. Кстати, Антон не заметил женских и детских вещей, ни в спальне, ни в ванной.

Шелестов вернулся назад и поискал взглядом коменданта, который скромно стоял у самого входа в квартиру.

– Так, здесь всё ясно, что нам здесь пока делать нечего! – Шелестов подошёл к красивому трюмо, стоящему посредине коридора и пододвинул к себе телефонный аппарат, затем снял трубку и набрал номер дежурной части отделения. – Алло, Саш, мы на месте, правда, тут странные вещи происходят! Здесь труп, надо группу, врача, экспертов, собаку с кинологом! Что? Уже едут! Хорошо... Что! Едут тоже? Вот чёрт! – с этими словами Антон в сердцах бросил трубку на аппарат.

Шелестов повернулся и посмотрел на оперов.

– Минут через пять здесь будут ВСЕ! – Антон махнул рукой коменданту. – Пожалуйста, подойдите сюда! Вы здесь всё и всех знаете, поэтому давайте пройдем на кухню, что – ли, я запишу ваши показания! Я так понял, это вы первым обнаружили труп?

– Да я проходил мимо и увидел, что дверь в квартиру приоткрыта! – начал, было, комендант.

– Антон! погоди! Давай я с ним займусь, тебя всё равно руководство начнёт дёргать! – серьёзно произнёс Гудков, и, подойдя к Шелестову, выдернул из его руки тревожную папку. Затем начальственным голосом приказал коменданту: «Пошли!» и направился на кухню.

Внезапно послышался шум на лестничной площадке, открылась не плотно прикрытая дверь в квартиру, и целая толпа знакомых и не знакомых Антону лиц в милицмейской форме решительно ввалилась в прихожую и остановилась, выдвигая на передний план громадного пса с ошейником на мощной шее, к которому был пристёгнут длинным поводком сержант Олег Сусликов. Это означало прибытие собаки с кинологом. Все замерли. Пока собака и Сусликов одновременно брали след, или пытались это делать, из толпы обозначился Русиков, замполит Дубов, за ним судмедэксперт Слава Никифоров, фотограф Миша Гранин и другие, не менее известные Шелестову колоритные личности из РУВД Октябрьского района.

Начальник уголовного розыска 96 отделения посмотрел на труп, подождет, пока ищейка и Сусликов выскочат из квартиры, и сказал: «Начинайте!». Первым начал работу фотограф, за ним приступил к осмотру тела судебный медик со своим длинным градусником. В спальне расположились эксперты – криминалисты из РУВД, раскрыв свои хитрые чемоданчики прямо на широкой двуспальной кровати. Малышев, сидя на корточках, деловито извлекал содержимое карманов убитого и складывал всё на стул, стоявший около трюмо. Антон подошёл посмотреть: носовой платок с вышитой монограммой, ручка с золотым пером, большая кожаная записная книжка, пропуск в посольство Мексики, международный паспорт на имя Антонио Перес Гонгора, международные водительские права, документы на «Мерседес – 500SEL», портмоне с кучей банковских карточек, немного долларов США и целая пачка рублей разных номиналов, пачка визиток, набор изящных ключей, несколько смятых бумажек с номерами московских телефонов.

Снова открылась входная дверь в квартиру, и на пороге появился начальник ОУР района Калинов с двумя районными операми, заместитель начальника РУВД по оперработе Снеги-

рёв, старший следователь районной прокуратуры Максим Переверзев. В квартире становилось тесновато.

– Ну, какие мысли есть? – подошедший к Антону Русиков взял со стула записную книжку и паспорт владельца, теперь уже бывшего.

– Да какие мысли, Владимир Николаевич! Рано ещё! Давайте подождём, что скажут эксперты!

– Хорошо! Подождём! – с этими словами Русиков зашёл в комнату, где расположилось только что прибывшее начальство, и закрыл за собой дверь.

– Пойду на кухню, узнаю, что там Борька нарыл! – сам себе уныло пробормотал Шелестов и аккуратно, по стеночке, стараясь не наступить на массу всяких хитроумных приспособлений лежащих и стоящих на полу около трупa, которые используют эксперты – криминалисты для определения траектории пули, двинулся на кухню.

Куча снующего туда – сюда народа, разговоры, щёлканье затвора фотоаппарата, звонки по телефону, шелест бумаги различных заполняемых протоколов производили монотонный достаточно сильный шум и когда он внезапно стих, то Антон сразу сообразил, что на место преступления прибыли самые – самые большие начальники. Он не ошибся.

Вновь возня на лестничной клетке, открывается дверь в квартиру, шаги, опять все замерли. Заместитель прокурора Москвы товарищ Иншаков, два его сотрудника, консул посольства Мексики в Москве со своим секретарём – переводчиком, ещё два посольских работника, то ли наших, то ли нет, прибыли на место преступления.

Шелестов прошёл на кухню, когда удобно расположившийся за длинным обеденным столом Боря Гудков, доселе мирно писавший протокол допроса свидетеля, вдруг вскочил со стула и мощно схватил коменданта за шиворот, подтянул его к себе и начал что-то яростно шептать ему в ухо.

– Так, все при деле! Можно пока отдохнуть, да и душно здесь, пойду на лестничную площадку! – развернувшись в обратную сторону, Антон прошёл через холл, толкнул не запертую дверь и вышел из квартиры.

Он спустился на площадку между этажами, и подошёл к окну. Он смотрел на ночной проспект, на желтые квадраты окон, на силуэты не знакомых ему людей, которым не было дела до его забот. Задумчиво глядя вниз, Шелестов прижался лбом к холодному стеклу. Было хорошо. Затем чему-то улыбнувшись, он нарисовал на уже запотевшем стекле улыбающуюся рожицу и подписал своим именем. Влага, конденсируясь в капли, постепенно начала стекать с краев нарисованной улыбки, и некогда веселая картинка постепенно превратилась в несчастную. С досадой и напоследок, взглянув на скорбную картинку, Антон удобно уселся на подоконнике.

Минутой спустя, хлопнула входная дверь квартиры, и появился судебный медик Вячеслав Альбертович Никифоров. Бессмысленно глядя на Шелестова, он достал из кармана белого медицинского халата настоящий серебряный портсигар с изображением Сталина, не спеша открыл его, вынул папиросу, постучал мундштуком о портсигар и сунул в зубы. Закрыл портсигар и положил в карман. Затем, держа коробок в правой руке, левой, не спеша, достал спичку и просунул её между ребром коробка и указательным и безымянным пальцами правой руки, затем резко пальцами правой руки двинул головку спички по ребру коробка, спичка вспыхнула. Никифоров элегантно поймал левой рукой взлетевший вверх коробок, а правой, со спичкой поднёс оранжевое пламя к концу папиросы. Одна затяжка, другая, взмахом руки он загасил спичку и сунул её в коробок, под днище. Затем, медленно передвигая своими длинными худыми ногами, он торжественно спустился вниз, к Шелестову, распространяя вокруг удушливый дым «Беломора».

Антон и сам умел проделывать такой фокус со спичечным коробком, научившись в детстве у однорукого сторожа аттракционов, в Нескучном саду. Это было очень давно.

Никифоров был чрезвычайно худ и лыс, только внимательные, чуть насмешливые карие глаза всегда смотрели на собеседника в прямом и переносном смысле: «свысока».

Вячеслав молча расположился рядом на подоконнике, затем повернул свою треугольную физиономию и посмотрел на Антона, как бы обнаружив, что он не один, протянул ему правую руку для рукопожатия.

Шелестов ответил.

– Ну, привет, погорелец!

– Привет Славка! Чем порадуешь?

Шелестов не обиделся за такое обращение к нему, потому что знал: Никифоров всех оперов, строго, называл погорельцами.

– Да как тебе сказать! Смерть предположительно наступила два – три часа назад. Свежак! Даже кровь на паркете ещё не высохла. Я обнаружил лишь одно проникающее ранение, в голову, в затылок, поэтому смерть наступила мгновенно. На первый взгляд, характер повреждений свидетельствует о применении мелкокалиберного оружия. Я с такими повреждениями сталкивался. Никаких шансов выжить! Следов пороха на коже головы и волосах нет, значит, стреляли на расстоянии. Любопытно выходное отверстие: пуля вышла из глазницы, выбив левый глаз с фрагментами черепа и мозгового вещества, это очень сильный динамический удар, потому что пуля свинцовая и при ударе в череп сплющивается, а вылетая, образует большую дыру. Что меня смущает, так это то, что я видел черепные раны от мелкокалиберных пистолетов, ну типа пистолета Марголина. Здесь не то! Здесь оружие было мощнее! Например, мелкокалиберная винтовка!

– Да, ну! – не поверил Антон.

– Вот, и я о том же! Надо подождать, может быть, криминалисты пулю найдут или гильзу, тогда и посмотрим, прав я или нет!

– Я не спешу!

– Я тоже! Я вызвал труповозку и санитаров, которые тело отвезут ко мне в анатомичку, а завтра с утра, точнее уже сегодня, я им займусь с нашим патологоанатомом! Правда, у меня завтра по графику ещё четыре вскрытия, но ведь всё равно заставят, раз такие дела! Поэтому с утра, часов с восьми и начну! Если хочешь, то приезжай часам к девяти, я тебе всё расскажу и покажу, протокольчик отдам, да и спиртику тебе накапаю граммов двести! А, Антон?

– Хорошо! Я приеду! Надо же мне будет протокол вскрытия забрать!

– Договорились, я пойду тогда собираться! – Никифоров щелчком отправил папиросу вниз на этаж, которая, ударившись об пол, рассыпалась ярким огненным фейерверком, словно маленький взрыв, затем поднялся с подоконника и, смешно вытянув шею, легко пошагал через три ступеньки вверх по лестнице, в квартиру.

– Страус «Нанду»! – беззлобно подумал о нём Шелестов, провожая его взглядом пока он не скрылся за углом.

Антон остался один.

Он не сомневался в том, что сказал Никифоров, потому что было точно известно, что он настоящий спец в своём деле. Рассказывали, сразу после окончания второго медицинского института Никифоров попросился в Афганистан в качестве военного хирурга и за пять лет дослужился там до звания капитана медицинской службы, имел государственные награды. Притом надо учесть, что он сразу начал заниматься своей профессией при активных боевых действиях. Так что, в вопросах определения характера пулевых ранений ему не было равных. Никифоров обладал крайне неуживчивым характером, и как каждый профессионал – практик был высокого мнения о себе. Что произошло в Афганистане, в результате чего Вячеслав оказался в Москве и без погон, Антон не знал. Но доподлинно известно, что постоянно из военного госпиталя им. Бурденко, к нему приезжают за консультациями хирурги – специалисты,

а руководство госпиталя предлагает ему вернуться к ним на работу, т. е. в армию, однако пока всё оставалась на своих местах. О таких специалистах говорят: «он – хирург от Бога!».

Шелестов очень хорошо знал из личного опыта, что присутствие начальников разного ранга не способствует обстоятельной и кропотливой работе по отработке места совершения преступления. Простой опер превращается в задёрганного мальчика для битья, уставшего от противоречивых указаний, в общем-то, от опытных руководителей при нормальных обстоятельствах. Работа идёт своим чередом: опера опрашивают возможных очевидцев, криминалисты занимаются поиском и съёмом отпечатков пальцев, поиском и осмотром орудия убийства, его идентификацией, судмедэксперт – трупом, фотограф занят своим делом, и т. д. Всё идёт по своим, годами отработанным правилам. Поэтому нашествие начальства вносит некоторую нервозность в действия своих подчинённых. Да и отвечать за раскрытие преступления всегда будут опер, на чьей земле оно было совершено, да следователь, кому дело будет подписано. Какие бы указания вышестоящий начальник не давал, всё равно всех собак за нераскрытое преступление повесят на них, особенно за такое убийство, имеющее резонанс международного масштаба.

Антон стоял на лестничной площадке этаж и спокойно ждал, когда о нём вспомнят. Наконец вспомнили. Было слышно, как дверь в квартиру снова открылась.

– Шелестов! Вот ты где? – к нему спускались Калинов и Снегирёв.

– Так точно, Анатолий Иванович, я здесь!

– Ну, что думаешь делать? Земля твоя, с тебя и спрос?

– Почему допустил? – грустно ухмыльнулся Антон.

– Ты давай не хохми, тут дела серьёзные! Видишь, что твориться?

Калинов нахмурился.

– Сейчас время уже 5 утра, езжай домой, поспи немного, а в 10.00 вместе со своим братом – акробатом чтобы были в канторе. Будете включены в оперативную группу РУВД и Главка по расследованию! Ваше 96 отделение превращается в небольшой филиал Министерства иностранных дел!

– Анатолий Иванович, так я ...!

– Всё, свободен, лейтенант!

– Есть!

Антон стал подниматься вверх по лестнице в квартиру за Гудковым.

Начальник уголовного розыска и зам. начальника РУВД по оперработке остались одни.

– Иваныч! – чего ты его отпустил-то? Пусть работает! – Снегирёв прищурил хитрые глаза.

– А что ему делать? Всё и так ясно! Висяк, наверное! И комитетчики что-то не особенно суется! Утро вечера мудренее, Василич!

– Как думаешь, перспективные ребята эти твои Шелестов и Гудков?

– Думаю, да! И раскрываемость в порядке, и план по оперативным делам сделан и с агентурной работой нормально! Да и в прошлом, серьёзные науки изучали! В общем – поживём, увидим!

– Знаю, знаю! Но всё – же зря ты отправил их домой! Молодые ещё!

– Не зря! Утром включу в опергруппу, поставлю задачи и, считай месяца на три, без выходных и проходных будут вкалывать! Если, конечно, информация, какая не всплывёт! А так, висяк! Ты видишь, кто в доме живёт? Кого и как опрашивать? Тут русский язык только мы с тобой, да наши люди знают! Объект режимный! А труп? Ты видел дырку в затылке? Аккуратная такая дырочка, строго посреди затылка. Больше похожа на контрольный выстрел. Если это так, то, где остальные выстрелы, а? Кто из уголовников, которых ты знаешь, так может стрелять?

– Ты на что намекаешь?

– Я хочу сказать, что лет десять назад, когда я работал в МУРе, в убийном отделе, ну ты помнишь, так вот на стрельбище Олимпийского резерва в Красногорске один мастер – биатлонист международного класса, приревновав своего товарища по сборной к своей жене, из пистолета Марголина с 50 метров вогнал ему пулю меж глаз. Почти как здесь, только наоборот! Так что, работу мы свою выполним, конечно, но тут много неясного, Василич!

– Ладно, Иваныч! Поехали по домам! Уже утро! Скоро на работу!

Когда Антон вернулся в квартиру за Борисом, все необходимые следственные мероприятия уже заканчивались. Прибывшая «труповозка» увезла тело убитого и самого Никифорова, комендант расписался на каждом листе протокола допроса свидетеля и ждал окончания всех мероприятий. Сотрудники нашего и мексиканского МИДа уехали первыми, за ними потихоньку разъехалось милицейское руководство, справедливо полагая, что после их ценных указаний преступление будет раскрыто в кратчайшие сроки, следовательно заканчивал составление описи вещей, ценностей и личных документов, обнаруженных в карманах одежды атташе, криминалисты собирали свои хитрые чемоданчики.

Русиков стоял в кабинете и вертел в руках капитанскую фуражку. Шитый золотой нитью «морской краб» тускло блестел при электрическом свете. При появлении Шелестова, замполит наддел фуражку себе на голову и скомандовал: «Поднять паруса!».

– Владимир Николаевич! Здесь подойдёт команда: «Отдать концы!».

– Верно! Один уже отдал!

– Антон! Как думаешь, эту военно – морскую фуражку Гонгора тоже носил?

– Не знаю! Это клубная фуражка, такие носят капитаны яхт и круизных кораблей, но не военные! Это – реклама.

– Да? Откуда знаешь? Приходилось на флоте сталкиваться?

– Да, Владимир Николаевич, приходилось, и не раз!

– Верю! – Русиков положил её на место, на сервант.

– Владимир Николаевич! – Шелестов немного замялся, – когда я по вашему указанию прибыл на место преступления вместе с Гудковым и Малышевым, то из квартиры убитого люди из «конторы» уже выходили. Один был с таким небольшим чемоданчиком! Похож на специалиста – технаря!

– Ну и что? Я уже знаю! Тебе нечего волноваться! Поснимали, наверняка, своих «жучков» и концы в воду! У них работа такая! Разведка, мать их! Забудь, что видел и давай, занимайся раскрытием преступления! У них своя работа, а у нас своя!

– Так точно, Владимир Николаевич! Разрешите завтра с утра на улицу Цурюпы сгонять, за протоколом вскрытия трупа! Никифоров вскрытие в 8 утра будет делать! И сразу в отделение!

– Хорошо! Только не завтра, а уже сегодня, и смотри, не опаздывай, чтоб в 10 утра, как штык был! Все получают задания от Калинова по раскрытию убийства! А сейчас бери Гудкова и домой, спать, а я с Малышевым тут ещё побуду! Да и с комендантом хочу без протокола побеседовать!

Антон уже вышел из комнаты в холл, когда открылась входная дверь и в квартиру вошли двое хорошо одетых смуглолицых мужчин в одинаковых длинных кашемировых пальто, бережно поддерживавших под руки слева и справа высокую красивую женщину с покрытой черным платком головой. Судя по всему, она находилась в полуобморочном состоянии, но как показалось Антону, она взглянула на него быстрым внимательным взглядом и снова закрыла свои миндалевидные глаза.

Шелестов быстро ретировался в комнату.

– Владимир Николаевич! Родственники прибыли!

– Ты еще здесь? – Русиков поправил галстук и решительно шагнул из комнаты навстречу прибывшим на опознание родственникам Гонгора.

Антон посторонился, пропуская своего начальника.

Шелестов и Гудков вышли из подъезда и остановились. Площадка перед ним, ещё недавно заставленная машинами оперативных служб милиции так, что не пройти, теперь опустела. Хлопья падающего снега неторопливо покрывали следы от колёс недавно уехавших машин. Стояла тихая морозная ночь. Внезапно из-за «РАФа» с надписью на борту «Дежурная часть ГУВД», что стоял рядом с подъездом, чёрной молнией метнулась к вышедшим операм громадная овчарка в наморднике и весело закрутилась вокруг них юлой.

– «Барон»! Ко мне! – вслед за собакой из-за того же «РАФа» выскочил кинолог сержант Олег Сусликов.

– Есть новости? – Антон сходу задал ему вопрос.

Сусликов остановился около сыщиков, чтобы отдышаться.

– Нет! Ничего не нашли! – кинолог ласково потрепал за ухо присевшую около его ног псину. – Если «Барон» сразу след не взял, то работать дальше нет смысла!

Кинолог виновато замолчал. Собака будто почуяв, что разговор идёт о ней, тревожно смотрела на Шелестова и Гудкова умными влажными глазами.

– Ладно, Олег! Мы поехали! – опера попрощались с ним и пошли к своему «УАЗу», сиротливо стоящему недалеко от подъезда, рядом с двумя черными «Мерседесами» с красными посольскими номерами Мексики, как видно только что приехавшими.

Милиционер – водитель Витя Скрейдель сладко спал, привалившись головой к боковому стеклу, а в качестве подушки выступала зимняя милицейская шапка.

– Солдат спит, служба идёт! – коротко обозначил ситуацию Гудков и рывком открыл левую заднюю дверь машины так, что она закачалась.

– А?... Что? – Скрейдель мгновенно проснулся, не открывая глаз, схватил шапку, пару раз хлопнул по ней ладонью, отчего она более или менее стала похожа на зимний головной убор сотрудника милиции, и тут же завёл двигатель.

Шелестов подождал, пока Боря усядется, потом задумчиво взглянул на, как бы притихший, дипкорпус, в ожидании дальнейших событий, открыл дверь рядом с водителем, и ловко забрался в кабину.

– Витя! Развезёшь нас по домам, а потом вернёшься за Русиковым и Малышевым!

Приехав домой, Антон первым делом принял душ и завалился спать, ни ужинать, ни делать что-то ещё, у него просто не было сил.

Сослуживцы Антона Шелестова.

Антон перевернулся на другой бок, сон никак не приходил. Спать оставалось около трёх часов, а в голове был настоящий кавардак, какие обрывки мыслей, обрывки разговоров за день, всплывали знакомые и какие-то не знакомые лица. Глубоко вздохнув, Шелестов сосредоточился в мягкой полудрёме на том, кого бы он взял из оперов своего отделения в группу по раскрытию убийства атташе, если бы он был на месте зама по розыску, на месте Владимира Николаевича Русикова. Затем подтянул сползшее одеяло до подбородка и закрыл глаза.

...Если говорить прямо, Шелестову и Гудкову повезло – сразу после окончания Высшей школы милиции МВД СССР они попали в действительно дружный и сплоченный коллектив, знающих свое дело оперов, каждый был личностью, со своими принципами, да и с недостатками. Как без них? Женька Малышев, не высокого роста крепыш, с монгольскими раскосыми

глазами, всегда с аккуратным пробором на голове, просто источал спокойствие и невозмутимость. За год работы в отделении, Антон не мог припомнить случая, чтобы Женька выходил из себя, нервничал, кричал на задержанных. Он ко всем вопросам подходил серьёзно, можно сказать степенно. Даже покупка литра водки представляла для него целую оперативную комбинацию, где учитывалось всё: какая погода на улице, а что делать, если магазин закрыт или водка кончилась! А сколько времени надо, чтобы дойти до магазина и вернуться? А вдруг жена позвонит, когда его не будет или поступит срочный вызов из дежурной части? Поэтому, если Малышев брал кого-нибудь в оперативную разработку из числа криминального элемента, то решетка последнему была обеспечена. Он вцеплялся в преступника мёртвой хваткой, он обставлял его со всех сторон, скрупулезно отработывал все его связи, даже о которых бандит уже забыл за давностью лет. Так, постепенно, нудно, сплетая свою паутину и скрупулёзно изучая разрабатываемого, Женька выходил на его преступления, подельников, места сбыта краденого и т. д. Он был мастер по многоходовым оперативным комбинациям: от преступника к преступлению. Малышев был женат, у него было трое детей, к которым он относился с невестрой отеческой нежностью. Женька считался уже ветераном, хотя ему было всего тридцать четыре года. Приехав в Москву из Перми, Малышев начинал службу простым постовым милиционером, живя в милицейском общежитии, потом была Высшая школа милиции, потом служба в уголовном розыске, т.е. настоящий мент.

А вот Петр Чумаков, наоборот, представлял собой комок энергии. Его так и прозвали – «Чума». Весельчак и балагур, старший лейтенант милиции Чумаков, изобличение преступника в содеянном превращал в целый спектакль со всеми постановочными атрибутами. Будучи натурой творческой, Петр вовлекал в разработку преступника десятки персонажей, каждый из которых даже не представлял, какую помощь он оказывает оперу по прозвищу – «Чума». Правда, вследствие своей кипучести бывали и проколы, были и не раскрытые дела, как и у всех, но каждое раскрытое дело Чумаковым, можно было читать как роман – не оторвёшься. Поскольку на земле Петра был расположен Черёмушкинский рынок, довольно стабильный поставщик заявлений от потерпевших граждан, будь то карманная кража, грабёж или угон автомашины, то каждый визит Чумакова на место происшествия представлял собой небольшую войсковую операцию. Азербайджанцы, торгующие на рынке всем – от анаши⁶ и фруктов, до ворованных автомобильных запасных частей и водки сомнительного происхождения, и на полном серьёзе считающие рынок своей собственностью, несколько раз пытались либо «задобрить» неугомонного опера, либо припугнуть. Торговля такой травкой давала стабильный заработок, и лишний шум на рынке для них был ни к чему. Однако результат всегда был один: чистосердечное признание лица в попытке дачи взятки сотруднику милиции при исполнении служебных обязанностей, или на худой конец – спешный отъезд на историческую родину в солнечный город Баку. Петр был женат, имел сына, и биография его была схожей с биографией Жени Малышева, только родиной Чумакова была Самарская область...

Антон открыл глаза, стряхнув лёгкую полудрёму. Послышался нарастающий шум за окном, на Ленинском проспекте.

⁶ Анаша – (от тюркского «наше» – конопля), русское бытовое название наркотика марихуаны и гашиша. Распространилось в русскоязычной среде в 1970-е гг. в связи с обильным импортом этих продуктов из среднеазиатских республик – в первую очередь, из Узбекистана и Чуйской долины. Это психотропное вещество, полученное из разновидности конопли, которая содержит наибольшее количество психоактивных веществ (каннабиноидов). В природе существует приблизительно 60 каннабиноидов, самый действенный из которых – дельта-9-тетрагидроканнабинол. Существуют три основных вида конопли: *Cannabis sativa*, *Cannabis indica* и *Cannabis ruderalis*, последний содержит крайне малое количество психоактивных веществ [1]. Также существует огромное количество гибридов, сочетающих в себе как сативную часть (*sativa*), так и индиговую (*indica*). Генетика конопли сорной (*ruderalis*) Британские учёные, оценив различные наркотические вещества с позиций вреда для потребителя и для общества, пришли к выводу, что наиболее опасным из них является алкоголь. За ним с небольшим отрывом идут героин и кокаин в форме основания. Марихуана в свою очередь находится на 8-м месте.

– Снегоуборочные машины пошли! Значит около 6 утра! – Шелестов приподнялся в постели на локте правой руки, левой рукой попытался взбить подушку, пару раз ударив по ней, и рухнул головой в мягкое податливое облако.

...Особо надо сказать об оперуполномоченном Александре Маркове, старшей лейтенанте милиции, с которым Шелестов делил кабинет. Коренной москвич, единственный сын профессора В. В. Маркова, выдающегося советского учёного – археолога, Александр Марков два раза серьёзно озадачил своих близких: первый – когда после окончания средней школы ушёл в армию, второй – когда поступил в Высшую школу милиции.

Марков являлся виртуозом раскрутки преступника на чистосердечное признание. Всегда очень аккуратно одетый в костюм-тройку, вежливый, доброжелательно настроенный и образованный молодой человек сначала не производил должного впечатления на воров – рецидивистов, грабителей – гастролёров и просто уголовников, задержанных на месте преступления или пойманных с поличным, как сыщик. При допросах они начинали хамить, отпускали разные шутки в его адрес, просто игнорировать его вопросы, но Александр их не винил, потому что они с ним встретились впервые. Уголовники не знали, что перед ними матёрый опер – волчара, после общения с которым, бывало, самый закоренелый преступник, обливаясь слезами, был готов повесить на себя все не раскрытые преступления в Москве, лишь бы вернуться обратно в камеру. Один раз Марков колол квартирного вора из Зугдиди целый месяц. Невежливо, но грузин сдал всех подельников, съёмную квартиру – отстойник с награбленными вещами и ещё пару эпизодов из своей преступной жизни. Как это Александру удавалось – знал один Господь Бог. Правда, бывали случаи, когда из его кабинета допрашиваемый возвращался в камеру с распухшим лицом и фингалом под глазом, или вдруг, ни с того ни с сего, вдруг начинал заливаться слезами прямо в кабинете, чем чрезвычайно озадачивал подследственных, не желающих раскаться в совершённых противоправных деяниях. Но это бывало крайне редко, да и то в основном с насильниками несовершеннолетних. И ещё один штрих – на стене за стулом Александра, прямо перед глазами Шелестова, висел небольшой плакатик с изображением Ф. Дзержинского и знаменитой крылатой ментовской фразой: «То, что вы на свободе – это не ваша заслуга, это – наша недоработка!»...

Антон снова открыл глаза, словно вынырнул из мягкой глубины сна. Посмотрел на часы, стоящие на секрете: 07.00. Откинув одеяло, рывком встал, потянулся, и вышел в коридор.

У двери квартиры находились его зимние ботинки, причём один ботинок лежал на боку, выставив рифлёную подошву на всеобщее обозрение.

Скользнув по ним равнодушным взглядом, Шелестов прошлёпал босыми ногами в туалет, потом зашёл в ванную. Обычный утренний ритуал состоял из чистки зубов, холодного контрастного душа. Затем двадцать минут силовых упражнений с гирями и полчаса рукопашного боя с воображаемым противником, либо специальных упражнений по системе «тао»⁷. Потом

⁷ Комплекс специальных упражнений по системе «тао» – Тао-лу (сокращённо тао), буквально «комплекс дорожек» (сокращённо просто «комплекс») – комплекс приёмов ушу, в одиночном варианте являющийся аналогом боя с тенью. Парный вариант может являться как расшифровкой одиночного варианта, так боем двух партнёров против нескольких воображаемых противников. В отличие от «боя с тенью» движения в тао определены заранее и посвящены отработке того или иного аспекта школы ушу. Например, тао-лу «восемь захватов» в Багуа стиля Лянь – посвящено именно отработке основных (базовых) захватов. По целям тао-лу также можно разделить на начальный и мастерский уровень. Например, тао-лу «войти во врата» стиля пигуа – предназначено именно для обучения новичков основным принципам стиля, и постановке стилиевой культуры и манеры движений. Кроме того, в связи с развитием спорта, появились так же и соревновательные тао-лу предназначенные для спортивных соревнований на мастерство выполнения тао-лу. Причём, соревновательные тао-лу очень часто представляют собой произвольный набор приёмов, отобранных спортсменом и тренером специально для соревнований. В то время как тренировочные тао-лу имеют фиксированный набор приёмов, полное владение которыми (а не просто умение красиво махать в воздухе) – соответствует полному владению тем или иным аспектом стиля, на уровне соответствующем уровню тао-лу. Например, полное владение приёмами из тао-лу «ищущие руки» школы юн-чунь – соответствует полному владению юн-чунь

снова душ, но теплый, бриться и аккуратной стрижки усов, затем завтрак. Посмотрев на себя в зеркало над раковиной, Антон остался довольным увиденным, и пошёл одеваться. Возвращаясь к себе в комнату, Шелестов остановился у своих зимних ботинок, затем наклонился и поднял тот, что лежал на боку, и хотел было, поставить рядом со вторым, как вдруг увидел слегка красноватую, почти засохшую лужицу, которая, видимо, собралась за ночь из растаявшего снега забившегося в рифлёную подошву ботинка, и теперь почти высохла.

– Фу ты, чёрт! – выругался Шелестов. – Когда это я наступил на кровь мексиканца?

В прихожей под зеркалом, на комоде лежала стопка старых газет «Известия» и Антон, взяв сверху одну из них, накрыл лужицу, затем наступил на неё босой ногой, давая возможность впитаться в бумагу. Взять тряпку и вымыть пол времени не было, так как часы показывали уже 8.00 утра.

– Ладно, родители вернуться из гостей, попрошу мать, пусть уберёт! Или сам уберу! – с сомнением подумал он, быстро одеваясь, – а сейчас в морг, к Никифорову!

Быстро позавтракав парой бутербродов с сыром и колбасой, и запив всё сладким чаем, Шелестов оделся и вышел из квартиры.

Морг.

На улицу Цюрупы, где, в доме номер 3, располагалось городское бюро судебно – медицинских экспертиз номер 1, Антон приехал ровно в 9 утра. Показав служебное удостоверение на вахте, прошёл через вестибюль и пешком поднялся на третий этаж, где царил Вячеслав Альбертович Никифоров. Морг встретил Шелестова специфичным запахом и тишиной. Он уже бывал в таких так называемых «анатомических театрах» 1 – ой градской больницы, где мать Антона проработала врачом почти 30 лет. За целый год службы в розыске, Шелестов здесь уже бывал несколько раз, и в один из таких визитов познакомился с Никифоровым, прямо скажем, при весьма экзотических обстоятельствах.

Антон вошёл в кабинет судебного медика в тот момент, когда Никифоров доедал бутерброд с большим куском докторской колбасы, сидя за столом накрытым газетой, ещё с двумя жующими коллегами. На столе стояла початая бутылка «Столичной», три вездесущих гранёных стакана, пучок редиски, банка солёных огурцов, пара луковиц и полбатона колбасы. Сочетание устойчивого специфичного запаха в помещении и вид еды, вызывал у нормального человека спазм и рвотные позывы.

– Присоединяйся! – Никифоров сделал приглашающий жест.

– Спасибо, Слава! Не могу, давай в следующий раз? – Шелестов развёл руками.

– Ладно! Тогда пошли! – без лишних слов Вячеслав поднялся, вытер руки полотенцем, бросил его на свой стул и, взяв Антона под руку, повёл на выход из кабинета.

Пройдя несколько метров по коридору, они зашли в залитую ярким электрическим светом анатомичку, где на трёх медицинских секционных столах лежали тела, покрытые застиранными, кое – где рваными и заношенными простынями, проштампованными не смываемой чёрной краской с надписью «Морг №3». Просто и сердито! Надо думать: чтобы не украли!

Никифоров подошёл к среднему столу, и откинул простынь с тела, с головы.

Открывшаяся Шелестову картина не шокировала его, он достаточно уже насмотрелся на покойников. Но тут был другой случай: военный атташе чужой страны, очень даже не последний человек, вот так запросто, лежал в советском морге с пробитой пулей навывлет головой, и ждал дальнейшей своей участи. Правая сторона лица, место глазницы черепа, где должен был расположен глаз, представляла собой сплошную открытую рану.

Никифоров надел поочерёдно на руки медицинские перчатки, приподнял голову трупа и немного повернул лицом к себе, так, чтобы Шелестову был видна затылочная часть головы. Кровь уже была смыта.

– Смотри, какая маленькая аккуратная дырочка! – Вячеслав ткнул пальцем в ранку, – и следов пороха вокруг неё нет! Стреляли на расстоянии и из мелкашки! Всё, как я тебе говорил! Теперь смотри дальше! – с этими словами Никифоров извлёк откуда-то из под простыни длинный тонкий металлический стержень, примерно в метр длинной, и аккуратно воткнул его в ранку. Держа одной рукой голову, а другой без видимых усилий медик продел сквозь неё стержень так, что голова оказалась посередине стержня. Как шашлык. Затем Никифоров опустил голову трупа на деревянный подголовник строго параллельно секционному столу.

– Ну, что скажешь?

– По поводу чего?

– Неужели ничего не видишь? – изумился Вячеслав.

Антон немного отошёл от стола с телом и присмотрелся: стержень проходил сквозь череп под углом.

– Ясно! Если учесть, что рост Антонио Гонгора составляет 180 см, то выходное отверстие расположено выше, чем входное. На это чётко указывало расположение стержня. Значит, стреляли снизу, или стрелявший был ниже убитого! Слава, ты это хочешь сказать? – с этими словами Шелестов выжидательно посмотрел на Никифорова.

– Ты не так безнадёжен, как остальные погорельцы! – медик рывком выдернул стержень из черепа и положил его рядом с телом.

– Пуля вошла в затылок снизу вверх, под углом в 15 градусов! Я указал об этом в заключении, на схеме, потом посмотришь! Теперь вот это, на всякий случай, так сказать, на закуску! – с видимым удовольствием Никифоров откинул простынь с тела чуть ниже, и Антон увидел на груди, чуть выше левого соска татуировку.

– Очень интересная вещь и настоящий мастер колол! – медик провёл пальцем по татуировке. – Фотограф из вашего РУВД был утром, и всё, что я тебе показал, он сфотографировал, и я попросил эту наклейку крупным планом заснять, вдруг пригодится! Так что, фото получишь у него в НТО! Больше ничего интересного я у трупа не обнаружил! – с этими словами Никифоров рывком накрыл тело простынёй. Затем снял медицинские перчатки и бросил их в ведро, стоящее у входа в анатомичку. Из внутреннего кармана белого халата Никифоров достал патологоанатомическое заключение, сложенное вчетверо, и протянул его Шелестову.

– Так выпьешь со мной спиртику или кто?

– Или где? Извини Слава, я отсюда прямо на развод в отделение! Давай в следующий раз? Как тогда! – Антон взял несколько листов бумаги с машинописным тестом и круглой лиловой печатью и, свернув в трубочку, положил в карман куртки.

– Да? – довольное треугольное лицо Никифорова изобразило нечто похожее на улыбку: всё сморщилось как печёное яблоко. – «Лишь только подснежник, распустится кто!» – на свой лад пропел медик, засунув руки в карманы халата.

– Точно! Всё, Славка, я побежал! – Антон попрощался с Никифоровым за руку и вышел из анатомички в коридор.

Ему надо было быть в своём отделении милиции ровно в 10.00 утра.

Задание.

Как не торопился Шелестов, а к началу совещания оперативной группы по раскрытию убийства военного атташе Мексики опоздал почти на десять минут.

Выйдя из морга, Антон доехал до метро «Университет», затем, засунув руки в карманы «аляски», лёгкой трусцой добежал до остановки троллейбуса №4, что на Ломоносовском проспекте. Удобно устроившись в подошедшем как раз троллейбусе, достал из куртки заключе-

ние судебно – медицинской экспертизы, и углубился в её изучение. В салоне было всего три человека, и Шелестов собирался быстро и комфортно доехать до отделения, и быть готовым к вопросам по патологоанатомическому заключению. Однако, повернув на Ленинский проспект, троллейбус встал в длинную цепь стоящих троллейбусов: час назад произошёл обрыв контактного провода, и все троллейбусы стояли, постепенно заметаемые разбушевавшейся метелью.

– Надо же! – Антон вышел из троллейбуса, не дочитав и первого листа экспертизы. Надо было теперь ждать автобуса...

В 10.10 Шелестов уже входил в свой кабинет, затем быстро снял куртку, бросил её на диван, причёснулся и выскочил в коридор.

Под штаб оперативной группы по раскрытию убийства атташе по идее должна была быть выделена ленинская комната отделения, которая находилась в конце коридора, справа, и была под номером 6. Расстояние от своего кабинета до неё Антон преодолел в два прыжка.

Антон приоткрыл дверь в ленинскую комнату. Заметив его, Русиков махнул рукой, приглашая входить. Шелестов аккуратно проскользнул в открытую дверь к самому крайнему от входа столу, где был свободный стул рядом с Борей Гудковым, и положил перед собою патологоанатомическое заключение по Антонио Перес Гонгора.

Столы в комнате стояли, образуя букву П. В самом конце комнаты, во главе стола, так сказать, сидели прямые и непосредственные руководители Антона, один из которых Анатолий Иванович Калинов, начальник уголовного розыска Октябрьского РУВД г. Москвы, в настоящий момент проводил оперативное совещание.

«...Судя по всему, грабить эту квартиру никто не собирался. Документы, деньги, вещи, драгоценности – всё на месте, ничего не тронут, ключи от квартиры и машины лежали на трюмо у двери. Сама машина на стоянке. Убийца с одного выстрела в голову, в затылок, с расстояния примерно в 3 – 5 метров уложил мексиканца наповал, ничего не взял, и, аккуратно прикрыв дверь в квартиру, отчалил. Из стены изъята пуля калибра 5,6 мм, что свидетельствует о применении мелкокалиберного оружия. Сейчас в НТО РУВД пытаются установить марку. Гильзы нет, следов борьбы тоже нет. Однако всевозможных отпечатков пальцев с различных предметов, включая входную дверь, изъято много. В настоящий момент они проверяются по картотеке МВД. Суммируя всё это, можно сделать вывод: убийца хорошо владеет огнестрельным оружием, он и жертва, предположительно, вместе зашли в квартиру, либо убийца сразу пришёл за ней, жертва его знала, и спокойно впустила. Это уже что-то! Утром получим от комитетчиков информацию по их линии, а из Отдела по охране дипкорпусов протокол допроса дежурной смены и копию журнала, где за весь день указано расписание: кто, и когда приходил, уходил, приезжал или уезжал, и гости, и проживающие здесь! Не ясно до конца, мог ли преступник пробраться на охраняемую территорию дипкорпуса, минуя охрану, и почему комендант оказался, как говорится: «в нужное время, в нужном месте!». Совпадение? Может быть, но проверить надо! Согласно его показаниям, он проходил мимо, увидел приоткрытую дверь, открыл её, с порога увидел тело в луже крови, и сразу позвонил по «02» из этой же квартиры. Дальше прихожей не заходил. Поскольку никаких данных о вероятных преступниках нет, мы не стали организовывать преследование по горячим следам, нет никакого смысла, как, в общем, и отработку жилого сектора. Публика в дипкорпусе своеобразная, по – русски не говорит, либо не хочет.

Далее! Не ясен также мотив преступления, я имею в виду классический вопрос: «Кому выгодно?».

На сегодняшний день, работу по раскрытию этого убийства построим по двум направлениям: по линии КГБ и по линии уголовного розыска. Первое направление будут отрабатывать наши старшие товарищи, а второе – мы, но вся работа будет вестись общими усилиями. Штаб

по раскрытию будет находиться здесь, в отделении, что позволит оперативно координировать наши действия и обмениваться информацией. Следственными действиями этой объединенной группы будет руководить старший следователь по особо важным делам прокуратуры города Анатолий Аркадьевич Вайс, прошу любить и жаловать!».

Анатолий Аркадьевич был личностью известной среди сотрудников милиции, лично его не знали только Антон и Борис Гудков, поэтому, не вставая, Вайс только кивнул головой в знак приветствия собравшимся.

– Теперь давайте по порядку! – Калинов внимательно посмотрел на сидящих перед ним сыщиков. – Ваша задача по этому делу состоит в сборе необходимой информации на основании тех данных, которые мы вам дадим. Никакой личной инициативы! Никаких контактов со свидетелями, проходящими по делу без нашего на то указания! Ребята вы грамотные, толковые, и я вас очень прошу: «Никаких самостоятельных действий и идей!». При нарушении – самые серьёзные для вашей карьеры последствия! Дело на контроле в МВД и ЦК КПСС – не каждый день в Москве валят дипломатов, поэтому все ваши действия будут отслежены нашими старшими товарищами по оружию, ими же будет дана соответствующая оценка вашим действиям! Окажите существенную помощь по раскрытию убийства или сможете раскопать что-то такое, что поможет раскрыть дело, без награды не оставлю, обещаю! Всё ясно!

Опера разом согласно кивнули стриженными головами.

– Очень хорошо! Владимир Николаевич! – Калинов обратился к Русикову, вставая, – поставьте задачу каждому, а мы поехали в РУВД! – он пожал руку зама по розыску Русикову, сидевшему рядом с ним. Вместе с Калиновым к выходу направились ещё четверо начальников из РУВД и ГУВД столицы. Все присутствующие оперативники встали.

Подождав, пока закроется дверь за руководством, все сели на свои места более расслабленные, и Русиков продолжил инструктаж.

– Так! С сей минуты для вас начало рабочего дня в 9 утра. Получаете задание каждый индивидуально и вперёд! В 19.00, ежедневно, собираемся в ленинской комнате, теперь это штаб по раскрытию убийства, и докладываете мне о проделанной работе рапортом! Затем, действуем по обстановке. Все выходные, проходные и отгулы отменяются, отдохнёте на пенсии! – довольный, собственной шуткой Русиков весело посмотрел на молчащих оперов, пошевелив кустистыми рыжими бровями.

– Антон! Начнём с тебя! – с этими словами Русиков открыл лежащую перед ним обычную папку с надписью «Дело» и взял в руки лежащий там листок бумаги.

– Тут номера телефонов, обнаруженные в записной книжке Антонио Гонгора, на разных клочках и обрывках бумаги в карманах его костюмов, курток и пальто! В 15.00 едешь на Калининский проспект, дом №2, где расположен Центральный телефонный узел. Руководство уже предупреждено и тебя там ждут; надо было согласовать допуск тебя к этим номерам телефонов на уровне руководства и нашего, и «конторского». Большинство телефонов здесь «закрытые», поэтому тебе дадут специальные карточки с фамилиями владельцев и их адресами, ты всё аккуратно выпишешь и привезёшь мне. Возможно, будут очень известные фамилии из очень и не очень серьёзных организаций, поэтому молчок и ушки на макушке, понял?

– Так точно, понял, Владимир Николаевич!

– Тогда, вот тебе список и, давай, вперёд! А сейчас сгоняй в дипкорпус, посмотри там всё свежим взглядом, может в темноте что-то не увидели, а в 15.00 на Арбат! Квартира и машина Гонгора опечатаны, а вот вокруг дома походи, посмотри подходы, ну сам знаешь! Всё, свободен!

Шелестов поднялся со стула, открыл дверь ленинской комнаты и пошёл к себе одеваться.

– Борис! Теперь твоё задание! – Шелестов услышал голос Русикова уже за закрытой дверью.

Антон зашёл в свой кабинет и рухнул на диван.

– Если я минут 10 посижу, ничего не случится? – Шелестов расслабленно раскинул руки вдоль спинки дивана и закрыл глаза.

В настоящий момент его отделение милиции представляло собой большой муравейник, где особую роль выполняла дежурная часть, которая ни минуты не пустовала. Патрульно – постовая служба в полном составе шерстила район, таская всех подряд. Задержанных пропускали через уголовный розыск. Только что, проверив на «причастность к совершению данного преступления», отпустили одних, как тут – же доставлялись другие.

Самое интересное, что все понимали бесполезность такого подхода к розыску преступников, но совещания руководства были проведены, ценные указания подчинёнными службами получены, цели определены, задачи поставлены: попробуй не выполни. Вопросы есть? Правильно, вопросов нет! Иди, тащи службу.

Для только что пришедшего на службу молодого сотрудника, милицейская работа окончательно теряет свою романтику примерно месяца через два. Если только он не фанатик. Антон был фанатиком, и Борька Гудков был фанатиком и все остальные опера его отделения, вместе с начальником, тоже были фанатиками своего дела. Поэтому, ни отсутствие ориентировки с приметами или данными, кого, собственно, искать и где, никого в 96 отделении милиции не смутило. Есть золотое правило: если примет нет, значит, подозреваются все! Так, что тут у нас в районе является местом концентрации уголовно – преступного элемента? Ага! Две пивнушки! Отлично! Живо наряд милиции туда, у всех проверить документы, подозрительных – сюда для выяснения!

Позвольте, скажет читатель. У вас застрелили не бомжа, а военного атташе иностранного капиталистического государства, в служебной квартире, в доме УПДиК⁸, на охраняемой милицией территории. Причём здесь пивнушки? Или в милиции полагают, что убийца, грохнув иностранного высокопоставленного чиновника, потом пошёл в пивняк оттянуться с работягами, со знанием хорошо выполненной работы? Да это же идиотизм! Вот! Скажу я, поэтому вы и ничего в милицейской работе не понимаете!

Так, что у нас там ещё на территории района? Ага! Пяток притонов, проживают десятка два наркоманов, человек тридцать ранее судимых за убийство и преступления в отношении граждан иностранных государств! Так! Притоны прошерстить, наркоманов и судимых сюда, в отделение! Живо!

Минуточку, опять скажет читатель? У вас крыша не поехала? А может такое быть, что этот убийца решил заехать в гости к друзьям – наркоманам, сразу после убийства, или на следующий день, что без разницы, забить «косячок», прямо рядом с местом совершения преступления? Такое бывает?

Вот! Скажу я, опять вы ничего в милицейской работе не поняли!

Скоро дежурная часть уже забита задержанными до отказа. И так будет ещё месяца полтора, пока каждый судимый, каждая неблагополучная квартира и её жильцы, каждая забегаловка или наркопритон не будут проверены в районе.

Естественно, что параллельно с мероприятиями по наведению жути в районе, проводятся оперативно – следственные действия по отработке связей потерпевшего. И не без участия спецслужб. Помимо фундаментального вопроса: «Кому выгодно?», российская действительность добавляет ещё два: «С кем пил?» и «Где была жена?».

Это было первое серьёзное преступление такого уровня на территории 96 отделения, а уж на земле Шелестова и подавно. За то время, когда Антон вместе с Борисом Гудковым перешагнули порог кабинета майора Анатолия Ивановича Калинова, начальника уголовного розыска Октябрьского района Москвы, куда были направлены на работу после окончания Выс-

⁸ УПДиК – Управление по обслуживанию дипломатического корпуса при МИД РФ.

шей школы милиции, по их же рапортам, прошел почти год. И Шелестов сам себе поклялся: он должен раскрыть это убийство, во что бы то ни стало.

– Если раскрою, найду убийцу, не смотря на многие странности в этом деле, значит быть мне сыщиком! – почему-то пришла навязчивая мысль. Антон вздохнул.

– А если нет! Что тогда? – Шелестов встал с дивана и начал одевать «аляску».-тогда? Тогда, посмотрим!

Невольно вспомнились слова заведующего кафедрой оперативно-розыскной деятельности Московской высшей школы милиции МВД СССР, профессора, полковника милиции Семёна Овчинского, который неоднократно говорил слушателям: «Прошу запомнить! Ваша будущая работа в должности оперуполномоченного уголовного розыска вам не может нравиться или не нравится! Скажу даже больше: без фанатизма и настоящей преданности выбранной вами профессии, вы работать не сможете! Огромные психологические нагрузки, вечный дефицит времени и т. д. преодолимы, если вы фанатик! Пока у вас еще есть время подумать в правильности выбранной вами профессии!...»

Ещё профессор предупреждал о том, что любое громкое преступление, свалившееся на вашу голову, это проблема. Она заключается в том, что для его раскрытия вам потребуется все ваши знания, опыт и всё ваше здоровье, потому что будете работать на износ. Безвыходных и проходных. Колоссальное нервное напряжение потом вряд ли вам компенсирует благодарность от руководства или очередное звание за раскрытие особо опасного преступления. Это только в кино, да в книжках сыщики, путём сложных умозаключений, сидя в кабинете, вычисляют злодеев. На самом деле всё проще и в тоже время сложнее: бесконечные отработки жилого сектора, опросы свидетелей, допросы подозреваемых, очные ставки, засады и работа с агентурой. А это всё ваше время! И ваши ноги! Потому что, сыщик на земле всё делает пешком. И потом: нет ничего проще в нашей профессии, чем в один прекрасный день быть уволенным по несоответствию занимаемой должности, в лучшем случае. Основания: сколько угодно, подберут, не волнуйтесь. Случаев – вагон и малая тележка. Вот так говорил профессор. Как он оказался прав!

Резко открылась дверь в кабинет к Антону.

– Шелестов! Почему ещё не в дипкорпусе? – в дверях стоял замполит отделения Дубов, – я, что ли буду преступления раскрывать, или кто? Почему жилой сектор не отработан? Почему с общественностью не вступил в связь? Из-за тебя, Шелестов, наше отделение опустилось прямо в низ, по самый край, по показателям раскрываемости преступлений! У тебя, Шелестов, труп получил пулю в голову, двумя очередями, а ты ни гугу! – внезапно Дубов озадаченно замолчал, видимо соображая, что же он хотел сказать.

Воспользовавшись перерывом в словесном поносе замполита, доселе молчавший Антон, надел куртку и аккуратно протиснулся между косяком двери и Дубовым.

– Василий Иванович! Всё! Уже ушёл! Давайте я дверь закрою!

Замполит капитан милиции Дубов, среди оперсостава не только 96-го отделения, но всего Октябрьского РУВД носил кличку «Деревянный». С родным русским языком он обращался, как хотел, и иногда выдавал такие вычурные предложения, что смысл сказанного Дубовым вообще не поддавалось дешифровке.

Через пятнадцать минут Шелестов уже ехал в троллейбусе 33-го маршрута в дипкорпус.

Анна.

– Какая тут отработка жилого сектора! Совсем охренел, придурок деревянный! – Антон прошёл по Дубову и злобно плюнул на ступеньки.

Приехав в дипкорпус, Шелестов на лифте поднялся на последний, 11-ый этаж, а потом, не спеша, стал спускаться вниз, внимательно рассматривая всё на своём пути. Что именно он искал, он не мог сказать.

На седьмом этаже вдруг хлопнула дверь, раздалась пронзительная словесная тирада на незнакомом языке, больше похожем кваканье, чем на человеческую речь. Затем мимо Антона, вниз, с весёлым детским визгом промчалась стайка негритят в ярких оранжевых зимних комбинезонах, волочивших санки прямо ступенькам, наполняя подъезд пронзительным грохотом. Такие теплые детские комбинезоны он видел в магазине «Берёзка» *, что на территории отделения, на Ленинском проспекте, каждый из которых стоил его ползарплаты.

– Дурдом, мать твою! Тут на лифте кто ни будь, ездит? Или не умеют?

Антон застегнул куртку, и стал спускаться вниз, на первый этаж.

– А вдруг сейчас папуас с копьём выскочит из квартиры?

Мысль была глупой, но любопытной. Шелестов живо представил себе чернокожего папуаса с большой костью в носу, с большим ожерельем из зубов диких животных на мощной шее, в набедренной повязке, босого, с копьём, с огромным головным убором из перьев экзотической птицы на курчавой голове, всё тело которого было раскрашено яркими красками. В Москве, на седьмом этаже дома. Круто!

– В этой каске, разводил я краски, на большом подбитом танке рисовал я сказки! – пропел Антон строчку из известной песни Андрея Макаревича.

Настроение улучшилось.

– А на последнем этаже живут павианы! Их тоже надо опросить, вдруг видели чего!

Шелестов живо представил себе, как Гудков, Малышев и он сам опрашивают обезьян, а замполит Дубов выступает в качестве переводчика...

На четвёртом этаже, Антом внимательно осмотрел бумажную полоску с печатью прокуратуры Москвы и подписью старшего следователя по особо важным делам Анатолия Вайс, которой была опечатана дверь в квартиру убитого военного атташе. Полоска была не тронута.

Антон спустился на лестничную площадку между третьим и вторым этажом, когда внизу на втором этаже щёлкнул замок. Шелестов спустился на второй этаж, и в это время открылась дверь первой квартиры справа от него. Антон остановился, полагая, что сейчас он увидит очередного жильца этого дома с экзотической внешностью, но он ошибся. Из квартиры вышла довольно симпатичная девушка, лет 25 навскидку, с русыми, почти пепельными волосами и смешно вздёрнутым носиком. Одета в белую зимнюю куртку с капюшоном отороченным мехом чернобурки, чёрные джинсы и чёрные зимние сапожки, она показалась Антону единственным вменяемым жильцом в этом подъезде. К тому же она была красива, можно сказать – очень. Шелестов стоял и зачарованно смотрел, как она закрывает дверь, поворачивается к нему лицом, и улыбается, кладёт связку ключей от квартиры в предусмотрительно открытую сумочку, закрывает её. Ни тени страха в зелёных глазах, ни судорожной попытки проскользнуть мимо него. Ничего.

– Hey!

– Hey!

– Who are you? And what are you doing here?⁹

Антон опешил. Впервые за год, после окончания высшей школы, с ним говорят на английском языке. Он вздрогнул, в голове мгновенно сработал, доселе, дремавший словарный запас английских слов и выражений, и Шелестов довольно сносно объяснил девушке, что он полицейский, что здесь совершено преступление, и он занимается его расследованием. Данный ответ вызвал у красивой иностранки настоящую бурю эмоций, а она в свою очередь с готовно-

⁹ Who are you? And what are you doing here? – Кто вы? Что вы здесь делаете? (англ. язык.)

стью сообщила, что она журналистка, работает в CNN¹⁰ в Нью-Йорке, месяц назад прилетела в Москву работать, и изучать русский язык. Что её зовут Анна Шольц, и она очень рада знакомству с полицейским, и готова сию минуту сделать свой первый репортаж из СССР о происшествии.

У Антона в голове тут же промелькнул большой список возможных неприятностей в связи с данным предложением шустрой американки.

– Чёрт меня дёрнул представиться! Надо было сказать, что зашёл в подъезд по малой нужде и быстренько отчалить!

Шелестов галантно предложил девушке проводить её к выходу, по ходу дела сообщил своё имя, и сказал, что очень занят и просит его простить, но репортажа не будет, поскольку де, информация секретная и ему самому пока ничего не ясно.

Они вышли из подъезда и остановились, затем Анна показала на тёмно-зелёную «вольво», стоящую на стоянке, почти у самой будки поста охраны.

– Вот моя машина! Вы проводите меня к ней?

– А что у меня есть выбор? – про себя подумал Антон, но вслух бодро ответил, – Конечно, Анна!

Они подошли к машине, благо, что она была в десяти метрах от подъезда, Анна достала из сумочки ключи от машины и изящную металлическую визитницу, открыла её, и протянула карточку Шелестову.

– Я очень рада была познакомиться с настоящим советским полицейским, вот моя репортёрская карточка и, если хотите, то можете позвонить и рассказать, как идёт расследование! Там все телефоны!

В её глазах мелькнули задорные искорки.

– О'кей! Я позвоню! – ответил Антон и осторожно взял протянутую визитку из пальцев девушки и, не глядя, положил во внутренний карман куртки.

Она протянула правую руку для рукопожатия. Антон аккуратно пожал её, на секунду ощутив, какая узкая и сильная ладошка, у её хозяйки.

Анна открыла дверь «вольво» и села за руль, предварительно постучав каблуками сапожек, чтобы налипший снег не попал в салон машины, затем убрала ноги и закрыла дверь. Пару раз скрипнули дворники, счищая пушистый, только – что выпавший снег. Мягко заурчав, «вольво» тронулась с места парковки и подъехала к будке охраны.

Шелестов стоял и смотрел, как поднялся небольшой шлагбаум, выкрашенный в красно – белую полоску, выпуская машину, которая пару раз мигнула левым поворотником, газанула и быстро поехала в центр.

– Сейчас Валера Сахаров занесёт в журнал время выезда, марку и номер машины Анны Шольц. Интересно, а он зафиксирует, что я вышел из подъезда вместе с ней? Надо будет спросить у него на обратном пути!

¹⁰ CNN – The Cable News Network (англ. Кабельная Новостная Сеть) или CNN (читается как Си-Эн-Эн) – телекомпания, созданная Тедом Тёрнером 1 июня 1980 года. Является подразделением компании Turner Broadcasting System (Тёрнер), которой владеет Time Warner (Тайм Уорнер). Компания CNN первой в мире предложила концепцию 24-часового вещания новостей. По состоянию на 1 июня 2005 года компания CNN состояла из 14 различных новостных кабельных и спутниковых каналов, двух радиостанций, шести интернет-сайтов и 37 зарубежных бюро. Новости CNN передаются с помощью сигналов 38 космических спутников и доступны к просмотру более 200 млн домохозяйств (households) в 212 странах и территориях мира. Одним из ключевых моментов в истории CNN стало организованное в январе 1991 года освещение войны в Персидском заливе – впервые военные действия подобного масштаба демонстрировались в прямом телеэфире. Телерепортажи с места событий в Персидском заливе заметно укрепили престиж CNN как круглосуточного источника международных новостей.

Было холодно. Антон засунул руки в нагрудные карманы «аляски» и пошёл осмотреть всю территорию дипкорпуса, огороженную по периметру сеткой – рабицей, высотой в пять метров. Площадка была не большая, размером с половину хоккейной, а машин стояло всего штук двадцать. Плана осмотра никакого не было, да и быть не могло. Просто он по привычке хотел осмотреть возможные пути отхода преступника с места происшествия. Или преступников. Площадка была аккуратно очищена от снега, и лишь следы шин автомобилей чётко отпечатались на недавно выпавшей белой позёмке.

Шелестов здесь уже был, почти год назад, когда ему зам. по розыску подписал первое в его милицейской практике заявление о пропаже автомобильного колпака с колеса машины сотрудника посольства республики Нигерия. Это был анекдот. Память услужливо восстанавливала события из прошлого...

После распределения в 96-е отделение милиции в сентябре, прошёл только месяц, поэтому в группу, т.е. дежурным от уголовного розыска, ни Шелестова, ни Гудкова не ставили, табельного оружия не выдавали, своей земли они ещё не имели, поэтому набирались опыта, помогая операм в их повседневной работе. И вот, в конце октября 1985 года, в понедельник утром, Антона вызвал к себе Русиков.

– Значит так! Твой наставник Миша Самойлов с сегодняшнего дня в отпуске, и он у нас больше не работает, его забрал к себе Паша Вяземский, на Петры, в МУР. Он попросил пару недель отдохнуть, затем у него примешь землю и все остальные дела, как положено. У тебя, я знаю, диплом переводчика английского языка, видел справку в твоём личном деле, так что – в тему. Гостиница «Южная», кафе «Минутка» рядом, дипкорпус, куча иностранцев и валютные проститутки, теперь это твоя работа и головная боль. А пока, возьми заяву, я тебе её подписал сегодняшним днём. Разбирайся. Конечно, надо было дать тебе ещё пару месяцев поработать с ребятами, чтобы ты понял, что к чему, но не могу. Работы полный завал! Парень ты вдумчивый, голова у тебя варит, думаю, что мне с тобой и с Гудковым повезло. Я и сам, честно говоря, назначен замом только в августе, то бишь, всего два месяца назад. А до этого в ОУР¹¹ работал, у нашего начальника, у Калинова Анатолия Ивановича. Кстати, я тебя помню, ты у нас практику проходил.

– Верно, Владимир Николаевич! Проходил!

– Ну и ладушки! Заява не заштампована, принимай решение!

Русиков протянул через стол несколько листов бумаги, исписанных мелким убористым почерком и скрепленных обычной канцелярской скрепкой.

Антон встал со стула, подошёл и взял их. Затем вернулся и сел на прежнее место.

– Сколько у тебя времени есть, напомни мне, а то я забыл! – Русиков слегка по-бычьему наклонил голову и выжидательно уставился на Шелестова.

– 10 дней.

– Всё правильно! Ладно, иди, работай! Ребята и я оказываем тебе доверие, поэтому не стесняйся, спрашивай. Только сначала у них, а потом у меня! Договорились?

– Так точно! Разрешите идти?

Русиков посмотрел на Шелестова, помолчал немного и добавил,

– Я попросил Порфирьевича и Волченкова с вами провести разъяснительную беседу вне отделения. Поэтому сегодня в 19.00, ты с Гудковым должен быть у «Волчёнка» дома. Сначала ликбез, потом все остальные действия по заяве. Водки много не брать! Я бы сам с вами позанимался, но не могу! Всё! Свободен!...

¹¹ ОУР РУВД – отдел уголовного розыска районного управления внутренних дел.

Антон усмехнулся. В голове зазвучал знакомый весёлый мотивчик из репертуара группы «Машина времени», – Ты помнишь, как всё начиналось, все было впервые и вот...! Да! Всё когда-то начинается.

Шелестов не спеша подошёл к стоявшим на площадке машинам, где тёмно – зелёный «Мерседес-500SEL» стоял последним в ряду, в самом углу площадки, весь запорошенный снегом. Высоко над ним висела дуга фонаря ночного освещения. Такие фонари были во всех четырёх углах на территории дипкорпуса. Вечером и ночью они горели очень ярко, и было светло как днём. Антон скользнул взглядом по машине убитого, интереса она уже не представляла, поскольку обыскали её ещё вчера, и подошел к самому углу площадки. До ближайшей пятиэтажки было около пятидесяти метров. Середину пространства занимали качели, затем стояла разноцветная детская горка, с которой в снег весело скатывалась стайка негретят в ярко-оранжевых детских комбинезонах, и какая-то большая вращающаяся штука-вина с поручнями, отдаленно напоминающая карусель. Немного дальше, и правее располагалась обычная хоккейная площадка. Дальше, влево и вправо были расположены одинаковые пятиэтажные дома грязновато-желтого цвета. Шелестов повернул голову налево, вдоль забора. Взгляд упёрся в стену дипкорпуса.

– Нет! Забор очень высокий, кругом светло, площадка всюду просматривается. Много машин на стоянке, кто-то въезжает, кто-то выезжает. Будка с сотрудником ООДП, которые знают всех в лицо, потому что каждый из них здесь дежурит больше двух лет. Личности здесь, прямо скажем, запоминающиеся. Гости проходят строго по пропускам и в присутствии хозяев квартир. Подъезд всего один.

– С другой стороны, отсюда не видно будку, а из будки не видно меня.

Антон пошёл вдоль забора к стене дома, где она с ним состыковывалась, затем прошёл вдоль стены. Выглянул из-за угла дома: прямо перед ним стояла будка, до неё было метров тридцать, а до подъезда примерно пятнадцать. Одно из окон будки смотрело в его сторону, и в нём он ясно видел лицо смотревшего на него Валерия Сахарова, сотрудника ООДП.

– Нет! Так дело не пойдёт! Вечером, после доклада о проделанной работе на телефонном узле, зайду к Вайс, поделюсь соображениями, а он, может быть, подкинет идею: как, где и кого искать!

Мысленно поздравив себя с этой спасительной идеей, Шелестов засунул руки по – глубже в карманы куртки, и пошёл к выходу с территории дипкорпуса.

Лязгнув щеколдой, вышедший сотрудник милиции немного приоткрыл ворота, давая возможность Антону выйти за пределы территории.

– Послушай, Валера! – Шелестов остановился, взяв Сахарова за рукав чёрного овчинного милицейского тулупа.

– Ну, чего тебе! – он явно был не в духе.

– Я вот час назад иностранку до её машины проводил!

– Ну и что? Я видел!

– Я знаю, что ты видел! Я хотел спросить: когда ты будешь фиксировать её выезд с территории дипкорпуса, ты укажешь о том, что она вышла из корпуса вместе со мною, и я проводил её до машины?

– Конечно! А что, есть проблемы? – Сахаров вмиг напрягся и с интересом посмотрел на Антона. – Неужто, ты успел по дороге трахнуть журналистку?

– Да что вы за народ такой! Я его про одно спрашиваю, а он меня – про другое! Да я просто спросил, чтобы знать точно, все ли контакты жильцов вы регистрируете или нет?

– А-а! А я думал, что ты за час с ней управился! – Сахаров в раз потерял интерес к Шелестову. – У нас с этим строго, сам понимаешь, есть инструкции! Так что извини, служба!

– Да я ничего, понимаю! Ну, бывай! – Антон попрощался с Сахаровым и пошёл к троллейбусной остановке на Ленинском проспекте. До назначенного времени прибытия на Калининский проспект, на телефонный узел, оставался ровно час.

Через 5 минут Шелестов был уже на остановке, а ещё через 3 минуты он ехал в троллейбусе к метро «Университет», удобно устроившись на сиденье сразу за кабиной водителя. Пассажиров было мало, человек десять, они были заняты своими мыслями, и Антон устался в заиндевшее от мороза окно, благо, что кто-то до него продышал в иное оконце, и теперь можно было наблюдать за машинами и прохожими, спешащими по своим делам, и другие обычные картинки из жизни зимней Москвы.

Шелестов прикрыл глаза.

Мероприятие.

Память снова вернула его к событиям почти годовой давности, когда он впервые получил заявление о пропаже колпака с колеса машины дипломата из Нигерии, проживавшего на территории этого самого дипкорпуса. Шелестов улыбнулся. По указанию Русикова, зам. по розыску 96 отделения, на квартиру Волченкова, Антон приехал с Гудковым и Александром Порфирьевичем Парновым для проведения «инструктажа» ровно в 19.00, как было приказано.

Александр Волченков жил на Ленинском проспекте, в доме 70, на четвёртом этаже, где занимал однокомнатную квартиру. Жена с детьми уехала к своим родителям на пару дней, и Саша с удовольствием предоставил свою жилплощадь для проведения разъяснительной беседы среди молодых оперов.

Гудков большим пальцем надавил кнопку звонка и в квартире послышался мелодичный звон. Сразу же щёлкнул замок, дверь распахнулась, и появившийся Волченков в облаке восточного запаха варёной картошки широким жестом пригласил сыщиков зайти.

Посреди комнаты стоял стол, на котором стояли две бутылки «пшеничной», тарелки с нарезанным сыром, варёной колбасой, бастурмой и салом. Целая куча всевозможной зелени в капельках воды лежала в глубокой посудине. Аккуратно нарезанный чёрный и белый хлеб были прикрыты чистой салфеткой. Трёхлитровая банка с огурцами и банка маринованных помидоров стояли под столом и терпеливо ждали своей участи. Четыре пустых тарелки с приборами и четыре гранёных стакана, неопременного атрибута советского застолья, любой советской кухни, да и любого отделения милиции, ясно показывали количество гостей.

Советский гранёный стакан, в старые времена назывался «маленьковский», по фамилии одного из вождей пролетарского государства, штука уникальная. Народная емкость имела шестнадцать граней, что соответствовало количеству союзных республик – на момент запуска изделия в производство в 1943 году, Карельская автономия в составе РСФСР была преобразована в Карело-Финскую ССР в составе Союза.

– Парни! Давайте без приглашения! Рассаживайтесь, кто, как хочет, а я сейчас принесу варёной картошки и сосисок! Дёшево и сердито!

Когда все успокоились, Парнов внимательно посмотрел на Антона и Бориса.

– Значит так! Слушать меня внимательно, не перебивать, все вопросы потом! Я расскажу вам основные моменты нашей работы, что надо знать, что надо делать и чего делать не стоит. От этого зависит, будете вы работать дальше в розыске или нет, и соответственно, всё это вместе определит вашу дальнейшую службу, да и жизнь тоже. Я расскажу вам это только один раз и потом, на примере заявления о пропаже автомобильного колпака, что сегодня Русиков подписал к исполнению Антону, решим эту простейшую задачку! Договорились?

– Шелестов и Гудков молча кивнули головами в знак согласия, понимая важность момента.

– Хорошо! Тогда давайте, вмажем по одной, и начнём ликбез!

Всё чокнулись гранёными стаканами, выпили и закусили.

– Парни! В нашем отделении 9 человек занимаются оперативной работой, то, бишь, 8 сыщиков, у каждого из которых есть земля, плюс наш начальник, Русиков его фамилия, который эту самую работу контролирует. На территории нашего отделения, а значит у каждого из нас на земле, расположены и магазины, и рестораны, и гостиницы, и предприятия, и рынки, и ещё много чего. Добавьте к этому огромный жилой сектор и Ленинский проспект, с его маршрутами автобусов, троллейбусов и трамваев. Всё это хозяйство требует ежедневного оперативного прикрытия, поскольку наши клиенты, лица, ранее судимые или идущие к этому на всех парах, всем этим живут! Это их хлеб насущный! Результат их деятельности: квартирные и карманные кражи, разбои, грабежи, мошенничества, наркотики, домашний терроризм, хулиганка и так далее! В свою очередь это составляет суть заявлений, которые вы получаете от граждан почти каждый день! Работу участковых пока оставим в покое! Кроме этого у вас в производстве находятся ранее не раскрытые дела, дела оперативных проверок и много чего ещё! В месяце всего 30 дней, без выходных и проходных, поскольку преступления совершаются каждый день. Если брать по одному заявлению от потерпевших в день, то каждый месяц у вас получается 30 заявлений о вероятно совершённых преступлениях. Два месяца – это 60 заяв, а три месяца – это 90 заявлений. Поверьте, для того чтобы реально, согласно действующего законодательства, рассмотреть весь этот поток заяв, провести необходимые мероприятия, опросить потерпевших, свидетелей, исписать кучу бумаги и определить, было ли совершено преступление в отношении гражданина, или нет, надо в нашем отделении иметь 50 оперов, и сутки, чтобы были не 24 часа, а все 30. К чему я сделал такое длинное вступление? К тому, что отныне слово «заявление» – это ваш крест, пока вы будете работать на земле, и потому, как вы будете относиться к этому слову, и к человеку, его написавшему, или собирающемуся написать, будет зависеть ваша работа в должности оперуполномоченного уголовного розыска. И продолжительность этой работы.

Итак, рассмотрим пример, когда потерпевший, или, как мы говорим – «терпила»¹², вам приносит заявление, не важно, дежурите вы или нет, о том, что он вчера вечером шёл домой после трудового дня, и около его собственного подъезда трое ранее неизвестных ему лиц, сорвали с его головы народную шапку из кролика и убежали! По сути заявления мы имеем грабёж в составе преступной группы. Ваши действия, согласно тому, чему вас учили в Высшей школе милиции, типовые – вы должны опросить потерпевшего, выйти на место происшествия или организовать преследование преступников по горячим следам, составить план – схему места происшествия, отработать жилой сектор, то есть найти свидетелей, очевидцев данного происшествия, если таковые были. Затем установить, был ли ваш заявитель пьян в стельку или трезв, и была ли шапка вообще, а если была, то какая, когда и за сколько куплена. Если будет установлено, что шапка была, мужик был трезв, а очевидцы, которых вы или не вы, установили, подтвердят, что видели, как в темноте несколько человек что-то там такое сдёрнули с головы трудящегося и убежали, то вам надлежит собрать и подготовить материал для возбуждения уголовного дела. Иными словами говоря, вы инициируете «висяк»¹³, который отразится на раскрываемости всего подразделения. Если вы так будете действовать и дальше, согласно действующего законодательства, инструкций, приказов МВД, то, как не парадоксально это звучит, вы в милиции долго не задержитесь.

Александр Порфирьевич выждал эффектную паузу.

¹² «Терпила» – потерпевший (милиц. слэнг)

¹³ «Висяк», «глухарь» – не раскрытое преступление (милиц. слэнг)

– Вы представляете себе объём работы, который вам предстоит выполнить!

– Нет, вы не представляете себе объём этой работы! Дураку ясно, что эту драную шапку вам не найти никогда!

– Поэтому, сперва, вы должны для себя определить: а нужно вам лично и вашему родному отделению это заявление или нет, и как оно, это заявление, повлияет на раскрываемость? Зачем вообще этот дядя пришёл к вам? Какая польза нашей родной милиции от этого гражданина вообще? Зачем он занимает ваше драгоценное время в перерывах, когда вы дённо и ночью стоите на страже социалистического правопорядка и раскрываете ежедневно разные серьёзнейшие преступления? Вам партия и правительство доверило передний край борьбы с преступностью! Вы сотрудники славного московского уголовного розыска и вам некогда заниматься всякой мелочью! Далее необходимо напомнить гражданину о фильме «Следствие ведут знатоки»¹⁴, спросить его мнение о майоре Томине, о том, как он помогает в раскрытии преступлений майору Знаменскому. Можно, конечно, спросить и самого трудящегося, как он, как строитель коммунизма, помогает правоохранительным органам в искоренении преступности в нашей великой стране? Мать его! Вопрос – зачем? Затем, чтобы дать понять заявителю, что он очень поможет вам и особенно себе, если заберет своё заявление назад, если написал такое, а если нет, то пусть идёт домой и не мешает нашей доблестной милиции заботиться о безопасности своих граждан! Мать вашу! Вы должны реально обрисовать клиенту положение дел: впотьмах бандитов он не запомнил, и помочь составить фоторобот не сможет! Тогда, кого искать? А если подойти к вопросу творчески, то пролетарий наверняка был слегка под «мухой», как-никак конец рабочего дня, к тому же шапку мог забыть в метро, в троллейбусе, в автобусе, когда задремал, или просто потерять! Да и шапка была старая, мех уже весь вылез, может, пора её было выбросить, что он и сделал. А утром проснулся, глядь, а шапку-то выбросил. А тут ещё жена, куда мол, шапку дел! Это, как говорится, дела житейские! Поэтому надо сказать, что мы, мол, понимаем! Давайте тогда бумагу попусту тратить не будем, я к сведению принял, что сей факт имел место быть, найдём вашу шапку – вернём, найдём какую либо бесхозную – отдадим вам! Может даже новее и лучше! Это в расчёте на алчность, на халяву. Иногда проходит! Конечно, в идеале было бы не плохо, чтобы клиент написал встречное заявление о том, что утром вспомнил, что шапку потерял, или сам выбросил, так как шапка была старая, претензий ни к кому не имеет, и просит прощение за причиненное беспокойство! Память, знаете ли, подвела, года уже не те! И хорошо так же, чтобы он дописал одну фразу на встречном заявлении: «Прошу вас больше по ранее написанному мною заявлению, меня не беспокоить». Это помогает, когда прокуратура начинает крутить так и эдак отказной материал, на предмет сокрытия преступления. Учтите, что этот вариант почти идеальный, но бывает, что трудящийся начинает закатывать истерику, заявляет, что по истечении десяти дней, согласно, действующего законодательства, потребует отчёта с результатами работы по поиску его сраной шапки, согласно поданному им ранее сраному заявлению! Вы видите: клиент будет писать истерические жалобы – описи в прокуратуру, в Моссовет, в ЦК КПСС, в ООН, о бездействии сотрудников МВД. В этом случае не ищите на свою жопу приключений, берите официальное заявление, штампуйте его в канцелярии и продумывайте варианты, как затем грамотно отказать в возбуждении уголовного дела. Руководство, конечно, действий твоих не одобрит, но ты – молодой специалист, статья в уголовном кодексе об укрывательстве преступлений имеется и предусматривает, между прочим, лишение свободы! За этим внимательно наблюдают прокуратура и наше родное «гестапо» – Управление собственной безопасности. Очень важно понять, что всё ясно становится с начала беседы с потерпевшим, его последующие действия можно спрогнозировать. Ни в коем случае нельзя вести себя грубо с заявителем, важно, чтобы

¹⁴ Художественный фильм «Следствие ведут знатоки», персонажи: майор милиции Томин (актёр Л. Каневский), майор милиции Знаменский (актёр Г. Мартынюк). Режиссёр – В. Бровкин, 1972 год.

после беседы он забрал бы своё заявление назад, пятился бы задом до самой двери, кланяясь вам в пояс, и говорил бы «спасибо». Это показатель вашего мастерства, как сыщика.

– За что и предлагаю вмазать, и закусить! Потом продолжим! – вмешался Волченков и достал из банки соленый огурец, и торжественно держа его наготове в левой руке, правой поднял наполненный наполовину стакан и сказал: «За уголовный розыск!». Все с этим согласились, выпили и закусили.

Порфирьевич перевёл дух.

– Круто! – со знанием дела сказал Волченков.

– Теперь, – переведя дух, и хрустнув вкусным огурцом, продолжил «Дед», – собрав всю эту херню, что я вам наговорил, в кучу, вы должны сделать вывод! А вывод гласит так: делай всё, чтобы заявления по пустякам граждане не писали! Устраивай спектакли, цирк, варьете, делай что угодно, но старайся с заявителями вопрос решать на месте и без заявлений, потому что, как показывает практика, очень часто виноватым оказывается сам потерпевший. Можно даже честно заявителю объяснить, что ты в состоянии сделать, а что нет. Или дать ему с десятков наших альбомов с фотографиями судимых, проживающих на территории аж с 50-х годов, пусть опознаёт, пока не устанет листать. Это, конечно, не относится к убийствам, тяжким телесным повреждениям, разбоям с применением оружия, в общем, ко всему, где проходит информация о преступлении, её фиксация. Я имею в виду: звонки потерпевших на «02», вызовы скорой помощи, большое количество свидетелей. Эта информация проходит по городу, записывается на магнитофон, регистрируется в больницах и так далее. Рано или поздно, она может всплыть, где-нибудь!

Затем, Парнов обратился к Волченкову.

– Волчёнок, твой выход! Давай, покажи класс!

Александр Волченков отложил вилку, вытер руки полотенцем, взял заявление, откашлялся, и с официальной интонацией, копируя Порфирьевича, продолжил.

– Что такое отказ в возбуждении уголовного дела, или просто «отказ»? Это музыка, это симфония, это полёт мысли, это венец творчества опера! Помните, как у классика: “Отказ! Как много в этом слове, для сердца опера сплелось, как много в нём отозвалось!». У сыщика сразу улыбка становится шире, теплеет взгляд, походка становится пружинистой, как у тигра. Это слово согревает душу опера. Это слово, как и «висяк» с «глухарём»¹⁵, знают все опера – мечтательно произнёс Волченков и посмотрел на Шелестова.

– Теперь на живом примере рассмотрим материал, подписанный нашим начальником Антону. Так! Что мы видим! Заявление! Начальнику 96 о/м г. Москвы, майору милиции тов. Гераськину Ю. А., от Нгобо Сасеке Нгада, третьего секретаря посольства Республики Нигерия в Москве, проживающего по адресу: г. Москва, Ленинский проспект, дом 135, кв. 1185. Так! Заявление. Утром, 21 января 1985 года, я собрался ехать на работу. Подойдя к своей машине «БМВ», госномер «D – 012 458», с удивлением обнаружил кражу правого переднего колпака с колеса. Вчера, поздно вечером, когда я ставил машину на стоянку, колпак был. Прошу оказать помощь в розыске колпака либо компенсировать мне его стоимость. Полагаю, что была совершена кража. Подпись, число. Так! Первое! Материал вонючий, поэтому сразу под штамп. Это бумага официальная, будут звонки из посольства, затем Нгада потребует справку для страховой компании, чтобы денежки ему вернули. Ну, не ему, а посольству, машина-то посольская, казённая. Материал будет на контроле! Поэтому для того, чтобы грамотно сделать отказ в возбуждении уголовного дела, тебе надо, сперва, напрочь избавиться от слова «кража». Поэтому сначала едешь к коменданту этого дипкорпуса. Не вызываешь повесткой или звонком по телефону, а – едешь! Потому что времени у тебя мало, и потому что, как правило, эту должность занимают отставники – военные, чаще всего бывшие конторские, комитетовские ребята. Они

¹⁵ «Висяк», «глухарь» – не раскрытое преступление (милиц. слэнг)

всегда на боевом посту! Убивают двух зайцев – не пыльная работёнка, и постукивают заодно. Берёшь у коменданта объяснение, где особый упор делаешь на то, что освещение по периметру стоянки горит всегда, освещение яркое, забор металлический, высотой, аж, под три метра, дыр в заборе нет, так как он осматривал его под вечер 20 декабря сего года. Потом заходишь в будку к ребятам из конторы, спрашиваешь того, кто дежурил и пропускал на территорию машину этого Нгада. Обещаешь поставить ему пузырь водки. Тема та же: ночью прожектора горят, светло как днём, объект режимный, пройти, пролезть, перепрыгнуть через забор, просочиться под забором или прилететь на воздушном шаре, чтобы у Нгада украсть сраный колпак с его сраной телеги, нет никакой возможности. К тому же, были ли все колпаки на колёсах на месте, когда Нгада вернулся в дипкорпус, или не были – никто не знает! Пол – дела сделано! Кража отпадает, напроць! У тебя есть объяснения сотрудников, по работе и должности отвечающих за функционирование режимного объекта! Теперь, ты должен вызвать по телефону к себе Нгада, именно вызвать! Эти посольские ребята дисциплинированные, приедет сразу. Берёшь объяснение, где отражаешь следующие моменты: сколько лет машине, её пробег, была ли в авариях раньше, водительский стаж Нгада, и особенно аккуратно изложи ЕГО мнение о русских дорогах! Это важно! Спровоцируй его на эту тему. У него начнутся словесные испражнения обязательно, так как он наверняка поездил по миру, знает качество скоростных автомагистралей в европейских странах, пусть порассуждает о качестве дорог в России, и в Москве в частности! А ты основные моменты запиши. Мол, дороги в Москве говно, все в заплатках и ямах, на них валяется чёрте – что, проехать нет никакой возможности нормально ни к посольству, ни к дипкорпусу. Обязательно быстренько нарисуй план – схему пути, по которому Нгада уезжает и возвращается в дипкорпус, пусть он её подпишет, привяжи его к схеме. Также укажи, откуда он возвращался в тот вечер? Может, он с девочками катался по Москве, после какого-нибудь приёма с фуршетом! Если дурак, будет козырять своей должностью, значительностью и крутизной, как наши кавказские ребята. Потом берёшь пару надёжных свидетелей, проводишь осмотр состояния участка дороги, по которому Нгада подъезжает к дипкорпусу, или выезжает, пути могут быть разные, но суть одна – на дороге ямы, бугры, колдобины. Неплохо найти пару кирпичей, разбить их и положить при повороте к дипкорпусу. Их надо будет отразить в протоколе осмотра участка дороги. Да и на диске «БМВ» пара лёгких царапин с кирпичной красноватой пылью вдруг обнаружилась. Тоже отразить в протоколе осмотра автомашины потерпевшего. Соображаешь, к чему я клоню? Вывод: на твоей земле, на круглосуточно охраняемой территории дипкорпуса, кражи быть не могло, а вот потерять колпак он мог везде, где угодно, попав в канаву колесом или наехав на небольшое препятствие, когда поздно вечером ехал домой! Крепления автомобильных колпаков на иномарках слабые, не рассчитаны на российские дороги! Да, вот что ещё учти, что это твоё первое дело и начальство обязательно будет его внимательно изучать, прежде чем утвердить отказной материал. Поэтому, я бы ещё с нашими операми районными переговорил, у кого на территории есть техмонтаж. Пусть поищут слесаря среди разных разбитых колпаков, похожих на потерянный от нгадовского «БМВ». В автомастерских всегда разного автомобильного хлама полно, может, после аварийной машины у кого остался. Поэтому, если будут «найден» осколки, фрагменты колпака на повороте, рядом с разбитыми кирпичами, и отражены в протоколе осмотра, да ещё приложены к отказному материалу, то получается, что сам Нгада виноват, впотьмах наехал на кирпичи, колпак от удара отвалился и улетел не известно куда! Значит, это – уже утеря по собственной невнимательности! Поэтому на основании ст.5, п.2 и ст.113 УПК РСФСР (отсутствие состава преступления) в возбуждении уголовного дела отказать. Пусть очки носит и не катается по вечерней Москве. Для его разных посольских дел, целый световой день имеется! А с нашей горячо любимой страны хочет деньги получить! Не выйдет! И всё! Бобик здох! Отказной материал на подпись Гераськину и – в архив!

Шелестов разлил остатки второй бутылки водки в четыре гранёных стакана.

– Так что пару дней эта мышинная возня у тебя займёт! К тому же по другим материалам ребят надо работать! У нас две квартирные кражи повисли на земле Женьки Малышева! – сказал Порфирьевич, доставая охотничий складной нож. – Поэтому завтра с утра прямиком в дипкорпус, а я Русикову скажу, что сам тебя отправил работать по заявке. А то найдут другое занятие, в момент!

Антон согласно кивнул головой.

– Если тебе по обсуждаемым вопросам всё ясно, поехали дальше!

Шелестов и Гудков одновременно кивнули.

– Отправка подобных материалов в следственный отдел на возбуждение, я имею в виду кражи шапок, велосипедов, детских колясок, лыж, санок, автомобильных колпаков, колес, ковриков от дверей квартир и прочей ерунды, свидетельство полного отсутствия профессионализма. Поскольку, а вероятнее всего, дело останется не раскрытым, то это означает «висяк», или «глухарь», знаешь птицу такую! Я думаю, что все полицейские в мире знают эти слова, от эскимосов, и до какого ни – будь там дремучего племени «Тумба – юмба» в Африке, где у аборигена удостоверением службы в правоохранительных органах является продетая сквозь нос кость, она же является и одеждой! И наверняка «глухарей» и «висяков» у них тоже не любят. Так что эти птицы места жительства выбирают сами, в какой канторе свить гнездо!

Волченков, Антон и Борис переглянулись.

– Да, это я так, размышляю. Так вот, за эту самую птицу Русиков с тебя спустит семь шкур. С Русикова, с самого, снимет скальп Гераськин, начальник нашего отделения, и начальник ОУРа нашего района. В свою очередь, с них самих спросят за снижение процента раскрываемости, сам начальник РУВД полковник Носовский и его заместитель по оперработке Снегирёв. А с этих руководителей потребуют объяснений в главке, в ГУВД, а руководство ГУВД будет отчитываться в Министерстве внутренних дел. Ничего не поделаешь, система! Поэтому, за каждую такую пернатую тебя будут душить всеми доступными средствами, выбор которых просто не ограничен! Это вопросы продвижения по службе, очередного звания, отпуска, квартиры, если нет. Всякие там грамоты, юбилейные медалки, фото на доске почёта. На каждом собрании тебе будут указывать на недостатки в твоей работе, на аттестации потребуют объяснить, почему «ты допустил рост преступности на вверенном тебе участке»! Понятно? Слово то, какое! «Допустил»! Мать твою! И твои мычания о том, что «ты один, а врагов много», никого всерьёз не волнуют! Все всё знают, но ты простой опер на земле, а они уже начальники, пусть маленькие и дохленькие, но начальники! И из них самих когда-то выпивали всю кровь таким образом! Система! Ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак! Это про нас!

– Предлагаю усилить сказанное! – вновь подал сигнал «Волчонок». Спорить никто не стал, поэтому все выпили и закусили.

– Теперь о самом неприятном! Заявлений о кражах и пропажах санок, велосипедов, обуви, даже ковриков от порогов квартир будет много. Эти бумаги выбрасывать нельзя! Никогда! Потому что, если припрёт, то можно зарегистрировать и сделать отказ задним числом. Как это делается, расскажу в другой раз, сейчас вам это не надо знать. Эти заныканные материалы называются «поджопники»¹⁶. Понятно почему?

Шелестов и Гудков синхронно кивнули головами.

– Молодцы! Так вот, их надо где-то хранить! У каждого опера есть своё заветное место. Ваши квартиры, квартиры ваших родителей и родителей жены отпадают сразу. Когда прокуратура возбуждает уголовное дело в отношении опера за сокрытие преступлений от учета, не приведи Господи, обыски будут на этих квартирах в первую очередь. В общем, так! Это место должны знать только вы! И всё! То, что я сейчас вам сказал, написано кровью и сломанными

¹⁶ «Поджопник» (милиц. слэнг) – заявления граждан о преступлениях, укрытых от регистрации сотрудниками милиции.

судьбами оперов, наших братьев, сидящих на нашей ментовской зоне ИТК-13¹⁷ в славном сибирском городе, под названием Нижний Тагил. Поэтому ваша судьба, в ваших руках. И ещё очень важный момент, это чисто от себя хочу добавить! Ребята! Узнайте вашу землю, познакомьтесь с интересными людьми, проживающими на ней, не гнушайтесь знакомств с ранее судимыми, вставшими на путь исправления. Не ставшие на этот путь сами будут искать подходы к вам, и добиваться расположения. Не отказывайтесь от помощи любого, кто владеет информацией. Будет возможность помочь человеку, помогайте, не задумываясь, естественно, в допустимых пределах! Всё вернётся к вам сторицей! Человек, который вам поверил, а вы помогли ему, пусть даже в самом малом, ваш! Ему надо в самую душу заглянуть, так сказать в самое нутро, посочувствовать ему, понять его сущность и проблемы. И не будет у вас проблем с агентурой никогда! Но самых ценных информаторов держите только для себя, не регистрируйте в качестве агента. Бывает, проверяющие из главка, начинают вас разводить: то, да сё, устройте личную встречу с агентом! Нет, этих только вы лично знаете, и оберегаете, как собственную жену, потому что их жизнь в ваших руках.

Все выпили и закусили.

– Антон! Есть у меня к тебе разговор. Завтра в канторе напомни мне, пошепчемся! Ладно?

– Конечно, Порфирьевич, какой разговор!

Затем они опять выпили, потом снова и потом ещё.

Здесь я хочу сделать небольшое отступление:

Александр Парнов в этом тесном кругу офицеров милиции сейчас был выше всех по опыту и выслуге лет, а потому как бы являлся руководителем этого «мероприятия». Если бы его не было, все это можно было бы смело назвать банальной попойкой, и если бы о ней узнал замполит отделения Дубов, то на следующий день были бы последствия. Но, так как «Дед» все же присутствовал, и, как бы, представлял в своем лице зам. по розыску, то и «пьянкой» это назвать уже никак было нельзя. «Мероприятие» – и точка. Со всеми вытекающими отсюда выводами и последствиями...

Далее, разъяснительная беседа плавно перешла в попойку. Гудков и Волченков перебивая друг друга, что-то весело рассказывали друг другу сидя на диване. Чем больше они пили, тем меньше помнили, по какому собственно поводу. Антон и Парнов пошли на кухню, чтобы почистить и сварить ещё картошки. В холодильнике оставалась последняя бутылка водки...

Из оцепенения, Шелестова вывел голос водителя троллейбуса, сообщившего об остановке метро «Университет». Антон встряхнулся и резво выскочил в открывшиеся двери, вход в метро был рядом.

Центральный телефонный узел.

Доехав на метро до станции «Арбатская», Шелестов ровно в 15.00 уже входил в вестибюль Центрального телефонного узла. Предъявив на вахте служебное удостоверение с надписью «Московский уголовный розыск» в развёрнутом виде, Антон подождал, пока вахтёр связался с кем-то из руководства узла, затем, обращаясь к Шелестову, сказал: «Товарищ! Вам на второй этаж, комната номер 24, до конца коридора. Проходите, пожалуйста!».

Щёлкнул затвор турникета, и Антон прошёл к широкой лестнице, находившейся недалеко от вахты.

¹⁷ ИТК-13 – Исправительно – трудовая колония общего режима для бывших сотрудников силовых структур, прокуратуры, судов и ФСБ.

Шелестов не спеша шёл по красной ковровой дорожке, покрывавшей середину паркетного пола второго этажа здания телефонного узла, ища глазами нужную комнату. Дойдя до конца коридора этажа, Шелестов нашёл заветную дверь с номером 24, нажав ручку, открыл и вошёл в просторный зал, в котором прямо перед ним сидели и работали девушки – телефонистки, каждая за своим специально оборудованным столом.

– Не плохо! – подумал Антон, ловя заинтересованные взгляды молодых девиц, – Малинник! Надо же! Столов пятьдесят стоит, не меньше! С девушками! С красавицами!

– Здравствуйте! – за спиной Шелестова прозвучал приятный женский голос.

Шелестов обернулся. Перед ним стояла довольно симпатичная высокая молодая девушка, примерно двадцати пяти лет, держа в руках большой рыжий блокнот – еженедельник. На ней прекрасно сидел строгий, довольно хорошо сшитый черный деловой костюм, юбка и пиджак, белая кофточка с высоким кружевным воротником выгодно гармонировала с волосами цвета вороньего крыла. Её немного раскосые, бездонно чёрные глаза смотрели весело и дружелюбно, легкая улыбка ослепительно подчеркивала ровные белые зубы.

– Если вы – Шелестов, то прошу за мной! – она прошла мимо Антона непринуждённой походкой фотомодели, слегка покачивая бёдрами, обтянутыми чёрной юбкой чуть выше колен и обдав его волной французский духов «Клима».

Подойдя к двери кабинета без номеров и всяких вывесок, она достала из карманчика пиджака ключ, открыла дверь и пригласила Антона пройти внутрь.

В кабинете с одним окном, в самом центре стоял обычный канцелярский стол, стул, ещё два стула стояли вдоль стены, на столе – довольно внушительная стопка аккуратно подбранных картонных листов серого казённого цвета, размером с почтовую открытку и обычная настольная лампа. На самом углу стола стоял телефонный аппарат ярко зелёного цвета, лежала довольно внушительная пачка писчей, белой бумаги, стоял пластмассовый стаканчик для шариковых ручек и карандашей, полностью ими заполненный. Сразу за креслом, в углу кабинета стояла металлическая вешалка для одежды.

– Прошу Вас, располагайтесь! Здесь вся выборка телефонов в количестве 685 номеров, согласно поданного запроса из Следственного управления прокуратуры Москвы. Когда закончите переписывать, прошу Вас набрать по телефону внутренний номер 123 и попросить Оксану, я подойду и заберу выборку! Если Вам надо будет по служебной необходимости позвонить в отделение, то сначала набираете цифру восемь, гудок, и городской номер телефона. Словосочетание по «служебной необходимости» она выделила особой интонацией.

– Договорились! Меня зовут Антон! – Шелестов протянул руку для знакомства, а сам подумал, – наверно, стерва»!

– Я знаю! Меня наше руководство предупредило! – красавица ответила лёгким прикосновением мягкой ладошки, и вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Антон разочарованно вздохнул, снял «аляску» и кашне, и всё это повесил на вешалку.

Удобно расположившись за предложенным столом, Шелестов пододвинул стопку карточек к себе поближе и взял первую карточку сверху. На карточке значились по порядку номер телефона, адрес установки, фамилия, имя, отчество абонента, его место работы. В данном случае местом работы человека было записано Министерство иностранных дел СССР. Справа налево, от угла до угла, карточку по диагонали пересекала красная полоска, и стоял небольшой чернильный штамп «номер закрыт».

– Ясно! – Взяв шариковую ручку из стаканчика, Антон аккуратно переписал всё на чистый лист бумаги за номером 1. Спешить было некуда, поэтому Шелестов сначала внимательно читал данные абонента на карточке, а потом заносил их в свой список.

Постепенно заполнялись листы бумаги адресами и фамилиями известных советских деятелей культуры, режиссёров московских театров и актрис, актёров кино, дипломатов, дирек-

тора яхт-клуба на Москве-реке и директора московского ипподрома, директоров гостиниц и ресторанов, а также других не менее интересных и знаменитых жителей Москвы...

На цифре 80, Шелестов решил сделать передышку, потому что правая рука затекла от долгого письма. Посмотрев на свои часы, которые показывали 17.00, он встал с кресла и подошёл к окну, выходящему на Калининский проспект.

За окном, яркими новогодними огнями искрилась вечерняя Москва, целыми толпами носились прохожие, чуть припорошенные снегом, кутаясь в свою одежду, торопившиеся добраться и укрыться от него, кто в метро, кто в автобусы и троллейбусы, кто уже домой. Горели яркие вывески магазинов и кафе. Антон прижался лбом к холодному стеклу окна. Стоя у окна, он пытался посчитать девушек в этой бесконечной веренице, но скоро у Антона поплыло в глазах от их однообразного движения. Сегодня их праздник, сегодня восьмое марта, надо поздравлять и улыбаться. И тут он вспомнил продолжение истории с заявлением о пропаже автомобильного колпака с «БМВ» нигерийского дипломата...

В такой же зимний вечер, только дело было уже в январе как раз после Нового года, в 96 отделение милиции, к Шелестову для дачи объяснений приехал Нгобо Сасеке Нгада, третий секретарь посольства Республики Нигерия в Москве, с которым Антон договорился накануне по телефону.

Учтивый стук в дверь кабинета застал Антона в тот момент, когда он собирался идти в канцелярию к Алевтине за документами для исполнения.

– Да, да! Войдите!

Повернулась ручка, открылась дверь, и в кабинет вошло нечто, весьма экзотическое. Ростом под два метра, в тёмно – красном кашемировом пальто и полосатом шарфе, брюках и туфлях, по внешнему виду превосходящих то шмотьё что Антон носил на работу. Оно имело иссиня – чёрную кожу лица и ослепительно – белые крупные зубы, обнажённые в широкой улыбке, что определяло в нем мужчину неопределённого возраста, ярко выраженной негроидной расы. На крупном, как будто расплюсненном носу, сидели очки с затемнёнными стёклами в модной металлической оправе жёлтого цвета.

– Круто! – пронеслось в мозгу Шелестова.

Вошедшее чудо левой рукой аккуратно стянуло с правой руки чёрную кожаную перчатку и протянуло узкий чёрный корявый сучок, то есть правую руку для пожатия Антону, в качестве приветствия.

Шелестов привстал со стула и ответил крепким рукопожатием, на что мужчина слегка взвизгнул и выдохнул: «O! Shit!», – затем тут же опомнился и представился уже по-русски: «Я – Нгобо Сасеке Нгада, третий секретарь посольства республики Нигерия в вашей стране!».

– Я тоже! – было огромное желание так ответить посланцу дружественной Африки, но Антон сдержался и, коротко махнув рукой на стул рядом со своим столом, сказал: «Присаживайтесь, господин Нгада! Я – Шелестов Антон, сотрудник уголовного розыска и мне поручено заняться вашим заявлением, касательно пропажи колпака с колеса вашей машины, поэтому, я и пригласил вас в наше отделение милиции!»...

Африканец довольно сносно говорил по-русски, когда отвечал Шелестову на вопросы о пропаже автомобильного колпака с его посольского «БМВ» и казался, на первый взгляд, довольно не плохим парнем.

– Что? Какого качества дороги в России, и в Москве в частности? У вас нет дорог, у вас направление! Мог ли я около дипкорпуса, где живу, наехать колесом на камень, кирпич, или попасть в канаву? Конечно, мог! И в канаву провалиться, и на камень наехать, и на какую ни будь отвалившуюся деталь от русской машины наскочить. У вас тут отвалившиеся глушители на дорогах валяются, вперемешку с алкоголиками, а Вы говорите о каком-то камешке! Я тут как-то в 3 часа ночи ехал в аэропорт «Шереметьево» встречать наших сотрудников из Гер-

мании, так прямо посреди Ленинградского проспекта стоял асфальтовый каток без водителя, габаритов и стоп-огней! Забыли наверно или потеряли! Ничего не поделаешь, Россия!

Антон строго придерживался советов старого опера Александра Парнова: задавал нужные вопросы и получал нужные ответы. Дело почти было сделано, дипломат подписал объяснение и вдруг обратился к Антону с просьбой.

– Господин Шелестов, мне надо позвонить в посольство и предупредить, что я задерживаюсь! Могу я это сделать от Вас из кабинета?

– Конечно, господин Нгада! Звоните! Вот напротив меня стол с телефоном моего коллеги, его сейчас нет, присаживайтесь и звоните! А я пока нарисую схему отрезка пути, по которому Вы в тот раз подъехали к дипкорпусу, а потом Вы его мне подпишите, договорились?

– Да, да, договорились! – дипломат шустро переместился за рабочий стол Маркова, снял трубку спаренного телефона и стал набирать номер. В такт набору застрекотал телефонный аппарат на столе у Шелестова.

Антон достал чистый лист бумаги из верхнего ящика своего стола, взял шариковую ручку и стал набрасывать план территории дипкорпуса, чисто автоматически прислушиваясь к английской речи, звучащей за столом старшего оперуполномоченного Маркова.

– Привет, Джонни! Как долетел? Нормально!? Хорошо! Давай, часа через полтора, встретимся в баре «Интуриста»? Нет, прямо сейчас не могу. Я в полицейском участке, тьфу, в отделении милиции номер 96. Что? Нет, нет, не забрали в КГБ. Да у меня нищие русские подростки автомобильный колпак ночью украли с колеса машины. Да, вызвал тут меня полицейский, беседую с ним ни о чём. Он делает вид, что ничего не произошло, а я делаю вид, что мне наплевать! Да я плюнул бы на этот колпак, всё равно его искать никто не будет, но страховка! У нас такой порядок! Я в России четыре года работаю, у меня постоянно что-то воруют, то колпаки с колёс, то сами колёса. А два года назад избили и отняли все деньги на Калининском проспекте, в подземном переходе. И ни хрена! Я стал возмущаться, стал требовать, что бы нашли преступников, так меня в отделении милиции, куда я обратился с жалобой, чуть опять не избили. Представляешь? Сейчас СССР похож на фашистскую Германию 30-х годов. Даже полицейский, который занимается моим делом, ну чисто вылитый ариец, фашист – одним словом. Светлые волосы, голубые глаза, здоровый, как кабан! Копия члена «Ку-клунс-клан»¹⁸. А всё туда же, как и нацисты: мы за рабочий класс, равноправие, мать их!

Шелестов давно закончил рисовать схему, но, слушая разговор Нгада с неизвестным собеседником, начал рисовать её опять, не подавая признаков того, что всё понимает.

– Что? Меня прослушивают? Да кто меня слушать будет здесь в отделении милиции? Здесь помещение похоже на сортир, тут даже воняет мочой и крысами. В России все полицейские участки похожи на помойки! Что? Русский полицейский может понимать английский? Ты что, рехнулся? Они все тут на родном языке то с трудом говорят и пишут! Всё больше на матерном! Да!.. Скоро поеду работать в ФРГ! Меня предупреждали в нашем Министерстве иностранных дел, что после окончания Пристонского университета, я сначала поеду в Россию работать, а только потом ещё на четыре года в цивилизованную страну! Ну ладно, до встречи через полтора часа, а то этот нибелунг на меня косо смотрит, долго занимаю телефон! Всё, Джонни, пока!

Внезапно открылась дверь, и в кабинет вошёл вечно невозмутимый Саша Марков, и резко остановился, изумлённо глядя на африканца.

– У нас что, инспекция по личному составу работает?

¹⁸ «Ку-клунс-клан» – КKK (англ. Ku Klux Klan, КKK) – название трёх различных ультраправых организаций в США, террористическими методами отстаивавших такие реакционные экстремистские идеи, как превосходство белых, белый национализм над другими расами с не белой кожей. Год образования 1865 год.

– Нет, Саша! – это приданные силы ко Дню милиции из высшей школы! – поддержал хохму Шелестов.

Однако Нгада тоже оказался парнем с юмором.

– Господин полицейский! – он обратился к вошедшему Маркову, оставаясь сидеть на его рабочем месте, – я ваш новый начальник полиции! Меня зовут Иван Петров!

Все дружно засмеялись...

Мысли Шелестова прервал деликатный стук в дверь кабинета, где у окна стоял Антон.

– Да-да! – по привычке ответил Шелестов, как у себя на работе, отошёл от окна и вернулся за стол.

В открывшуюся дверь вошла Оксана, быстро наполнив пустое пространство комнаты знаменитыми французскими духами.

– Как идёт работа? – девушка подошла к столу, скользнув внимательным взглядом по двум стопкам карточек: уже переписанных Антоном и ждущих своей очереди.

– Пишу! – коротко ответил Шелестов, взяв очередную карточку.

– Антон Генрихович! Я вынуждена вас поторопить. У вас осталось 30 минут, потому что ровно в 18.00 все посетители должны покинуть служебные помещения нашего учреждения.

Шелестов задумчиво посмотрел на свои часы.

– Оксана, знаете что! Тогда я заканчиваю прямо сейчас! Подождите, я соберусь и вас провожу? Не возражаете?

– Что, вот так сразу и провожать? – уже с интересом спросила Оксана.

Антон заметил её быстрый и внимательный взгляд, скользнувший по его правой руке.

– Так ведь на улице уже темно, хулиганы там всякие попадают.

– А если меня должен встретить, тогда что?

– Тогда все вместе дойдём до метро и расстанемся. А завтра утром я опять здесь, надо доделать работу.

– Ну что – же, я согласна, пошли. Встречаемся в 18.10, внизу, в холле, за проходной.

– Принято!

Здесь я бы хотел сделать небольшое отступление.

Вы обращали внимание на реакцию девушки, когда ее приглашают на свидание? А? Правильно, она молодеет и расцветает прямо на глазах, потому что она нравится мужчине. Для женщин это очень важно – нравиться! Все болезни снимает, как рукой, никакие пилули, косметика, физические нагрузки и рядом не стояли! В этом вся соль.

Теперь, когда торопиться уже было некуда, Шелестов собрал в небольшую стопку испанные листы бумаги с номерами телефонов с установленными по ним фамилиям и адресам владельцев, и аккуратно засунул во внутренний карман «аляски». Не дай бог потерять! Привёл в порядок канцелярию на столе. Надев куртку, вышел из кабинета, предварительно погасив свет и закрыв дверь, а кашне уже надевал на ходу.

Оксана не заставила себя долго ждать и появилась ровно в 18.10, как договаривались: целая ватага молодых красивых девушек со смехом и весёлой трескотнёй, вдруг вывалила из распахнувшихся дверей второго этажа и начала спускаться по лестнице к проходной. Брюнетки, блондинки, рыжие, пегие и неуставленного окраса – целая симпатичная армия, обдав Антона какофонией духов, устремилась мимо него, стоящего одиноко в холле, на выход, не забывая, однако, стрельнуть смеющимися глазами в его сторону.

– Вот это да! – он даже привстал на цыпочки, чтобы не пропустить Оксану.

Как и предполагал Шелестов, она появилась не одна, а в компании ещё двух подруг, таких же молодых и ухоженных.

- Девчонки, знакомьтесь! Антон, сотрудник милиции, будет сегодня нас провожать!
- Илона.
- Катя.
- Отлично! Выходим!

Галантно распахнув входную дверь, Шелестов галантно пропустил подружек вперёд, как подобает настоящему мужику, а заодно и ещё с десятка красавиц, улучивших момент проскользнуть на выход – дверь открывалась с трудом.

Оказавшись на Калининском проспекте, Оксана взяла его под руку и они не спеша двинулись вдоль проспекта, в сторону кинотеатра «Октябрь».

А до Нового года оставалось, как говорится, всего-то ничего, поэтому Москва усиленно готовилась к этому празднику всех праздников. Калининский проспект сам выглядел как новогодняя ёлка: переливался разноцветными лампочками, сплошь развешенными на опорах городского освещения и по контурам домов, блестели огромные витрины магазинов, с наклеенными прямо на стекло большими бумажными снежинками, мишурой и надписями «С Новым 1985 годом»!

Мимо них, слегка подвывая, троллейбусы торопились развести по домам, после трудового дня, спешащих домой и не особо торопившихся пассажиров. Любопытно было заметить, что и троллейбусы, и автобусы напоминали большие аквариумы, освещенные изнутри сквозь обледелые стёкла призрачным, желтовато – синим светом. А стоящие пассажиры в них, словно скопления рыбок – скалярий в воде, колыхались в такт их движения. Светофоры и красные огоньки «стоп – сигналов» движущегося автотранспорта, с ароматом различных звуков автомобильных клаксонов, лихвой дополняли весёлую, предпраздничную московскую суету.

Пока Оксана оживлённо обсуждала какую-то проблему со своими подружками, Антон лихорадочно прикидывал, как к семи вечера успеть попасть в отделение и доложить руководству о проделанной работе.

А под их ногами весело хрустел снег.

Спустя некоторое время, Оксана внезапно остановилась, вернув Шелестова в действительность.

- Антон! Мои подруги собрались в кино на вечерний сеанс и нас покидают!
- Вся компания стояла у входа в кинотеатр «Октябрь».
- До свидания девочки, увидимся!
- До свидания Антон, спасибо, что нас проводили!
- Да, да, спасибо!

Поднявшись по ступенькам к входу в кинотеатр, девушки обернулись и помахали им на прощание.

- Оксана, куда теперь?
- Да здесь, недалеко.
- А в метро не пойдём?
- Нет, я живу в доме, в двух шагах отсюда!
- И а не будет?
- Нет, не будет, по причине отсутствия.
- Тогда, пошли?
- Пошли.

Оксана жила в доме №12 по Новинскому бульвару. Семиэтажное здание послевоенной постройки, с башней, грязно – жёлтого цвета гордо стояло на углу Калининского проспекта как раз напротив ресторана «Арбат», на крыше которого вращался огромный стеклянный шар

с надписью «Аэрофлот» по диагонали. Обращали на себя внимание колонны по периметру дома, маленькие балкончики, больше похожие на декорации, и присутствие кое – где барельефов, а высокий и широкий свод арки соединял его с соседним домом, но попроще и ниже, на целых два этажа. В общем, домик явно принадлежал к архитектурным изыскам в стиле «барокко» времён позднего социализма, явно подсказывало, что дом не простой, скорее всего, был облюбован советской номенклатурой послевоенного разлива, разномастными деятелями культуры и представителями творческих союзов. Да, чуть не забыл, ещё были полярники, герои Арктики.

Так же, под ручку, они вошли во двор дома через огромную арку, пересекли по диагонали спортивную площадку и подошли подъезду с цифрой «7».

– Ничего местечко, престижное! – заметил Шелестов, посмотрев по сторонам.

Как правило, наши московские дворы в большинстве своём одинаковы: пешеходные дорожки вдоль домов освещает только пара фонарей, остальные перегорели, да иногда над входом в подъезд горит лампочка вполнакала, то ли только что ввернули, то ли не успели вывернуть. В этом доме всё было совсем наоборот: все фонари горели ярко и доброжелательно. Да и окна почти во всём доме светились, как будто специально ждали Антона с его новой знакомой.

– Ну вот! Пришли! Здесь я и живу, на седьмом этаже, – весело сообщила девушка и, казалось, заглянула в самые глаза Антону. – Так, что, до завтра?

– Да, до завтра!

Оксана протянула правую руку в перчатке для прощания, которую Шелестов осторожно пожал.

– Пока.

– Пока.

Подождав, пока закроется дверь подъезда за девушкой, Антон чуть ли не бегом бросился к метро.

Когда Антон влетел в своё отделение, иначе не сказать, часы на его руке показывали ровно 20.00.

Первым делом он направился в дежурную часть.

– Привет, Антон! Русиков тебя уже два раза спрашивал, – доверительно сообщил ему дежурный ст. лейтенант милиции Александр Воробьёв.

– Ясно, ещё что? – по ходу дела Шелестов снимал с себя куртку.

– Уваров тебя искал, какая-то заява паршивая у него для тебя, толком не понял.

– Всё?

– А тебе мало проблем? – засмеялся Воробьёв.

– Чур тебя, чур! – Антон скорым шагом направился к себе в кабинет.

И тут же навстречу ему попался участковый на его земле Алексей Уваров.

– О! Антон! Привет! А я к тебе собрался!

– Привет, Леша!

Шелестов достал связку ключей, открыл дверь и торопливо разделся, кинув куртку и шарф на диван.

– Сколько уже времени?

Уваров быстро взглянул на свои наручные часы.

– Уже 20.15 на моих.

– Чёрт, опаздываю! Слушай, подожди меня здесь, а? Я быстро, только доложу Русикову и вернусь.

– Договорились, а то я не знаю, что делать с одной заявой.

– Разберёмся!

Через пять секунд Антон деликатно постучал в дверь кабинета зам. по розыску, из – за которой слышались громкие голоса, перебивающие друг друга.

Подождав пару секунд, открыл дверь, и смело вошёл в кабинет.

– Разрешите, Владимир Николаевич!

В кабинете его начальника собралось всё руководство уголовного розыска Октябрьского района. Руководство сидело вокруг стола Русикова, отчаянно дымило сигаретами и о чём-то спорило.

– Ты где лазаешь? Тебя одного ждём! – недовольно проворчал его прямой начальник зам. по розыску отделения Владимир Николаевич.

– Давай присаживайся к столу и доставай свои списки с телефонами! – ткнул пальцем на последний свободный стул начальник ОУР района Калинов. – В ногах правды нет!

– Все адреса переписал? – нетерпеливо спросил Снегирёв, зам. начальника РУВД по оперработе.

Шелестов положил на стол листы бумаги, исписанные установочными данными владельцев номеров.

– По выборке ЦАБ¹⁹ значится 685 номеров. Здесь выборка телефонов в количестве 340. Остальные завтра, товарищ полковник. Рабочий день у них заканчивается в 18.00, а в 17.45 меня попросили покинуть помещение.

Снегирёв передвинул пачку списков к себе поближе и, взяв остро отточенный карандаш из стаканчика на столе, принялся обводить кружками некоторые номера.

Калинов тяжело встал из – за стола, прошёлся вдоль стены кабинета, разминая ноги, подошёл к оконцу, забранного решёткой. Постояв немного, заложил руки за спину, затем повернулся.

– Шелестов! А сам то, что думаешь по делу?

– Мотив не ясен, Анатолий Иванович! Если были проблемы, связанные с профессиональной деятельностью Антонио Гонгора, то это по линии КГБ. А по нашей: стрелял кто-то проживающий или гостивший в этом доме, точнее, в одной из квартир подъезда, либо стреляли из – за семейных заморочек. Здесь надо раскапывать.

Снегирёв перестал подчёркивать номера, бросил карандаш на стол и откинулся на спинку кресла: он занимал место Русикова.

– И что, это всё? Больше идей нет? – спросил он. – Как просто у тебя всё получается! Качан, наш следователь по этому делу, аж двенадцать версий рассматривает!

– Я знаю, товарищ полковник. Но вот интуиция моя подсказывает: в семье всё дело, я думаю.

В дверь кабинета осторожно постучали.

– Да, да! Открыто, входите! – Русиков встал и подошел к двери.

Дверь в кабинет распахнулась. На пороге стоял дежурный по отделению ст. лейтенант Воробьёв. Увидев Снегирёва, офицер козырнул, и обратился к нему, как к старшему по званию.

– Товарищ полковник, только что курьер из посольства Мексики доставил конверт на имя начальника РУВД. Вы приказали по делу Гонгора всю информацию сюда, в штаб доставлять.

– Да, верно, давай сюда, посмотрим, какой сюрприз их дипломаты нам ещё приготовили.

– Очередная жалоба, наверно? – предположил Калинов.

¹⁹ ЦАБ – Центральное адресное бюро Москвы и Московской области.

Конверт был девственно белый и продолговатый, европейского типа, с государственным гербом, обозначающим орла держащего в лапах змею, в левом углу. Прямо в середине конверта было напечатано несколько слов на испанском языке.

Снегирёв, аккуратно надорвав его угол, достал сложенный пополам лист бумаги, тоже с государственным гербом Мексики. Покрутив его так и сяк, положил на стол.

– Ни черта не понять, что там нам настрочили. Ладно, завтра переводчика вызовем, узнаем.

Письмо лежало напротив Антона, и он заметил английский текст.

– Товарищ полковник, разрешите перевести! – Антон встал по стойке «смирно».

Русиков хлопнул себя по лбу.

– Точно! Шелестов знает английский.

– Да? – уже с интересом Снегирёв посмотрел на Антона. В 96 отделении теперь даже такие опера работают, а я и не знал. Хорошо, ваяй.

Антон взял письмо в руки.

– Письмо написано на имя начальника Октябрьского РУВД. Уважаемый господин генерал! Посольство Мексиканских Соединённых Штатов в Москве, в лице первого секретаря г – на Родриго Марио Джулиано и по поручению чрезвычайного и полномочного посла г – на Хосе Луиса Браво, в целях скорейшего расследования уголовного дела, связанного с трагической гибелью сотрудника нашего посольства, военного атташе г – на Антонио Переса Гонгора, предлагаем для Ваших сотрудников воспользоваться двумя нашими служебными автомашинами «Мерседес», с водителями и неограниченным запасом бензина. При необходимости, мы готовы согласовать данное предложение с МИД СССР. С уважением: Р. М. Джулиано. Число и подпись. Всё!²⁰

– Вот дают! – ахнул Снегирёв и подозрительно посмотрел на Шелестова. – Ты там ничего не напутал?

– Никак нет, товарищ полковник! Всё точно!

– А когда ты успел язык выучить? Ты что заканчивал?

– Вышку. А английский изучал на спецкурсах, а потом сдавал государственный экзамен и получил диплом переводчика.

Снегирёв вопросительно взглянул на Калинова, и тот согласно кивнул головой.

– Старею! – вздохнул Снегирёв.

Калинов подошёл к Антону.

– Послушай, Шелестов. Про письмо забудь, ты его не видел и не читал, верно?

– Так точно, Анатолий Иванович.

– Вот и ладно! Давай его сюда! Завтра пятница, добьёшь адреса. В субботу в 10.00 утра чтобы был как штык. В воскресенье тоже работаем. Вопросы?

– Никак нет!

– Свободен!

– Есть!

Повернувшись через левое плечо, согласно, воинского устава, Шелестов вышел из кабинета, аккуратно прикрыв за собою дверь, и быстрым шагом направился к себе, где его ждал участковый Алексей Уваров.

Заявление гражданки Чкаловой В. С.

Вернувшись от начальства, Антон застал у себя, кроме Уварова, ещё и Александра Маркова, с которым делил кабинет, старшего опера Парнова, и Андрея Шишкина, сидящих на диване и весело хохочущих.

²⁰ Указанный случай действительно имел место на территории 96 отд. милиции г. Москвы. (Примечание автора.)

– Привет, Антон! – сыщики поздоровались с ним за руку, привстав с дивана.

– Привет, привет, баламуты! – Шелестов прошёл к своему сейфу и уселся за стол.

– ... и, вот он этой ручкой крутит и крутит, крутит и крутит! Ни хрена не заводится. Васька Коронкин прибежал, водитель нашего начальника, тоже стал помогать. Ни хрена не заводится. Один в кабине, другой на морозе. Оба потные, злые! Витя Скрейдель ещё раз заводной ручкой крутанул, Васька подсосом качнул, ура! Затарахтела тачка. Слава тебе Господи! Двигатель воет, УАЗ весь трясётся как в лихорадке, от водителей, от их бушлатов пар валит, Скрейдель и Коронкин языки высунули, еле дышат. Ну, всё вроде бы, машина завелась. Скрейдель открывает кабину, убирает туда «кривой стартер», садится за руль и ... – Шишинов сделал эффектную паузу.

– УАЗ глохнет! – опередил его Парнов.

– Точно!

Кабинет взрывается хохотом.

– А посол ткнул пальцем в УАЗ и спрашивает у Дубова, нашего замполита, а что, говорит, – это модернизированный «Виллис»?²¹ Со времён войны с Германией остался, как трофей? Он в войне участвовал? И зачем, спрашивает, его перекрасили в жёлтый цвет и переделали? Он что, спрашивает, с крытым кузовом лучше смотрится?

Присутствующие снова весело заржали.

– Переводчик то, их, посольский, говорит по-русски хорошо, но с лёгким акцентом. Он всё и переводит дословно! А где, говорит, у вашего участка остальные милицейские машины? – пристаёт он опять к «Деревянному» – смеётся Шишкин.

– А он чего? – спрашивает «Дед».

– А как послу скажешь, что нет ни хрена больше ничего, ни машин, ни бензина! – парирует Андрей. – Вот «Деревянный» и мычит там, что-то. Руками размахивает. А ребята наши вокруг стоят, ржут, слёзы вытирают. Хорошо начальник наш выскочил, к себе в кабинет всю их делегацию завёл, Алевтина их чаем с вареньем напоила, а так бы со смеху все бы умерли.*

– О чём это вы? – поинтересовался Антон.

– Я сегодня в обед выхожу из отделения, решил в столовую, в «Троллейбус» зайти и перекусить. – Шишкин явно смаковал начало рассказа и был доволен, что его попросил Шелестов ещё раз поведать весёлую историю, очевидцем которой он стал. – только из дверей вышел, смотрю, подъезжают два «мерседеса» с красными посольскими номерами D – 051 и останавливаются прямо на нашей стоянке почти у дверей отделения. А со стороны Ленинского проспекта, по дорожке, как раз подходит наш замполит. Я остановился, думаю, посмотрю, что будет дальше. А из первого «мерседеса» вылезает здоровый такой мужик, в очках, и за ним следом из другой машины ещё трое выбирают. Так вот, с ним, который в «мерседесе» ехал, подзывает нашего Дубова и спрашивает о Калинове и Русикове. Это был посольский переводчик. Наш «Деревянный» стал что – там объяснять, а в дежурную часть, как раз, поступил звонок о домашнем террористе, с улицы Новаторов, о том, что в коммуналке пьяный мужик начал дубасить жену, и до кучи ещё соседям наподдал, чтобы не мешали, видимо. Соседи кричали в трубку, что, мол, убивают, приезжайте быстрее. Так всегда бывает – соседи в коммунальной квартире не могут поделить кухню с сортиром, а виновата во всем милиция.

Все присутствующие согласно кивнули головами.

– Это мне дежурный потом рассказал. Он даёт команду Женьке Мылышеву, он был в группе, и двум милиционерам из ППС, чтобы съездили и разобрались, что там за «войнушка». Вот водители и побежали друг за другом отделенческий УАЗ готовить, он заво-

²¹ «Willys MB (Виллис) – американский армейский автомобиль повышенной проходимости времён Второй мировой войны. Серийное производство началось в 1941 году на заводах компаний Willys – Overland Motors и Ford (под маркой Ford GPW). Считается родоначальником внедорожников – неприхотливых легковых автомобилей повышенной проходимости.

дится-то через раз. А на «москвиче» нашего начальника, Русиков и Калинов поехали в РУВД. Вот и всё! А потом наши милиционеры вышли и увидели весь этот цирк. Здоровый дядя, что издевался над замполитом, оказался послом Мексики, а остальные – его секретари посольства. Вот как бывает!

– Теперь понятно, почему письмо от них пришло! Вот опозорились-то! – грустно подумал Шелестов.

– Ладно, ребятки, всё равно ничего не изменится, ни машин новых не получим, ни бензина! Система! – Парнов поднялся с дивана. – Пойду домой, пора! Да и старуха моя, поди, заждалась!

– Так, ладно, Алексей, давай излагай проблему! – Антон устало откинулся на спинку стула, и потянулся, заведя сцепленные в замок руки за голову. Его взгляд упал на чёрную кожаную папку, лежащую на краю стола перед стоящим Уваровым.

Участковый перехватил его взгляд, расстегнул молнию на папке и достал внушительную папку документов, скреплённых большой скрепкой.

– Значит так! Три дня назад ко мне в опорный пункт милиции, что на Ленинском проспекте, пришла гражданка Чкалова Виолетта Сергеевна с заявлением о том, что 19 декабря сего года, после празднования дня рождения её сына, Чкалова Константина, ею была обнаружена пропажа двухсот рублей из секретера сына. Были его друзья в количестве двенадцати человек. Все ученики десятых классов школы №53 нашего района. Я со всех получил объяснение и подготовил справку по материалу, почитай потом. Материал я регистрировать не стал, так что поторопись.

– Договорились! Оставляй. – Шелестов взял протянутую стопку документов и положил её перед собой на стол. – Завтра посмотрю.

Внезапно дверь в кабинет открылась, и вошёл зам. по розыску Владимир Русиков. Офицеры встали. Бросив внимательный взгляд на документы, лежащие на рабочем столе Антона, он ухмыльнулся.

– Антон! Я же сказал, ты работаешь по Гонгора, и завтра в девять утра, чтоб был как штык в ЦАБ. Я проверю. Остальные дела по боку, приказ начальства. Так что, живо домой.

Посмотрев с укором на участкового, Русиков вышел из кабинета, даже не закрыв дверь.

– Так, всё ясно, я побежал по делам! – Уваров пожал руку Шелестову, подхватил свою папку и быстренько исчез.

– Ага, а вот и мой братишка! – На пороге стоял Борька Гудков и застёгивал молнию на аляске. – Давай собирайся, и поехали по домам, завтра дел много...

Антон убрал документы в сейф и уже через несколько минут друзья шли к троллейбусной остановке на Ленинском проспекте, по только что выпавшему предновогоднему снегу, оставляя на нём следы рифленых подошв зимних ботинок.

Гастроном «Спутник» в доме Антона ещё работал. До закрытия оставалось пятнадцать минут. В залах было почти пусто. В отделе «Колбасы» высокая худая продавщица по имени Рита, наклонившись над прилавком, сосредоточенно что-то записывала в тетрадь. Ее красивая грудь в вырезе кофты была представлена на всеобщее обозрение во всей красе. Шелестов подошёл.

– Привет Ритуля!

Она подняла голову.

– Привет, Антон! Соскучился по мне! – весело спросила она.

– Ритуля, ты же заем!

– Это делу не мешает.

– Рита, веди себя хорошо.

Девушка сморщила носик. Веселые лучики еле заметных морщин придавали ее милому лицу дополнительную привлекательность.

– Антош, может быть ты меня пригласишь, как-нибудь в кино?

– Не думаю, что эта идея понравится Фёдору.

– Жаль.

– Мне тоже. Килограмм сосисок и триста грамм «Докторской», пожалуйста.

– А хлеб? Могу принести.

– Хорошо! Тогда захвати ещё двести граммов сыра «Российский», два пакета молока и десяток котлет.

Она ловко упаковала все в большой бумажный пакет.

– Давай деньги мне, я потом пробью через кассу. Слушай, а может быть шашлычку килограммчик повесить?

– Спасибо, Рита, не надо!

– Антоша, брось! Всё лучше, чем сосиски жевать. Шашлык из парного мяса, добавишь огурчики и помидорчики, салатик сделаешь. Красота! Мы вот с Фёдором часто берём парное мясо, мы даже икру сами солим!

– Что сказать? Повезло Фёдору.

– А то! Не вскружила бы ему голову, пропал бы мужик. Нашел бы себе какую-нибудь кильку дохлую, и делили бы они одну сосиску на двоих. Посмотри на него – просто красавец, мордаха так и лоснится от домашней еды, что солнце в небе.

– Да, что верно, то верно! – улыбнулся Шелестов.

– Ритка! Перестань морочить голову Антону! Сколько можно?! – Фёдор Салимзянов с открытой бутылкой пива «Останкинское» в левой руке, спустился по ступенькам из бакалейного отдела.

– Здорово, – улыбнулся Шелестов.

– Здорово, дружище.

– И расскажи нам, как дела в советской милиции? – Рита взяла деньги и протянула пакет с едой.

– Периодически!

– Это как?

– Слой говна, слой масла, слой говна, слой...

– Фу! Можешь дальше не продолжать.

Фёдор допил пиво, поставил на прилавок перед Ритой и достал сигареты.

– Давай, закругляйся по – тихонечку, домой пора! – Он улыбнулся, и обнял девушку за талию. – Заодно снова попытаемся организовать свою личную жизнь.

Она сердито сбросила его руку.

– Не поняла. Как это, «снова»?

Салимзянов ласково улыбнулся.

Шелестов подумал, что очень давно не видел, как Фёдор улыбается.

– Что-то вы темните, ребята...

– Есть немного! – Рита выскочила из – за прилавка, сняла белый халат, и стала собираться домой.

Антон присмотрелся по – внимательнее и понимающе хмыкнул: она была в короткой джинсовой юбке, на длинных стройных ногах – высокие чёрные сапоги на каблуке. Едва заметно обозначился округлившийся животик.

– Правильно понял, мы ждём пополнения, – кивнул Фёдор. – Устали уже пытаться завести детей.

Он закурил.

– Пошли, покурим на улице. И поговорим, давно ведь не виделись.

– Пошли, коли не шутишь.

Они вышли из центральных дверей и остановились около урны.

– Вы сколько уже вместе? – Шелестов глубоко вдохнул прохладного воздуха.

Фёдор выпустил густую струю дыма, мгновенно растаявшую в темноте.

– Пятнадцать лет, было два месяца назад.

– Долго.

На улицу вышла Рита, неся в руках закрытую на молнию хозяйственную сумку, чем-то полностью забитую.

– Ой, холодина какая! Милый, держи сумку. Антон, приходи по – чаще, мы тебя с Фёдором любим!

– Обязательно.

Она снова исчезла внутри.

– Когда ждёте малыша?

– Через три месяца.

– Подумать только! Появится маленький Салимзянов.

– Мы очень долго ждали этого ребёнка. Ритка, бедная, все больницы объездила. Ладно, давай, я пошёл за ней. Увидимся.

– Договорились.

Друзья обнялись, и на том расстались.

Шелестов вздохнул и, перехватив пакет с продуктами по – ловчее, пошёл домой, похрустывая свежее – выпавшим снегом.

Фёдор Салимзянов и Рита Садовская, круглолицая брюнетка, от которой веяло верно-стью и домашним очагом, дружили с детства. Вместе были в детском саду, вместе учились в школе. Они жили в пятиэтажке у метро «Академическая». После окончания торгового училища вместе пришли работать в гастроном, где и Антон познакомился с ними. Конечно, Шелестов знал в лицо и половину персонала по именам, но дружба почему-то сложилась именно с этой парой. Антон помнил ещё отца Фёдора по имени Шамиль, солидного, осанистого татарина, работавшего мясником в этом гастрономе, и приветливого улыбавшегося покупателям всеми тридцатью двумя золотыми зубами, вставленными с усушки и утруски различных мясных полуфабрикатов.

Иногда Фёдор приносил Антону домой свежее чешское пиво «Праздрой», иногда Рита подбрасывала на праздники деликатесы, типа кровяной колбасы или финского «сервелата». Почему ребята не поженились до сих пор, Антон не знал, но, скорее всего, им и так было хорошо вместе.

Сказать, что Виктор с Ритулей сильно хотели детей – так нет... Просто, так получилось. Ну, а что тут такого? Жили вместе давно, проблем особых не испытывали, жильё было, работали оба. Когда-то и дети же должны были появиться на свет... Как-то неожиданно всё случилось, и представить Риту молодой мамой Шелестов просто не мог. Но если ребята решили – так тому и быть. Рано или поздно – всё равно же размножаться надо... И, ему тоже!

Антон хмыкнул, и подумал о том, что обязательно на день рождения их ребёнка сделает этой паре хороший дорогой подарок.

Дом.

Запах жареной картошки сразу ударил в нос, как только Шелестов открыл дверь к себе домой.

– Мааам! Я пришёл! – Антон вяло начал снимать куртку. – У меня уже слюнки текут вовсю!

– Антоша, слышу, слышу. Я уже всё приготовила. – Со стороны кухни в прихожую вышла мама, держа в руках полотенце, один конец которого был у неё на правом плече.

Стадив, наконец, с ноги последний ботинок, Шелестов обнял мать, и поспешил мыть руки.

– Тапочки одень, простудишься!

Что на это сказать? Сказать нечего: мама есть мама!

Вымыв руки и умывшись, Антон заглянул в большую комнату. Отец сидел в кресле и смотрел телевизор. Газета «Известия» лежала у него на коленях.

– Привет, па!

Отец что-то пробурчал ему в ответ, и продолжил смотреть какой-то фильм про войну.

На экране телевизора полным ходом шла война. Немецкий танк, показанный крупным планом, натуженно ревя мотором и периодически стреляя на ходу из пушки, упорно продвигался вперёд, давя гусеницами брошенные орудия и какие-то ящики. Из траншеи решительно выбрался, и пополз ему навстречу очередной мифический герой – коммунист. Внезапно став перед танком во весь рост, примерно в метрах двадцати от него, киношный герой, вместо того чтобы швырнуть связку гранат под гусеницы, вдруг начал торжественно прощаться с товарищами, потом с Лениным, потом со Сталиным, потом с Коммунистической партией, потом ещё с кем-то. Наконец, прошитый пулемётной очередью, красиво упал навзничь. Видимо немцы в танке устали ждать, когда он их подорвёт, и сами решили быстренько его грохнуть. Куда делись гранаты, было не ясно. Дурдом!...

Отношения между Шелестовым – старшим и Шелестовым – младшим стали, прямо скажем, не фонтан, когда Шелестов поступил в Вышку. Отец, почему-то искренне считал, что свою жизнь его сын, то – бишь, Антон, должен связать с наукой. Почему так, Шелестов – младший не знал, а спрашивать не хотел. Да и поздно уже было.

Ещё в пацанском возрасте, друзья во дворе жаловались на своих отцов, мол, за всякие мелкие косяки могли накричать, либо слегка отшлёпать для порядка. Отец Антона в свою очередь всегда пытался донести до него, почему тот не прав, или почему так поступать нельзя. Если Шелестов – младший не соглашался, отец со смехом говорил: «Ладно парень, это твои грабли, набивай себе шишку за счёт собственного опыта!»...

...Пожинав, Антон прошёл в свою комнату. Не спеша разделся до плавок и также, не спеша, направился в душ.

Завершив акт омовения, Шелестов насухо вытерся большим мохнатым полотенцем, и закутался в толстый махровый халат. Теперь можно было прилечь и посмотреть телевизор, благо время было всего-то одиннадцать вечера.

Раздался еле слышный стук в дверь, которую Антон всегда закрывал, когда находился у себя.

– Да, мам! Что?

Мать вошла к нему, держа в руке продолговатый серый конверт.

– Антоша, Вилли прислал тебе письмо. На, вот, возьми. – Она положила его на край кровати. – Отец уже лёг спать, ему рано вставать. Хочешь чаю?

Шелестов – младший приподнял голову, потянулся и взял письмо.

– Нет, мам, не хочу! Иди, отдыхай.

– Ты не закрыл шкаф, когда вешал куртку, и я почувствовала запах очень хороших французских духов «Клима».

– И что?

– Нет, ничего, просто эти женские духи мне очень нравятся!

– Мне тоже! Мам, перестань! Ты как Штирлиц.

– Хорошо, хорошо, я умолкаю. Ты решил, как ты будешь справлять Новый Год?

– Нет ещё, но я сообщу дополнительно.

– Вот – вот, сообщи.

Мама вышла, плотно закрыв за собою дверь в его комнату.

Шелестов аккуратно вскрыл конверт, из которого тут же выпала фотография. Он отложил письмо и стал внимательно рассматривать этот снимок. На цветном фото был изображён молодой улыбающийся парень, примерно одного возраста с Шелестовым, в руках он держал новорождённого, а рядом стояла невысокая девушка с большими карими глазами, которая держала на руках девочку, чуть старше новорождённой. На заднем плане отчётливо было видно здание с колоннами и стоящим рядом со входом белым микроавтобусом типа «РАФ»²² с красным крестом на борту, сильно смахивающим на нашу «скорую помощь».

– Ах ты, рыжий – конопатый, убил дедушку лопатой! – весело пропел себе под нос Антон.

Огненно рыжая шевелюра, нос картошкой, лицо в веснушках. С фото на Шелестова смотрел Вилли Рейнер, по прозвищу «Ветер». Рядом стояла его жена Хелен, а на руках была дочка Марта. На обратной стороне было написано по – немецки и тут же по – русски, коряво правда, но читаемо: «10 декабря 1985 года, Берлин, ГДР, родился Макс.»

– Всё ясно! – Антон вложил фото с семьёй друга обратно в конверт. – Так! Что мы тут пишем!

Достав сложенный в несколько раз лист бумаги, и развернув его, Шелестов углубился в чтение...

База ВМФ СССР, г. Балтийск, 1980 год.

...Подъём в 7 утра, комплекс специальных дыхательных упражнений, затем бег вдоль Балтийского побережья в спортивной форме одежды, душ и завтрак. За полтора года службы на военно – морской базе г. Балтийска, Калининградской области, Антон и Борис Гудков всё выполняли уже автоматически.

В тот день начало занятий по специальной боевой подготовке внезапно было прервано появлением в учебном центре их прямых и непосредственных командиров: зам. командира части, начальника штаба базы, замполита базы и командира дивизиона. Вместе с ними пришли трое незнакомых крепких парней, одногодков Шелестова и его сослуживцев, одетых в повседневную форму матросов ВМФ СССР.

– Встать! Смирно! Товарищ капитан второго ранга! – начал было докладывать по уставу начальник спецкурсов, проводивший занятия, но зам. командира прервал его и обратился к стоявшему по стойке «смирно» личному составу дивизиона.

– Товарищи! С сегодняшнего дня в вашем подразделении начинают проходить срочную службу трое военнослужащих ВМФ Германской Демократической Республики, из родственного нам подразделения! Прошу личный состав оказать посильную помощь в прохождении службы. Вольно!

Затем слово взял замполит базы.

– Товарищи! Братский немецкий народ...

²² РАФ – марка отечественного микроавтобуса. Выпуск этой знаменитой марки продолжался на протяжении сорока лет и заслужил большую популярность. Широкое применение эта марка приобрела как служебные автомобили, такие как кареты «скорой помощи» или маршрутные такси.

Антон с любопытством рассматривал вновь прибывших. Парни были спортивного телосложения, одного роста и веса, во всяком случае, так сначала показалось. Особенно выделялся один из них, с огненно – рыжими волосами, с простецким, каким-то крестьянским лицом. Нос картошкой, по лицу природа щедро разбросала веснушки, включая уши. Умные карие глаза смотрели на всё происходящее с любопытством и без всякого волнения.

...задача сплотиться вместе с братским народом вокруг Коммунистической партии...

По тому, как троица иногда внимательно к докладчику, стало ясно: парни русский язык знают. Шелестов толкнул локтем Гудкова.

– Что?

– Как думаешь, осложнят нашу жизнь эти варяги, или наоборот?

– Мне плевать, через три месяца мы с тобою будем дома! А здесь, хоть потоп!

– Не добрый ты, Боря.

– Ну – ну! Молись, чтобы тебя не сделали наставником одного из них!

– Сплюнь!

...проходить службу на благо наших братских народов...

Как принято во всех спецподразделениях разных стран, боевые пловцы Балтийской базы ВМФ имели псевдонимы или клички, как угодно. Это упрощало вопросы взаимодействия при выполнении боевых задач. Ни имён, ни фамилий. Даже в случае гибели пловца, определить принадлежность к его к какой – либо стране практически невозможно, татуировок нет и документов тоже. При этом учитывается, что высокий ростом боец не может иметь кличку «Длинный», а из – за рыжего цвета волос командир не имеет права дать бойцу кличку «Рыжий»! А вот наоборот – пожалуйста. Уловили суть? Ласты же, маски, дыхательные трубки, гидрокостюмы и акваланги используются всех марок и всех стран – производителей. Разве только вот оружие для подводной стрельбы у российских подводных диверсантов было уникальное в своём роде, аналогов просто не было.

Короче, Гудков, как в воду глядел. Вся троица попала в их дивизион, рыжий немец получил прозвище «Ветер», остальные – «Грач» и «Туча». И, конечно, наставником рыжего был назначен Антон Шелестов, псевдоним «Скорцени». Псевдоним у Бори Гудкова был «Рольф»... Немцы ничем не отличались от русских, лишь на повседневной форме, на рукаве была нашивка «Marinekameradschaft Kampfschwimmer Ost e.V.»²³

...Антон проснулся от того, что затекла рука, которую он положил под голову, когда читал письмо. Письмо лежало рядом прямо перед носом. Ярко горела люстра.

– Ну, надо же, заснул! – потягиваясь, он рывком сел на кровати, опустив ноги на паркет пола. Аккуратно сложил письмо и, положив в конверт, бросил его в секретер.

Часы показывали половина второго ночи.

Снял с себя халат и швырнул его на кресло, стоящее у окна. Потом передумал, подошёл к окну и поднял халат, аккуратно его расправил и пошёл в ванную, шлёпая босыми ногами по паркету, где его повесил на крючок, на стене.

– Нельзя расслабляться!

Вернувшись в комнату, погасил свет и немного постоял у окна, смотря с седьмого этажа своего дома на стеллу Юрия Гагарина, освещённого прожекторами, и большую новогоднюю ёлку, стоящую рядом со стеллой и переливающуюся разноцветными огнями, лампочек было много. Ленинский проспект был пуст, только оранжево горели лампы городского освещения, да ярко – синие вывески «Тысяча мелочей» прямо напротив, и справа «Дом ткани» и «Дом обуви»

²³ «Marinekameradschaft Kampfschwimmer Ost e.V.» – подразделение боевых пловцов ВМФ народной армии ГДР.

на крышах домов, выходящими фасадами на площадь Гагарина. В комнате из – за праздничного освещения на улице было относительно светло, поэтому Шелестов подошёл к секретеру, который никогда не закрывал и сел в кресло, стоящее напротив него. На настольной лампе, что стояла слева на столе, висел на серебряной цепочке серебряный же немецкий крест с чёрной, переливающейся эмалью. Это был талисман Антона.

В августе 1980 года, Антон чуть не погиб, когда с Борей Гудковым совершенно случайно обнаружили погибшую немецкую подводную лодку в Балтийском море, где и была обнаружена эта реликвия, поднята со дна, надёжно спрятана и привезена в Москву домой.

Массивную цепь к кресту, Шелестов затем выпросил у матери.

Но об этой истории с крестом несколько позже.

Антон проснулся в семь часов утра, в комнате было темно. Потянулся, давая время мышцам подготовиться к скорому окончательному пробуждению, поэтому несколько минут лежал на спине, бессмысленно смотря на хрустальную люстру на потолке, которая едва различимо поблёскивала в начинающем редеть сумраке раннего зимнего утра гранями подвесок.

Затем резко сбросил одеяло и по – армейски вскочил с кровати. Несколько раз присел, чтобы размять ноги, наклонился вправо, затем влево, подпрыгнул и сразу «упал» на пол.

– Раз, два три... Иии, раз, два, три... – вслух считал Шелестов, отжимаясь от пола сначала просто на двух руках.

Ему нравились эти ощущения – когда, отжимаясь от пола, ты чувствуешь, как напрягается тело, как кровь затекает в ещё вялые ото сна мышечные волокна, заставляя их сокращаться всё интенсивнее и интенсивнее. Шестьдесят...

– Раз, два три... Иии, раз, два, три... – на правой руке, закинув левую руку за спину.

– Раз, два три... Иии, раз, два, три... – на левой, закинув правую.

– Раз, два три... Иии, раз, два, три... – на кулаках двух рук.

Потом на кулаке правой руки, потом левой...

Антон медленно согнул руки, бережно опуская грудную клетку на пол, перевернулся на спину и замер, рассматривая наполненную каким-то неведомым мне смыслом возню сотен пылинок в ярком солнечном луче, весело заглянувшему в окно его комнаты.

Резкий рывок из положения «лёжа» и Шелестов уже на ногах.

Затем скакалка, способствующая координации движений и реакции. Далее обычный комплекс упражнений «тао». Следующим упражнением была «ката» китайской школы восточных единоборств «кунг – фу». Разогревшись, как следует, и, чувствуя каждой клеточкой организма, как кровь струится по жилам, наполняя тело живительной силой, как ровно и мощно работает сердце, Антон переходил к воображаемому бою сначала с одним противником, потом – с двумя. В роли воображаемых противников – собственное отражение в зеркале стенового шкафа.

Соблюдение своей спортивной формы Антон возвёл чуть ли не в религию. Годами сложившаяся практика утреннего приёма холодного, а затем контрастного душа, растирание тела полотенцем, гимнастические упражнения и специальные упражнения для мышц, ежедневная «ката» шла только на пользу.

Сколько себя Шелестов помнил, он почти никогда не болел, и не пользовался всякой аптечной химией, а если уж допекало, то только народными средствами. Малиновое варенье из деревни под городом Можайском, горячий чай с долькой от большого жёлтого абхазского лимона после настоящей русской бани с веником – вот основные составляющие приведения организма из предболезненного в рабочее состояние, да и мозгов тоже.

После мнимого избиения виртуальных врагов, Шелестов трусцой побежал в душ.

Начинался новый день, и он снова должен был быть готов к выполнению своей милицеейской работы.

Но, сначала почистить зубы, и побриться, чему способствовал французский крем для бритья (где его постоянно покупала мама, он не знал) и хорошая английская туалетная вода (доставал сам у знакомой ещё со школы, которая работала в универмаге «Москва»).

Вкусная яичница из трёх яиц с ветчиной, запитая чашкой свежесваренного чая из «коробки со слоном» и с лимоном, способствовала притоку необходимых организму свежих калорий.

Теперь он почувствовал себя достаточно бодрым и отдохнувшим, голова работала ясно и была готова для того, чтобы прикинуть план на весь день, включая вечер.

Оксана.

Ровно в девять утра Антон уже стоял у дверей у своей временной рабочей комнаты ЦАБа и терпеливо ждал Оксану. Раздавшийся лёгкий девичий смех и чуть слышное постукивание каблучков по мраморному полу коридора, заставили его обернуться. Оксана шла навстречу Шелестову вместе с одной из девушек, которых вчера вечером он провожал до кинотеатра «Октябрь». Кажется, её звали Илона. Обладательница целой копны рыжих волос была одета в брючный костюм стального цвета и туфли на высоком каблуке, она держала под руку Оксану, тоже в брючном костюме, но только синего цвета, и рассказывала ей что-то очень смешное. Увидев Антона, они замолчали, а Илона отпустила локоть Оксаны и тут – же зашла в один из кабинетов, что был по пути. Улыбаясь, его новая знакомая, шла к нему, прижимая к роскошной груди большой рыжий блокнот – еженедельник. На ней прекрасно сидел хорошо сшитый синий брючный костюм, белая кофточка с воротником типа жабо. Те же немного раскосые, бездонно чёрные глаза, легкая улыбка, и ослепительно ровные белые зубы.

– Привет!

– Привет.

– Приехал работать?

– Служба.

– Тогда прошу!

Она открыла дверь в уже знакомую комнату, и Шелестов сразу направился к рабочему столу, на котором уже его ждала стопка карточек с номерами телефонов и пачка чистой писчей бумаги. На самом краю стола стоял телефон. Антон снял куртку, кашне и аккуратно повесил на вешалку, затем уселся за стол.

– Что ни – будь ещё? – Оксана смотрела ему прямо в глаза и улыбалась.

– Да, но после 18.30! Например, у кафе «Ангара». Придешь?

– Мы уже на «ты»?

– Если не возражаешь?

– Хорошо, попробуем.

– Так придешь?

– Я подумаю.

– Я буду ждать тебя.

– Работай, а то не успеешь! – она повернулась и вышла из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Окрылённый предстоящей встречей, Шелестов не спеша переписал оставшиеся 345 номеров телефонов, с установочными данными их владельцев и адресами установки, и в 17.30 покинул ЦАБ ранее оговоренного времени, прикрыв за собою дверь.

Кафе «Ангара» располагалось на Калининском проспекте, дом 19, ровно посредине между работой Оксаны и её домом, но только на противоположной стороне. Кафе как кафе, не хуже и не лучше других в Москве. Сам зал и оркестровая площадка были на втором этаже, на первом был гардероб и туалеты.

Купив букет кроваво – красных роз, Шелестов терпеливо ждал её у самого входа «Ангары», стоя так, чтобы был виден выход из подземного перехода, хорошо освещаемого лампами фонарного столба, стоящего рядом.

– Вот бы сейчас меня Анна Шольц увидела бы! – мысль была интригующе свежа.

Однако её продолжения не последовало, поскольку появилась Оксана в роскошной норковой парке, увидела его, стоящего у кафе с букетом и сразу направилась к нему.

– Привет, ещё раз!

– Привет, это тебе!

– Спасибо!

Раздевшись в гардеробе, они под ручку поднялись на второй этаж и направились в дальний угол кафе, который был слева от оркестровой площадки, где разместились за столиком на четверых у самого окна. Мгновенно появившийся официант, уже торжественно нёс высокую вазу с водой для розы и две папки с меню, каждая из которых была больше похожа на годовой бухгалтерский отчёт всего кафе. Оксана с любопытством осматривала развешенную по стенам заведения чеканку, офорты и литографию, пока официант аккуратно распаковал её букет, и грамотно расправив бутоны роз на длинных шипастых стеблях, опустил их в воду и поставил вазу в середину стола. Затем положил перед каждым меню в кожаном переплёте.

– Сразу закажите, или подождать, пока определитесь с выбором? – официант, молодой парень лет двадцати, был сама любезность.

– Спешить куда? – Антон сразу дал понять, кто здесь главный, на всякий случай, и раскрыл своё меню.

Оксана раскрыла своё и с интересом углубилась в чтение названий разных вкусностей, которые здесь предлагались посетителям кафе за умеренную плату. Антон же внимательно наблюдал за выражением её лица и её глаз.

Здесьнее меню он знал назубок, поскольку в «Ангару» в студенческие годы нырял периодически, с поводом и без такового, аж 1974 года. Большинство старых официантов знал в лицо и по имени, за исключением новобранцев. Этот был из таких.

Девушка медленно водила по названиям блюд ухоженным указательным пальчиком и неслышно шевелила губами. Она полностью расслабилась.

– Выпьешь что-нибудь, Оксана? Шампанское?

– Можно.

– А поесть?

– Да, давай, я весь день была занята. Представляешь, даже не обедала!

– Да ты что? – притворно удивился Шелестов. – Какой ужас!

– Издеваешься?

– Ну, если самую малость.

– Ну – с? Готовы? – наконец осведомился официант.

– Да, я готова! – Оксана не дала первым сделать заказ Антону, – пожалуйста, греческий салат, оливки, заливное с языком. Потом, шашлычок из осетрины, стакан свежее выжатого сока из грейпфрута, иии..., – она на секунду задумалась, – вазочку с ванильным мороженым и клубникой. Она захлопнула меню и подняла глаза на официанта.

– Клубнику, пожалуйста, отдельно! – и обезоруживающе улыбнулась.

– Круто! – начало Шелестову понравилось.

– Что ещё? – официант переместился ближе к нему.

Антон посмотрел на официанта, потом на его бейджик на левом кармане костюма с надписью «Викентий» большими буквами.

– Советское шампанское, полусладкое, шашлык из баранины, бутылку минеральной воды, плитку шоколада и вазочку маринованных белых грибов. Это пока всё, дальше – будет видно, Викентий!

Буквально уже через несколько минут, Викентий, достав бутылку шампанского из серебряного ведёрца со льдом, отрыл её, разлил по бокалам Антона и Оксаны и, оставив их наедине с принесённой ранее закуской, испарился, правда, не забыв пожелать приятного аппетита!

– Итак! За что выпьем? – спросил Шелестов.

– Давай за встречу! – предложила Оксана звонким голосом и её щёки слегка порозовели.

– Давай!

Они выпили, и активно взялись за лёгкую закуску. Каждый из них хоть и был поглощён едой, но изредка они посматривали друг на друга.

– Так, а теперь давай за знакомство!

– Давай!

Антону очень хотелось, чтобы Оксана рассказала о себе, но её не торопил, справедливо полагая, что выпитое шампанское и непринужденная обстановка сами спровоцируют девушку на откровенность.

Честно говоря, Антон мог и сам навести справки в отношении девушки, как говорят опера «пробить» человека, т.е. узнать, сколько ей лет, какое учебное заведение заканчивала, с кем живёт и массу другой полезной информации, используя своё служебное положение. Всё – таки он был сыщиком, а сыщики, как известно, народ любопытный.

– Вкусно?

– Да, ничего.

– Если захочешь ещё что ни – будь, давай говори, не стесняйся.

– Ладно.

– Антон!

– Да.

– А с кем ты живешь?

– С родителями.

– А сколько тебе лет?

– Мне, двадцать семь.

– А тебе?

– А мне, двадцать пять.

– А ты коренной москвич?

– Конечно! А почему ты спросила?

– Ты работаешь в милиции, а я точно знаю, что коренные москвичи милицию не любят.

– Оксана, это твоё глубокое заблуждение, поверь мне. Это моя работа и я знаю, что говорю. А ты москвичка?

– Да.

– А ты с кем живёшь?

– Я живу с сыном, ему пять лет, зовут Василий. А мои родители и бабушка живут на шестом этаже, прямо под нами. А почему ты ещё не женат?

– По правде говоря, я как-то не задумывался о женитьбе. Учёба, армия, опять учёба, теперь вот уголовный розыск. Я ещё не готов просто. А что?

– Да, нет, ничего, просто ты такой весь из себя заметный парень, спортивный, хорошо выглядишь. Неужели ни с кем не встречаешься.

– Почему? Встречаюсь иногда, но это так, либо старые знакомые, либо мимолетные увлечения.

– Ты всегда правду говоришь?

Антон чуть не поперхнулся минеральной водой.

– Оксана! Это очень серьёзный вопрос. Отвечу так: я стараюсь друзьям, близким и знакомым не создавать проблем. Есть вещи, о которых я просто не буду разговаривать, а не хочешь, чтобы я тебя вводил в заблуждение, просто не спрашивай.

– Ясно.

– А где твой?

– а у меня нет.

– Почему?

– А он меня бросил, когда узнал, что я беременна.

– Круто!

– Бывает, это просто жизнь. – И вообще, товарищ милиционер, ты не на работе, задаешь много личных вопросов.

– Прости, больше не буду.

Шелестов налил в бокалы шампанское.

А затем они с удовольствием продолжили общение на отвлечённые темы, разбавляя разговор, то ещё заказанной порцией отменной жареной форели, то ещё одним десертом, и всё это запиваемое шампанским. Вечер удался на славу. Оксана оказалась интересной особой со своими взглядами на жизнь, разговаривать с ней было легко и приятно.

Когда они подошли к подъезду, где жила Оксана, и настала пора прощаться, он взял её правую руку, спокойно снял с неё изящную женскую перчатку из тонкой кожи и прижал её ладошку к своей щеке. Она улыбнулась.

– У тебя руки замёрзли.

– Ничего, зато сердце горячее. И ты колючий. Больше к нам не придёшь?

– Нет. Что делать, служба.

– Спасибо за изумительный вечер. Мне очень понравилось.

– Мне тоже.

– Тогда пока?

– Пока.

Осторожно высвободив свою руку, Оксана повернулась и вошла в подъезд. Антон стоял и смотрел ей вслед.

Вот вверх мягко скользнул лифт. Проводив взглядом его светящееся окошко до седьмого этажа, Шелестов поднёс к лицу оставленную перчатку Оксаны, чтобы почувствовать запах её духов. Потом сунул перчатку в карман и пошёл к метро.

Дом встретил Антона тишиной. Раздевшись и тихо прокравшись к себе в комнату, он включил свет, и сел за секретер, чтобы написать ответ Вилли. Достал бумагу, ручку и только собрался было начать творить, как лёгкий стук в дверь возвестил о приходе мамы.

– Мам, ну что ещё? – он попытался придать своему голосу недовольные нотки.

Она приоткрыла дверь, строго смотря на Антона.

– Во – первых, здравствуй, сын! Во – вторых, почему ты, когда пришёл не умылся и не вымыл руки? В – третьих, ужин на столе, а вот в – четвёртых, ты не закрыл шкаф, когда вешал куртку. А из кармана торчит женская перчатка. Как её зовут?

Лицо матери подобрело.

– Кого? Перчатку? – была слабенькая попытка сострить, и улизнуть в другую тему.

– Нет, дорогой мой, её хозяйку!

– Всё, попал! Теперь старая пластинка зазвучит с новой силой! – он поёжился. Мать с отцом хотели внуков, а он считал, что ещё рано.

– Мам, я не помню. Это свидетельница по делу её оставила случайно у меня в кабинете.

– Да? Как же! – родное лицо мамы улыбалось. – Ты бы тогда перчатку оставил бы у себя на работе. А эту ты принёс домой. Кстати, она пользуется хорошими духами. – Она явно была довольна.

– М – да! Крыть было нечем, и возразить было трудно, одно слово: женщины! – улыбнулся своим мыслям Антон.

– Хорошо, хорошо, я пошла.

Мама вышла, плотно закрыв за собою дверь в его комнату.

– И что такого? Оксана не замужем, значит, имеет право на флирт, а если бы она была замужем, тогда... Тогда, он – пас! С замужними дамами связываться нельзя, и дело даже не в морали, и всё такое... – Антон улыбнулся, представив лицо девушки.

– Почему холостому парню легко общаться с одинокой девушкой? Всё просто! Она хочет замуж! И, даже, если говорит, что это ей не надо, это совсем не факт. Но в перспективе – надо будет. Почему? Потому, что ей надо быть пристроенной. Это часть её жизни. Да, и уже пристроенные подруги, так сказать, все время поддевают сочувствием своим, как же так, ай-яй-яй, одинокая, не пристроенная, да и родители, опять же, переживает по тому же поводу.

У парня с этим проблем меньше. Мама, конечно, может быть на взводе и хотеть внуков, но все остальное – за проблему не считается. Ты ж не считаешься не пристроенным, ты считаешься свободным, и женатые друзья тебе даже завидуют периодически. Так что по большому счету ты – в сильной позиции, она от тебя хочет большего, чем ты от нее.

А замужняя женщина, она с тобой на равных. Ей за не надо, потому что она уже там, тылы у ей прикрыты, сексуальный голод ее тоже не мучит, какой-никакой минимум даже при плохом раскладе обеспечивает, а при хорошем – и подавно. Тогда, почему она тогда строит тебе глазки? А? Правильно! Она охотится, она на тропе, ей адреналин нужен, приключения, она тебе полноценный соперник в этих играх. И уж тут ты можешь проиграться в «пух и прах»! А тебе это надо?

Подведя черту, под столь любопытным и глубокомысленным заключением, Шелестов нехотя поднялся с любимого дивана и поплёлся в душ.

Начало следующего рабочего дня встретило Антона не дружелюбно, потому что погода не задалась с утра. Мокрый снег гонимый промозглым ледяным ветром норовил залезть в глаза, забивал противным скользким комком каждую складку одежды. Пешеходные дорожки, да и сами улицы покрылись студенистой, чавкающей при ходьбе суспензией из снега, грязи и едких химикатов, а из – под колёс проезжавших машин вылетали целые потоки. Почти во всех окнах близлежащих домов вокруг площади Гагарина горел свет, освещая лавину косо летящих хлопьев снега, падавших на деревья, машины, прохожих. Казалось, что этой напасти не будет конца. А пока, люди, подгоняемые пронзительным ветром с мокрым снегом, торопливо спешили укрыться в метро, плотно сбивались в кучу на остановках городского транспорта, и казалось, что, нет силы, остановить эту снежную вакханалию. И это, когда Новый Год должен был наступить через несколько дней!

Подойдя к магазину «Дом обуви», Шелестов только взмахнул рукой, как тут же, чуть не обдав его целым веером грязной талой жижи, рядом с ним остановилось такси.

– До Кравченко подбрось.

– Садись!

Подождав, пока машина тронется, Антон посмотрел на свои часы, было ровно восемь тридцать утра.

– Шеф, притормози у гостиницы «Спутник», там, на остановке мой приятель должен быть.

– Сделаем!

Борьку Гудкова было заметно из далека: он выделялся внушительными габаритами среди массы народа, желающего обязательно влезть всеми правдами и неправдами, в только что подошедший троллейбус тридцать третьего маршрута.

Шелестов подъехал в тот момент, когда Гудков уже приготовился идти на штурм.

– Вот он! Ткнул пальцев в лобовое стекло такси Антон.

Такси подъехало к самому краю тротуара и встало сразу за троллейбусом.

– Эй, мужик! Давай к нам! – крикнул из открытой только что двери машины Антон. – А то уедем!

Когда они вошли в своё отделение милиции, оно было похоже на потревоженный улей.

Мargarита Сергеевна Гонгора.

– Ну что, орлы, пора серьёзно поработать! Кто скажет, какая самая длинная улица в Москве?

Начало было не плохим.

Ленинская комната зашумела, и послышались возгласы – «Профсоюзная».

– Это по нашему делу. А по не делу: а самая короткая?

В помещение воцарилась тишина.

– Улица Ленивка! – Антон не хотел участвовать в этой импровизированной викторине «Что? Где? Когда?», но ответ вырвался непроизвольно.

– А почему?

– А потому что там только один дом значится! – уже от безысходности продолжил Шелестов.

– Точно! Так вот он, – при этом Меньшиков, указав пальцем на Антона, – привёз из ЦАБа распечатки номеров телефонов контактов Гонгора, длинную с Профсоюзную улицу. Часть, уже отрабатывают «соседи», а остальное нам достались. Мужчины и женщины, творческие люди и дипломаты, актёры, актрисы, музыканты, директора магазинов и т.д., в целом список разношерстный и разномастный. С сегодняшнего дня начинаем отрабатывать каждого. Каждый из вас, в день, должен провести две оперативных установки по тем адресам и установочным данным фигурантов, которые вы здесь, утром в девять часов будете получать. Мы учли, где территориально вы проживаете и постарались максимально облегчить вам работу, давая задание по территориальному признаку и по адресам вашего местожительства. Вечером, оперативные установки с грифом «секретно», вами подписанные, будете сдавать лично мне. Все вопросы будем решать в процессе работы. Ясно?

– Ясно! – хором ответили присутствующие.

Со своего места поднялся начальник уголовного розыска Октябрьского РУВД, Анатолий Иванович Калинов.

– А теперь, вот что я хотел сказать! – в ленинской комнате наступила тишина. – Дело паршивое и на контроле оно везде, где только может быть! И если с ходу, с самого начала, не угодим в «цвет» или кому – либо из вас не подфартит, утюжить эту самую Профсоюзную улицу будем до пенсии. Если ранее Министерство не сделает оргвыводы, касательно вашей, да и моей профпригодности. Я понятно излагаю?

В помещении была тишина.

– И ещё! Я предупреждал вас и ещё раз напоминаю о том, что заинтересованные и контролирующие инстанции убедительно просили нас быть деликатными, когда начнёте отрабатывать фигурантов. Есть там люди очччень не простые, и очень заслуженные. Всё ясно!

– Так точно, Анатолий Иванович! – хором ответили сыщики.

– Тогда и у меня больше нечего вам сказать!

– Раз всё понятно, давайте подходите сюда по – одному и получайте задание! – распорядился Меньшиков.

«Интересная получается картина, – подумал Шелестов. – Если б завалили работягу, конечно, резонанс будет, всё – таки убийство, то таких назиданий бы не было. А вот такие occasions с людьми известными, да ещё иностранными подданными, здесь уже политика. Не хотят они, чтобы вот так, по – простому, наши опера копались в их частной жизни, точнее говоря, копались бы в их грязном белье. А с другой стороны, кому охота быть убитым, и при этом преступника не найдут! Как это вчера сказала мне Оксана о том, что коренные москвичи не любят милицию! Это всё от лукавого, потому что, как только начнут убивать или грабить, где-нибудь в тёмном дворе, все сразу орут: „Милиция, убивают, спасите!“! Вот такая вот дилемма получается».

От этих не весёлых мыслей Антона избавил Калинов.

– Шелестов, у тебя отдельное задание, пошли к тебе.

Калинов уселся за рабочее место Антона, одобрительно постучал пальцем по схеме расположения домов и всего остального хозяйства на его «земле», лежащее под плексигласом на столе, сказав при этом «Молодец!», а потом посмотрел в лицо Шелестову, стоящему перед ним по стойке «Смирно»!

– Сейчас позвонишь на квартиру Гонгора, где живут его вдова и дети, представишься и договоришься о встрече у них дома, сегодня, сейчас. Возьми банки протоколов допроса свидетеля. Теперь слушай, что ты должен сделать, на что обратить внимание и какие вопросы задать!..

Через час с небольшим, Антон выскочил из троллейбуса на остановке «улица Обручева», а через десять минут уже выходил из лифта на четвертом этаже дома №119, прижимая локтем левой руки свою «тревожную» папку. Осмотрелся, подождал, пока двери закроются, и направился к квартире №15.

Около неё Шелестов снял свои кожаные перчатки, и ими же, похлопав себя по рукавам «аляски», стряхнул уже начавший таять снег. Затем аккуратно обстучал рифлёные подошвы зимних ботинок друг о друга, и, наконец, нажал на кнопку звонка. В глубине квартиры раздалось что-то похожее на слабый колокольный перезвон, чем на дверной звонок.

Тишина.

Антон собрался, было, ещё раз позвонить, но, услышав приближающиеся шаги, опустил поднятую руку. Щёлкнул замок, открылась дверь: перед Шелестовым стояла Маргарита Сергеевна Гонгора, в прошлом Нечипуренко.

– Маргарита Сергеевна! Здравствуйте! Я из милиции, Шелестов Антон Генрихович, я вам звонил!

– Да-да... Я вас ждала. Пожалуйста, проходите и раздевайтесь. Куртку повесьте вот на эту вешалку, а обувь вытрите вот об этот коврик и можете не снимать.

Подождав, пока Антон повесил кашне и свою куртку на стоящую у двери вешалку в виде пальмы, и аккуратно вытер ноги, вдова повернулась и открыла следующую дверь, просто нажав на дверную ручку, затем сделала приглашающий жест и посторонилась, давая возможность гостю войти в квартиру. Антон вошёл в большую прихожую.

– Я думаю, что лучше всего будет расположиться в гостиной, там удобно! Нет возражений? – спросила Маргарита Сергеевна, и, не дожидаясь ответа, не спеша, чуть заторможено, закрыла входную дверь, закрыла замок на задвижку и пошла по коридору, приглашая гостя за собой.

Антон недоуменно пожал плечами и двинулся следом за хозяйкой.

В конце довольно длинного и просторного коридора находилась двойная дверь, которую вдова распахнула в обе стороны и повернулась к Шелестову.

– Располагайтесь, где хотите, а я подойду через пару минут!

– Спасибо! – Антон с любопытством осмотрел большую светлую гостиную, и, недолго думая, приземлился на большой кожаный диван у окна. В противоположном углу гостиной стояли напольные часы, высотой под два метра, внушительный маятник которых тихо и мерно тикал.

– Шикарная четырёхкомнатная хата! И предбанник, и большая прихожая! Просторно и дышится легко, не то, что квартиры в пятиэтажках! Да и моя квартирка по сравнению с этой, сущее недоразумение! – подумал Шелестов и с интересом принялся рассматривать висящую на стене рядом с часами огромную картину в массивной золочёной раме, на которой был изображён рыцарь с копьём на вороном коне.

Минута, другая... Наконец появилась Маргарита Сергеевна. Она была одета в модный домашний костюм из синего шёлка: свободные широкие штаны и просторная куртка типа кимоно с широкими рукавами и поясом. Её черные волосы были аккуратно причёсаны и уложены назад, резко очерченные губы плотно сжаты, миндалевидные глаза на ухоженном лице смотрели настороженно и в то же время с любопытством.

– Роковая женщина! – эта мысль сразу пришла Антону в голову, когда вдова вошла в гостиную.

– В общем-то, я всё уже рассказала следователю в прокуратуре и мне кажется ваш визит напрасный! – с этими словами она села в одно из двух кожаных кресел напротив Шелестова. Между ними стоял оригинальный журнальный столик: квадрат толстого стекла почти в метр длиной на четырёх бронзовых ножках в виде лап, какого-то хищного животного, то ли льва, то ли тигра, Антон не разобрал.

– Возможно, вы правы. Я читал протокол вашего допроса, но мне всё – таки хотелось бы задать вам ещё пару вопросов. Дело чрезвычайно сложное, информации мало, работа нами проделана огромная, а результатов пока нет!

– А я вас помню! – она внезапно перебила Антона. – Вы были там, в дипкорпусе, на служебной квартире а, когда я приехала, – голос женщины предательски дрогнул.

Шелестов молча кивнул головой.

На журнальном столике перед вдовой стояла пепельница, сделанная из панциря черепахи и лежала открытая пачка сигарет «Мальборо».

– Если хотите, можете закурить!

– Спасибо, Маргарита Сергеевна, я не курю!

– Молодец! А я закурю!

Она судорожно взяла одну сигарету из пачки, а из кармана домашнего костюма достала зажигалку, прикурила, глубоко затянулась и внимательно посмотрела прямо в глаза Антону. Затем аккуратно положила зажигалку прямо перед собой.

Шелестов взгляд выдержал.

– Ну, хорошо, спрашивайте! – видимо что-то решив про себя и сделав паузу, вдова глубоко затянулась сигаретой.

– Маргарита Сергеевна! Я прошу вас понять меня правильно! Я на службе, и те вопросы, которые, я вам вынужден буду задать, могут значительно помочь нам в поисках убийцы вашего а. Мне важны любые мелочи, связанные с этим делом! Договорились?

– Хорошо! – вдова опустила голову, казалось, она взяла себя в руки.

– Маргарита Сергеевна! В вашем протоколе допроса вы указали, что... – начал было Антон.

– Антон Генрихович! – вдова бесцеремонно перебила Шелестова. – Давайте я сама вам расскажу все то, что вам надо знать.

Совсем не ожидавший такого развития событий, точнее – удачи, Шелестов только развел руками и согласно кивнул. Положив на столик протокол допроса и шариковую ручку, он приготовился слушать и записывать.

– Я родилась в Омске, это в Сибири. Моя мать была директором школы, где я училась, а отец работал вторым секретарём обкома партии. Сами понимаете, что это была за семья. Кругом уважение, друзья, путёвки на юг, за всем этим стоял отец. Окончила школу и твёрдо решила ехать в Москву, поступать в МГУ на юрфак. Мой отец был серьёзный и решительный человек, поэтому одобрил мою самостоятельность. В школе я действительно хорошо училась, не потому что уж очень хотела, а потому что надо было. Поэтому я поступила в МГУ с первого раза. Жила в общежитии, родители меня материально поддерживали, запросы у меня были небольшие. Была одета, и обута. В общем – нормально жила и училась. На втором курсе познакомилась с Павлом Нечипуренко, секретарём комсомольской организации четвёртого курса. Он был высокий, красивый, уверенный в себе, старше меня, к тому же москвич! А я собиралась по окончании МГУ остаться в этом городе навсегда. Как-то всё само собой получилось, короче, я вышла за него замуж, и через год у меня родился сын Анатолий, Толя. Мне было тогда 20 лет. Год пришлось пропустить, я взяла академический отпуск. Мы жили с родителями Павла, в прекрасной трёхкомнатной квартире на Комсомольском проспекте. А потом наступили чёрные дни для меня: сначала умер отец от сердечного приступа, он был фронтовик, прошёл всю войну. Павел окончил университет, и мы с ним расстались. Я оказалась на съёмной квартире, без денег, без образования и с годовалым ребёнком на руках, но с московской пропиской. Мама задействовала свои связи и связи отца, и, через несколько месяцев, она уже жила со мной в Москве. В Омске у нас был большой дом, гараж, машина – всё это мама продала и приехала в Москву с деньгами. Нам помогли вступить в кооператив, я восстановилась в МГУ. На пятом курсе к нам в группу зачислили парня, из Мексики, его звали Антонио Перес Гонгора. В университете в Мехико он изучал русский язык, и по обмену студентами ВУЗов он заканчивал юридический уже в Москве. Сдав экзамены и получив дипломы, мы поженились и уехали в Мексику. Антонио был из очень богатой семьи: она владела серебряными рудниками в Мексике уже несколько сот лет. У нас была огромная квартира в центре Мехико, загородный дом, машина, куча денег. Я выучила испанский язык, сносно говорила на английском, но работать Антонио мне не разрешал. В Мексике я родила ещё двух сыновей: Хуана и Мануэля. официально усыновил Толю, и он стал Марио. Антонио поступил на службу в Министерство обороны страны. Я в Москву возвращалась за эти годы только один раз, когда мама умерла, оставив мне эту кооперативную четырёхкомнатную квартиру. Пока меня не было, здесь жили наши родственники. Потом Антонио предложили пост военного атташе при посольстве Мексики в Москве, и мы приехали в Москву. Теперь здесь живу я с сыновьями. Последние полгода, Антонио жил один, в служебной квартире, где его и убили.

– Почему?

– Почему, что? Почему он жил один, или почему убили?

Маргарита Сергеевна затянувшись сигаретой последний раз, аккуратно затушила её в пепельнице.

– Почему он стал жить один?

– Полгода назад мы решили развестись! Так уж вышло. Видимо, он потерял интерес ко мне и к детям, и мы вместе приняли решение – пожить раздельно. У каждого своя территория, тишина и покой!

– Ну и дела!

– Это наши семейные проблемы и они к делу отношения не имеют!

– У вас лично, и детей – гражданство Мексики?

– У детей от Гонгора – да! А у меня – двойное! Я и Марио сохранили гражданство СССР.

– А чем занимаются ваши дети?

– Марио работает инженером – консультантом в торгово-промышленной палате СССР. Он специалист по промышленным холодильным установкам, потому что окончил технологический университет в Мехико. Хуан, в будущем году, оканчивает московскую среднюю школу, а Мануэль – учится в третьем классе в школе при посольстве Мексики. Марио и Хуан знают русский, английский и испанский языки. А Мануэль ещё маленький и говорит в основном по – испански, и немного по – русски.

– Ясно! Может быть, в Мексике, у вашего а были враги?

– Понимаете, в чём дело! В Мексике семья Гонгора, это не просто семья, это клан, очень богатый и очень большой. У них в каждой семье по пять – семь детей. Есть военные, юристы, политики, бизнесмены, промышленники, полицейские. И они все родственники, из – под земли достанут, если что! Тем более что мексиканцы народ горячий. Антонио был сильным и умным. Всего добивался сам, и во всём хотел быть первым, и в учёбе, и в жизни. Я ведь в МГУ самой красивой была, весёлая, заводная. Хотите, я покажу свои фотографии?

– Нет! Не надо, я же вижу вас!

– Вы мне льстите!

– Нисколько! Вы очень красивая женщина!

– Хотите кофе? Или коньяк?

– Только кофе! Я на службе!

– Ладно! Я сейчас сварю кофе, а себе налью немного коньяку!

Вдова аккуратно положила недокуренную сигарету на край черепаховой пепельницы, решительно встала с кресла, и вышла в коридор.

Антон откинулся на мягкую спинку дивана, и подумал о том, что беседа затянется.

И ещё он давно заметил некоторую неестественность цвета кожи на левой стороне лица вдовы, прямо под глазом: было слишком много пудры, или грима. На расстоянии двух – трёх метров разница в цвете не так бросалась в глаза, а вот когда она вставала, машинально приблизившись к Антону, то сразу было заметно отличие. Можно было рискнуть предположить, что под слоем специально нанесённого макияжа искусно спрятан синяк. Что Шелестов и сделал, отложив этот факт в память, впрок.

Сигарета, оставленная на краю пепельницы, догорела до самого фильтра, и пепел резко упал на дно пепельницы, даже не рассыпавшись. Из-за пепельницы была видна часть зажигалки Маргариты Сергеевны, и она показалась Шелестову весьма интересной. Антон взял ее в руки и внимательно рассмотрел. Это стоило того.

Изящная дамская зажигалка была изготовлена очень профессионально, по бокам выполнена глубокая гравировка с изображением какого-то герба в виде перекрещённой шахтерской кирки с лопатой, и обрамлённого в рамку из дубовых листьев. И это всё на фоне горы с тремя заснеженными вершинами. Внизу, под горой, надпись: «1648».

– Очень дорогая и редкая штука! – Шелестов подкинул ее на ладони. – Пожалуй, тяжеловата для дамской зажигалки. Вещица современная, но сделана под старину, вся из серебра, вот клеймо с торца, и очень профессионально выполнен герб!

Шелестов немного отвёл руку с зажигалкой от себя так, чтобы дневной свет из окна свет попал на зажигалку, а затем чуть-чуть ею покачал из стороны в сторону. Изображение герба вспыхнуло разноцветными гранями.

– Алмазная гравировка! – Антон большим пальцем руки откинул крышку зажигалки и нажал на маленький выступ перед соплом, в виде какого-то экзотического цветка. Из сопла, закрытого миниатюрной сеткой, выскочил язычок пламени. Шелестов погасил зажигалку и закрыл крышку.

Со стороны коридора слышались легкие шаги и позвякивание стекла.

Антон осторожно положил зажигалку на место и опять откинулся на мягкую спинку дивана.

Маргарита Сергеевна осторожно вкатила в комнату сервировочный столик на колесиках, заставленный разнокалиберными бутылками со спиртным, отдельно на маленьком подносе стояли две маленькие чашечки кофе.

– А вот и я, Антон Генрихович! Сейчас я вас угощу настоящим мексиканским кофе. Наверняка, такой вы еще не пробовали.

Кофе действительно был хорош! Но дело, есть дело, и Шелестов опять начал задавать вопросы.

– Маргарита Сергеевна! Честное слово, я не хочу показаться вам не вежливым, но я все же хотел бы знать причину вашего с ним решения о разводе, хотя бы в общих чертах.

Вдова закурила новую сигарету, затянулась, и резко выпустила дым в потолок.

– Нет! Это наше внутреннее дело!

– Тогда на сегодня все, Маргарита Сергеевна, спасибо за беседу. Хочу вот, еще поинтересоваться у вас об этой зажигалке. Очень интересная, я таких не видел!

– А, это! Это блажь отца Антонио! Дамские зажигалки из чистого серебра, изготовленные по уникальной технологии с современной начинкой и фамильным гербом семьи Гонгора! Герб выполнен при помощи алмазной гравировки! А цифры «1648» – это год создания компании по разработке серебряных рудников, владельцем которой стал прапрапрапрадед Гонгора. Три заснеженные вершины гор на гербе – это горный массив в штате Дуранго, в Мексике, где был расположен рудник. Ну, а кирка с лопатой – всего лишь орудия производства, то есть добычи руды. Больше тогда ничего не было! Кстати, на склонах гор Дуранго, есть огромная дубовая роща, поэтому в их фамильном гербе присутствуют дубовые листья. Как видите, Антон, все просто и всему есть объяснение.

– Ну, хорошо! А почему все зажигалки – дамские? – искренне удивился Шелестов.

– Я же говорила, блажь! – с некоторой иронией ответила вдова, и улыбнулась.

– Ладно, тогда прочитайте. Здесь, внизу напишите фразу: с моих слов записано верно, и мною прочитано.

– Давайте ручку.

– Затем число, и подпишите здесь и здесь.

Через 15 минут Антон вышел из квартиры вдовы Гонгора.

Мелкий воришка.

Когда Шелестов вернулся в отделение, там почти из оперов никого не было, кроме «Деда», который на время работы по делу Гонгора был в группе, в дневное время. Антон бросил «аляску» на диван и устало опустился на стул за своим рабочим столом, безвольно свесив руки и закрыв глаза. Он никак не мог понять, что насторожило его в рассказе вдовы. Какая-то нестыковка в её показаниях, которые он читал у Вайс, с теми, которые он только что слышал и записал. Это как легкое облачко пронеслось в голове у Антона и исчезло.

– Надо будет ещё раз сравнить показания вдовы! – решил Шелестов и пододвинул к себе служебный телефон.

Набрал номер опорного пункта участкового Алексея Уварова и стал ждать соединения.

– Леша, привет, Шелестов! Ты знаешь, я прочитал материал, что ты мне дал. Мне всё ясно.

...

– Тебе следует подготовить самого парня и его мать для беседы со мною.

...

Что? Плохо слышно! Что? Они сейчас у тебя в опорном?

...

Давай тащи их сюда, будем работать!

Бросив трубку на аппарат, Антон достал связку ключей, открыл сейф, достал материал по пропаже двухсот рублей у Константина Чкалова и положил его на стол. Затем взял с дивана свою куртку и аккуратно повесил её в шкаф. Снова сел за стол, открыл объяснения, которые собрал Уваров по заявлению матери Константина и начал снова вчитываться в наиболее важные для раскрытия этого дела факты.

Потратив некоторое время на повторное изучение основных моментов материала, Шелестов вышел из кабинета и заглянул в дежурную часть.

Дежурным по отделению были капитан Ахметзянов и его помощник сержант Лагутин.

– Отлично! То, что надо! – сам себе под нос пробубнил Антон. – Привет, Саша, ещё раз! Привет, Дима!

И без того узкие глаза Ахметзянова сощурились ещё больше от довольной улыбки.

– Антон! Ну что ещё ты задумал, а?

– Я? Да, никогда! Я только хотел узнать, кто у тебя сейчас в камерах чалится?

– Сейчас посмотрим, – дежурный достал книгу учёта задержанных. – Так, в первой сидят двое мелких хулиганов в состоянии алкогольного опьянения, доставлены с улицы Новаторов, и один домашний террорист, тоже в нетрезвом. Всех отпустим ближе к вечеру. Так, во – второй сидят карманник – рецидивист, сегодня утром группа МУРа, на Ленинском проспекте его «сняла», и дважды судимый, находится в розыске, инициатор – прокуратура Ставропольского края, мы уже сообщили, за ним выехала группа сопровождения. Так, в третьей – три узбека, на Черёмушкинском рынке пытались маковую соломку продать, целый мешок, материал уже в дознании. А в четвёртой – у нас дама, в нетрезвом, пыталась прорваться в гостиницу «Южная», час назад, тоже отпустим ближе к вечеру, протокол составлен.

– Отлично! Саша, нужна твоя помощь! Открой – ка мне вторую.

– Димон! Давай живо!

– Уже иду! – гремя ключами, помощник подошёл к двери камеры, профессионально сначала посмотрел в глазок, затем отпер дверь. Широко дверь распахнуть было не возможно, поскольку верх двери, самый её край, был намертво схвачен стальной цепью, которая была другим концом вмурована в стену. Ширина цепи была 60 см, поэтому протиснуться в камеру, либо выйти из неё можно было только боком, и то с трудом, в зависимости от комплекции задержанного.

В камере, размером три на четыре, со специально грубо оштукатуренными стенами типа «шуба», и с полуметровым бетонным возвышением над полом вместо нар, у стены на корточках сидели двое мужчин, голые по пояс. Вмурованная в бетон на потолке лампа, забранная стальной решёткой – «намордником» давала возможность рассмотреть большое количество татуировок, украшающих их грудь и спины. Оба коротко стриженные, невысокие и худощавые, как братья.

– Встать! – рявкнул в открытый проём Старостин, – и, повернувшись в Шелестову, и изображая рвение в службе, доложил, – Антон Генрихович! Выбирайте любого.

– Не спиши, они мне оба сгодятся.

Стоявшие пред ним задержанные тревожно переглянулись.

Шелестов стоял перед ними, заложив руки за спину, и по привычке качнувшись с каблука на носок и обратно.

– Значит так! Я – Шелестов Антон Генрихович, оперуполномоченный уголовного розыска этого, 96 отделения милиции города Москвы. У меня есть пара блоков явской «Явы» и я думаю вот, кому бы их отдать.

Сидельцы расслабились.

– Ладно, начальник, мы поняли, говори, что надо, только без «кидалово»²⁴!

– Принято! Слушайте! Через пол – часа я приведу к вам в камеру шестнадцатилетнего пацана, который слегка проворовался, и я хочу, чтобы вы ему показали, что его ждёт здесь, если он будет арестован.

– Спектакль организуешь, начальник?

– Да! Хочу, чтобы он не стал такими, как вы.

– Потом ты его отпустишь?

– Отпущу, конечно! Я хочу, чтобы он урок запомнил, на всю оставшуюся жизнь.

– Годится, мы подписываемся, но только без обмана!

– Мне этого не надо.

– Саша! – Антон вернулся в дежурку. – Надо всех сидельцев собрать во – вторую камеру, кроме путаны, и заставь их разуться, особенно узбеков.

– Да без проблем, сделаем! А для чего?

– Слушай, вот что я хочу сделать...

Через пятнадцать минут после окончания подготовительных мероприятий, в кабинет Шелестова вошли участковый Уваров, за ним мать и сын Стечкины. Парень был одет в просторную теплую куртку, джинсы и высокие зимние ботинки со шнуровкой. Он оказался высок, худ и узкогруд. Мать же была в длинном, тёмно – синем зимнем пальто с воротником из неизвестного зверя, с гладко зачёсанными назад волосами мышиного цвета.

Антон встал со своего стула, за руку поздоровался с Уваровым.

– Нина Николаевна, здравствуйте! Прошу вас, присаживайтесь на диван вместе с вашим участковым, а Павел сядет вот на этот стул у моего стола, лицом ко мне. Договорились? Но сначала, прошу раздеться, молодой человек! Куртку повесьте в шкаф, что за вашей спиной. Разговор у нас предстоит долгий и нудный.

Женщина обречённо кивнула головой, судорожно закусив нижнюю губу.

– Ну, что же Павел! Давай знакомиться. Я – оперуполномоченный уголовного розыска 96 отделения милиции города Москвы, Шелестов Антон Генрихович. А тебя как величать?

– Вы же знаете, я – Павел!

– Это не ответ. Тебе сколько лет?

– Уже шестнадцать!

– Вот! Ты уже взрослый, молодой человек. Давай полностью фамилию, имя, отчество.

– Стечкин Павел Фёдорович.

– Ого! Знаменитая фамилия. А известный конструктор стрелкового оружия Игорь Яковлевич Стечкин, чаем не твой родственник?

Парень отрицательно мотнул головой, держа руки на коленях и опустив голову вниз.

– Что-то ты сегодня не очень разговорчивый, а?

Павел равнодушно повёл худыми плечами.

– Хорошо! Знаешь, почему мы все здесь собрались? – прихлопнув правой рукой стопку объяснений.

– Не знаю.

– Отлично! Я тебя понял, и понял очень хорошо!

Он поднял голову, равнодушно посмотрел Антону прямо в глаза и принялся рассматривать ногти на своих руках.

Разговор явно не клеился, и пора надо было заниматься парнем всерьёз.

– Ну, что – же, тогда давай сделаем вот что. Я тебе расскажу, как, по – моему мнению, всё было, а ты скажешь мне, где я ошибся. Идёт?

²⁴ «Кидалово» (слэнг) – мошенничество.

– Я ничего не брал.

– Хорошо! Итак, сегодня четверг, а в субботу у Костика Чкалова был день рождения, парню исполнилось пятнадцать лет. В двенадцать часов дня гости, в том числе и ты, как лучший друг, собрались у него на квартире, то есть этажом ниже. Ты живешь на девятом этаже, а Костик на восьмом. Гостей было двенадцать человек, восемь ребят и четыре девочки, вы все учитесь в десятых классах одной школы №53 нашего района, и все друг друга хорошо знаете. Родители Чкалова уехали, оставив вас для праздника в трёхкомнатной квартире одних. Вы там слегка подпили шампанского, потом сухим вином добавили, и Костик, мягко говоря, слегка отъехал от количества выпитого. Ты взял его ключи от квартиры и быстренько сгонял в «Металлоремонт», где тебе сделали дубликаты ключей. Затем ты вернулся и положил ключи на место, под зеркало на столик, что стоит в холле у входной двери Чкаловых. Где ты их сначала взял. Тебе надо было придумать причину, по которой бы ты отлучился от вашей компании на время. И ты придумал: ты пошёл к себе домой за гитарой. Итак, что делаю я? Во – первых, я беру твоё фото, а оно у меня есть, и иду, или еду, в «Металлоремонт», где делают дубликаты ключей. В нашем районе, таких кантор всего четыре. Перечислить адреса, где они находятся? А? Павел? Они все в пределах досягаемости, самый дальний на Черёмушкинском рынке. И там, Павел, я показываю твоё фото, и спрашиваю у приёмщика заказов, что ты там делал? А, Павел? Была суббота, выходной, заказов было мало и тебя должны были запомнить. Тебя по любому там запомнили. Вот в чём дело! А почему я тебя сразу не арестовываю, так это из жалости. Но не к тебе, потому что ты мелкий вор – недотёпа, а к твоей матери. Она на двух работах горбатится, чтобы ты нормально жил, нормально питался и мягко спал. Ей всего сорок лет, а выглядит она на все пятьдесят. Ты эти несчастные 200 рублей украл у лучшего друга, с которым дружите с детского сада, тебя в семье Чкаловых всегда принимали как родного, а ты что наделал? А?... Ладно, на чём это я остановился? Ах, да. Так вот, тебя долго не было, и твоя одноклассница Машка Свиридова поднялась к тебе в квартиру, чтобы ты взял с собою ещё и карты, чтобы сыграть в «подкидного дурака», но тебя там не было. Она стояла у дверей твоей квартиры и минут десять звонила. А ты в это время мчался уже с готовыми ключами к Чкаловым. Маша вернулась и сказала своей подружке, Насе Геворгян, что тебя дома нет и, видимо, ты попросту сбежал. Мать твоя в это время была на работе, в гостинице «Южная». Все на том и успокоились. А через сорок минут появляешься ты с гитарой. Это, Павел, во – вторых.

Теперь, в – третьих. Бабушка Костика, мать твоего отца, один раз в неделю, строго в понедельник, с восьми тридцати утра до половины четвёртого, навещает свою сестру, которая живёт в доме №72, по Ленинскому проспекту, следовательно, в этот день ты и открыл дверь Чкаловых, сделанными дубликатами ключей и забрал эти двести рублей Костика. Сигнализации у них нет. Занятия в вашей школе начинаются тоже в половине девятого утра, и у тебя была математика, а ты опоздал на первый урок ровно на пятнадцать минут. Почему?

– Я уже сказал, я забыл дома учебник по математике, и пришлось возвращаться.

– А я думаю, что ты ждал, пока бабуся Чкаловых выйдет из квартиры и пойдёт на троллейбусную остановку. Потом ты забрал деньги и побежал в школу, именно побежал, потому что в класс ты вошёл раскрасневшийся и вспотевший. Вот эти пятнадцать минут и появляются.

– Правильно! Я же торопился!

– Ясно!

Парень сидел, опустив голову.

– А в – четвёртых, я сейчас тебе кое – что покажу! – Шелестов поднял трубку внутреннего телефона, стоявшего у него на столе.

– Дежурный 96 отделения милиции...

– Саш, угомонись, пришли – ка ко мне своего помощника, сержанта Лагутина. А то у меня тут малец один, хочет в камеру на экскурсию, а я вот его отговариваю, не надо мол,

лучше иди домой, к маме. А он, стервец, ну, ни в какую! Взрослым себя считает, самым хитрым и умным.

– ...

– Ну, спасибо! – Антон опустил трубку на телефон. – Нина Николаевна! Вы здесь посидите вместе с Уваровым, а я с вашим сыном пройду в дежурную часть, покажу ему кое – что. Так сказать, небольшая экскурсия в его возможное будущее! Не беспокойтесь, это интересно и познавательно, что-то похожее на урок «каким не надо быть», так сказать!

Женщина согласно кивнула головой и судорожно достала из дамской сумочки носовой платок.

– Она всё поняла и приготовилась плакать! – с сочувствием подумал Шелестов.

Раздался стук в дверь и на пороге вырос помощник дежурного.

– Павел! На выход! – сказал Антон и поднялся со своего места.

– С вещами! – хохотнул сержант.

Когда Шелестов последним вышел из своего кабинета, то предусмотрительно плотно закрыл за собою дверь.

Они втроём вошли в дежурную часть отделения и повернули налево мимо дежурного, равнодушно посмотревшего на них, вошли в узкий коридор, где располагались четыре камеры временно задержанных.

– Открывай! – Антон ткнул пальцем в камеру №2.

– Есть! – зазвенев связкой ключей, Лагутин приоткрыл дверь.

Антон взял за плечо Павла Стечкина, привлёк его к открытой камере.

– А теперь, смотри!

Из приоткрытой двери ударил плотно спрессованный, тошнотворный запах перегара и курева, запах немытых тел, тяжёлый дух застарелого пота, кислых человеческих испарений, грязной одежды. Вонь была настолько концентрированная, что у него даже вызвала тошноту и резь в глазах. Если нужно найти применение поговорке: «Хоть топор вешай!», то это сюда.

На полу на корточках сидели задержанные, все в одних носках, а прямо у самой двери два узбека. Над ними, на полуметровом возвышении над полом, стояли двое мужчин, голые тела которых по пояс были густо покрыты татуировками и блестели от пота.

– Опаньки! Свежачок прибыл! – весело сказал один из них.

– Начальник! Это ты для нас молодого петушка приволок? – вторил ему другой.

Парень, тут же, хотел было рвануться назад, но его сзади железной хваткой держал за левую руку сержант, а за правую – Шелестов.

Один из узбеков вдруг схватил Павла за штанину брюк и визгливо засмеялся.

– Карашо, начальника! Я в карты играть буду, штаны теперь моя!

– А новая батинка – моя! – завизжал вдруг второй узбек, и, упав на карачки, вцепился обеими руками в правый ботинок Стечкина.

Павел повернул голову в сторону Антона, и он увидел его полные животного ужаса остекленевшие глаза. Затем парень собрался было закричать от испуга, но Шелестов, закрыв ему рот ладонью левой руки, рванул от приоткрытой двери и прижал спиной к противоположной от камеры стене.

– Всё! Хватит! Закрывай! – скомандовал он сержанту.

– Ты что, сучёнок, решил со мною в игрушки поиграть? А? – прошипел Антон в самое ухо Павлу, крепко зажимая ему рот. – У меня, подонок, нет времени заниматься такими малолетними пидерастами как ты! Я тебя, тварь, сейчас оставлю у этих уголовников на пару минут, и твою свежую, молодую жопу они порвут в мелкие лоскуты! Ты будешь здесь очень популярен! А за десять дней, что я тебе по «сотке» обеспечу, и которые ты проведёшь в этой камере, её вонючие, волосатые обитатели станут тебе почти родными. Ты привыкнешь к зловонию, шуму, тесноте, ночам без темноты, очереди в сортир, и тюремному быту. Ты скоро сам будешь

вонять, как эта камера. Хочешь этого, тварь? А? Я ночами не досыпаю, ишу убийц по одному делу на моей земле, а ты, гадёныш, возомнил себя крутым агентом «007»? Да? Книжечка начинался, сволочь! – и, сделав страшные глаза, Шелестов почти выкрикнул ему прямо в ухо, – где деньги спрятал? Отвечать, живо?

Стечкин истерично забился в его руках и что-то замычал.

Старостин, закрыв дверь камеры на ключ и, увидев такой расклад, быстро ретировался в дежурную часть.

– Ладно! Я сейчас уберу руку, и ты чётко и внятно мне скажешь, где они? Ты понял? Если издашь хоть писк – в камеру!

Парень энергично быстро закивал головой в знак согласия.

– Раз, два, три! – Антон убрал руку.

– ВВВВ ст... ст... старом учебникекекеке, по мааааатематикекекеке, заза девятый класс.

– Хорошо!

– А учебник где?

– ВВВВ шкафuuuuuuuu!

У Павла начиналась истерика.

– Пошли! – Шелестов вывел его из дежурной части в коридор, и они подошли к закрытой двери кабинета.

– Так, быстро истерику прекратить, вытри сопли, и держись молодцом! Ты получил урок, я думаю надолго. И если когда-нибудь, я тебя увижу здесь по очередному заявлению, не будет уроков, а начнётся суровая жизнь. Носовой платок есть?

Павел достал чистый, аккуратно сложенный платок из нагрудного кармана рубашки, вытер слёзы, лицо, высморкался и также аккуратно положил его в карман брюк.

– Молодец! Готов?

– Да!

Антон вошёл в свой кабинет, ведя впереди себя парня, который дрожал мелкой дрожью.

– Присаживайся! – Антон указал ему на стул, где он сидел раньше.

Его мать тревожно посмотрела на сына, а потом на Шелестова.

– Не волнуйтесь, Нина Николаевна! Я показал «вживую», кто и как у нас содержаться в камере и Павел разволновался! Бывает с непривычки, знаете ли. Потом он вам всё расскажет, что увидел. Верно, Павел?

– Да.

– Теперь давайте заканчивать! Нина Николаевна, вы втроём сейчас идёте к вам домой, где Павел отдаст участковому двести рублей!

Мать Павла охнула и закрыла лицо руками.

– Алексей! – обратился он к участковому. – У них дома, возьмёшь у Павла чистосердечное признание и передашь его мне. Далее, заберёшь деньги и сходи, отдай их Чкаловым и возьми расписку, но только тем числом, каким написано заявление! Идея ясна? Нашли, мол, потерю!

Участковый согласно кивнул.

– Я думаю, что материал отработан, в общем, с остальным разберёшься, не мне тебя учить! На, забирай весь материал и вперёд. Всё, все свободны!

Отдав бумаги Уварову, и наклонившись к ещё сидящему напротив Павлу, Антон тихо спросил:

– А деньги то, для чего нужны были?

– Мне Маша Свиридова очень нравится. У неё день рождения после Нового Года, десятого февраля! Хотел подарок хороший подарить и в кафе с ней посидеть. Не думал ни о чём.

– Ясно! Всё, иди!

А мати Павла вдрог бухнула на колени у стола Шелестова і запричитала в голос.

– Горе то, какое! Оpozорил стервец, меняяая! Был бы жив Феденька мой, не было бы такого! Прости меня Господи, простите меня Антон Генрихович, не доглядела я, всё для Павлуши старалась, работала с утра до вечера, всё для него делала, чтобы учился, чтобы образован был. Как же теперь мне жиинить?

Не ожидавший таких эмоций, Антон вскочил и стал поднимать женщину, чтобы посадить на стул.

– Что здесь происходит? – в проёме открытой двери стояли Калинов, Меньшиков и Русиков, – крик по всему отделению!

– Провожу разъяснительную работу среди населения! – сходу выпалил Шелестов.

Не обращая внимание на вошедших, Стечкина схватила руку Антона двумя руками и попыталась поцеловать. – Спасибо, спасибо, храни вас Бог! Век не забуду!

Осторожно, но резко вырвав руку из рук женщины, Шелестов помог ей подняться с колен и с трудом усадил на стул, на котором только что сидел её сын.

– Шелестов!

– Я, Анатолий Иванович!

– Как только закончишь, тут, ммм, развлекаться, сразу к начальнику своему в кабинет!

– Есть!

Начальство, видимо, решило, что и без него Антон разберётся, убыло дальше по коридору в штаб, в ленинскую комнату.

– Нина Николаевна! Что – же вы меня так подводите, а?

– Вот, возьмите, пожалуйста! – неожиданно рядом оказался сержант Лагутин. Он протягивал ей стакан с водой.

– Спасибо, спасибо, извините меня! – она взяла его дрожавшей рукой и сделала пару глотков. – Всё, всё, я пошла!

Она встала со стула и сделала широкий крест перед лицом Антона и поклонилась.

– Храни вас Бог! – сказала она и вышла.

– Что за день сегодня? А? – Шелестов плюхнулся на диван.

– Ну, вы даёте, Антон Генрихович! – уважительно сказал сержант, так и оставшийся стоять со стаканом в руке. – Сразу раскололся?

– А куда он денется! Не наш он клиент, Александр, не наш. Молод и глуп. Ну, ничего, главное, чтобы пошло на пользу!

– Ладно! Я пойду! – Дмитрий ушёл в дежурную часть.

Шелестов подошёл к зеркалу, достал из куртки расчёску, привёл себя в порядок, взял со своего рабочего стола папку, затем, закрыв дверь кабинета, направился к Русикову.

– Владимир Николаевич! Разрешите войти?

– Давай Шелестов, заходи! Ты чего это начальство своё так пугаешь? Старушка у тебя в кабинете смотрела на тебя, как на икону!

– Она не старушка, просто выглядит так, годы, да сынок – мудозвон, довели. А так, я занимался профилактикой правонарушений среди населения, проживающего на вверенной мне территории.

– Да? Ну, если так дальше пойдут дела, мы останемся без работы! – хохотнул зампорозыску.

– Не останемся, Владимир Николаевич! Это единичный случай.

– В самом деле? Хорошо, Калинов сказал у тебя забрать протокол допроса вдовы.

– Да, я принёс.

– Давай сюда и рассказывай, что видел!

– Ничего, то есть никого! Дома была она одна.

- Ясно! А схему квартиры можешь нарисовать?
- Да, могу. Обычная квартира, четырёхкомнатная, с маленькой кухней. Я в таких бывал.
- Значит, она тебя ждала и всех отправила из квартиры.
- Конечно, я же звонил ей, договаривался!
- Понятно! А мы думали, что дружная семейка будет в сборе.
- А чтобы это дало?
- Не знаю, но Качан, наш важняк, хочет их заставить нервничать. Мы собираемся у них провести обыск, и тогда, когда они будут все в сборе.
- Как? – ахнул Шелестов, – они же семья дипломата, у них и паспорта, и иммунитет!
- Вот! Мы тоже так думали, а оказывается, ещё в октябре Антонио Гонгора через наш Московский городской суд расторг брак с Маргаритой. Так что теперь они всего лишь граждане с двойным гражданством, кроме Хуана и Мануэля, которые родились в Мексике.
- Ясно!
- Ну, хорошо, нарисуй мне план квартиры. Вот тебе бумага и карандаш. А вот тебе адрес театра им. Моссовета и имя, записываешь?
- Да, конечно!
- Дарницкая Вера Всеволодовна, актриса, номер телефона домой и в театр.
- Записал?
- Да!
- Узнай расписание её спектакля на завтра, и с утра, чтобы был у неё. Она последнее время часто с Антонио Гонгора время проводила. Ладно, не мне тебя учить! Выясни там всё, что она знает, возьми объяснение и назад. Приедешь – доложишь! Понял?
- Так точно!
- Вот – вот! А сейчас давай, рисуй, вундеркинд ты наш!

Дарницкая.

С утра, в воскресенье, в Москве установилась солнечная морозная погода.

Антон проснулся в начале одиннадцатого, солнечный луч давно и настойчиво светил в правый глаз. Отбросив одеяло, не вставая с постели, сделал пару разминочных упражнений для позвоночника и шеи. Затем рывком поднялся, надел любимый халат и домашние тапочки.

– Мааааам! – пропел Шелестов, выходя из своей комнаты в коридор.

Квартира была просто насыщена вкусными запахами жареной картошки, жареного мяса и свеженарезанных овощей.

– Антон, все готово, все на столе, иди завтракать! Мы с отцом через час уезжаем к моей сестре!

– Мама, ты как всегда! – Шелестов зашел в туалет, потом забрался в ванную, сделал себе контрастный душ, побрился, почистил зубы. Затем двадцать минут силовых упражнений с гирями и полчаса рукопашного боя с воображаемым противником. Потом снова душ, но теплый, и теперь можно идти завтракать. В общем, он повторил ежедневный ритуал, неукоснительно им соблюдаемый в течение многих лет. Это поддерживало спортивную форму, да и для здоровья, вообще! Кстати, Борька Гудков тоже был фанатом этого дела.

Антон зашел в большую комнату, где жили родители, сейчас они сидели в мягких креслах и смотрели телевизор.

– Привет Па, привет Ма! Давно не виделись!

– Привет, привет! Ты уже завтракал? Если нет, то сначала поешь, а потом поговорим!

Трудно спорить!

Быстро перекусив, Шелестов уселся за секретер и достал свою записную книжку. Сегодня он запланировал посещение актрисы, в рамках уголовного дела по убийству мексиканского

военного атташе, она значилась у него в списке под номером «4». Антон зябко поежился: у японцев это число означает смерть. Пододвинув к себе телефон, позвонил в театр и договорился о встрече. Затем, пролистав почти всю книжку, нашёл телефон Вовки Сидорова, своего однокашника, который работал в ОУР, в Кунцево, и попросил его «пробить»²⁵ человека, по старой дружбе.

Вера Всеволодовна Дарницкая, двадцати пяти лет от роду, не замужем, русская, проживает с родителями в отдельной трехкомнатной квартире в Кунцево, никаких проблем с законом не имела. Всю эту и другую второстепенную информацию он получил еще дома от Сидорова. Что значат связи, правда? Один звонок, и все!

Через час, Антон уже выходил из метро «Маяковская», а через десять минут уже предъявлял на входе театра им. Моссовета служебное удостоверение.

– Бог ты мой! Когда я был в театре последний раз? – с этими словами Антон без стука вошёл в гримёрную, куда его препроводила администратор театра, предварительно позвонив Дарницкой и предупредив о визите сотрудника милиции.

Она, молодая, начинающая актриса театра, была поразительно красива. Высокая, с осинной талией, длинными стройными ногами, прекрасно сочетавшимися с элегантными дорогими туфлями на высоком каблуке, и с ослепительной улыбкой.

Вера стояла у гримёрного столика, заложив руки за спину, и улыбалась.

– Как провинившаяся школьница! – подумал Шелестов и представился, – Антон Генрихович Шелестов, уголовный розыск!

– Вот как! Ну, хорошо, прошу вас, присаживайтесь! – лёгким движением руки девушка указала на стул, стоящий справа от столика, а сама села на стул перед ним лицом к Антону.

– Так в чём я провинилась перед нашими доблестными органами? – весело поинтересовалась Дарницкая, с откровенным интересом рассматривая Шелестова.

– Зачем так сразу! Провинилась! Я к вам по делу, Вера! – Антон посмотрел Дарницкой прямо в глаза. – Неделью назад был убит Антонио Гонгора, подданный Мексики. В его записной книжке значится ваш домашний телефон. Поскольку дело серьёзное, как вы понимаете, я хочу, чтобы вы мне рассказали о том, где и как вы с ним познакомились, о ваших отношениях, о его знакомых, если таковых вы знали.

По мере того, как Антон это всё говорил, глаза девушки наливались слезами. Она закрыла лицо ладонями, наклонила голову и застонала.

– Боже мой! Боже мой! Как же так! – Вера заплакала уже навзрыд, совершенно не стесняясь Шелестова.

– Так! Спокойно! – начал уговаривать Антон скорее себя, чем девушку.

Осмотревшись в гримерной, он заметил две полные бутылки минеральной воды «Боржоми», стоявших на подоконнике, на круглом металлическом подносе. Рядом были и два высоких красивых бокала.

Наполнив один из бокалов шипящей минералкой, Шелестов протянул его Дарницкой.

– Спасибо! – давась слезами, произнесла она, и судорожно сделала пару глотков.

Антон не спешил начинать с девушкой работу, сначала она должна была прийти в себя.

Актриса протянула стакан с остатками воды Шелестову, видимо не понимала, куда его надо поставить. Антон аккуратно взял его из её руки и поставил опять на поднос.

– Вера, я понимаю ваше состояние, но и вы должны понять, что без вашей помощи мне будет трудно справиться с этим делом. Вы же не хотите, чтобы убийца Антонио остался безнаказанным?

²⁵ «Пробить» (милиц. проф. слэнг) – получить или проверить конфиденциальную информацию о человеке, его прописку, семейное положение, место работы, наличии судимостей, связей и т. д.

– Нет, нет, что вы! Я сейчас, извините! – она встала и подошла к своей дамской сумочке, которая почему-то висела на крючке, на стене рядом со столиком. Достав платок, вытерла им слёзы и вернулась к Антону.

– Всё, я готова, спрашивайте! – она судорожно сжала мокрый платок в кулачке и изо всех своих девичьих сил старалась не впасть в истерику.

Шелестов это видел и понимал.

– Вера, давайте тогда с самого начала, где и как вы познакомились?

– Это было три года назад. Мы давали тогда «Царскую охоту», в которой я была занята во втором действии. Ещё во время спектакля я обратила внимание на высокого черноволосого мужчину, который сидел в первом ряду. Он был молод, хорош собою, в хорошем костюме, а его смуглый цвет лица я сначала приняла за загар. Я знала, что первые три ряда будут заняты сотрудниками МИД СССР, нас об этом предупреждали. Нас всегда предупреждают, когда на спектакле будут присутствовать иностранные гости, делегации или кто-то из важных руководителей Москвы.

– Понятно!

– И вот, когда спектакль закончился, он подошёл к сцене и бросил к моим ногам букет великолепных чайных роз, точнее не букет, а целую охапку, так будет правильнее. В общем-то, он поступил не правильно, потому что цветы предназначаются тем, кто солирует, то есть, кто на первых ролях. А остальным можно цветы прислать в гримёрную, указав имя актёра на визитке или просто написав записку. Так принято во всём мире. Но этот, видимо, решил так, как он хотел. Меня это впечатлило. А потом, он меня просто дождался, когда я переоденусь и выйду на улицу. Подошёл ко мне, улыбнулся и сказал, хотите, мол, я вас подвезу, красивая леди, мне всё равно по пути. Мужчина в самом расцвете сил, на «Мерседесе», приятный в общении, правда, несколько горячий, как кавказцы. А я тогда была вся в растрёпанных чувствах, потому как месяц назад рассталась со своим молодым человеком и очень переживала, а тут появился Антонио. Как в сказке! Иноземный принц на тёмно – зелёном «Мерседесе». В общем – я растаяла. Мы встречались обычно раза три – четыре в месяц, иногда чаще, иногда реже. Я знала, что у него есть семья, что он военный атташе Мексики, он этого не скрывал никогда, а мне было всё равно. Мне с ним было хорошо. Он был хороший человек! Он был нужным для меня и влиятельным для окружающих его друзей! А друзей у него было много. Иногда мы бывали с ним в разных компаниях, и он всегда меня знакомил со всеми. И ещё, он не был жадным до денег, а у него их было много. Почти всё, что сейчас есть у меня из моих вещей, одежда, обувь, косметика – всё его подарки. Он не спрашивал меня, нужно мне это или нет, он просто шёл, покупал и дарил мне, сколько бы эта вещь не стоила. Если понравившейся вещи не было в Москве, как вот это золотое кольцо с изумрудом, – она протянула левую руку, на среднем пальце которой красовалось необычной формы кольцо с большим огранённым изумрудом в центре, – ему её привозили из – за границы, или он привозил сам, когда туда летал по своим делам. Человек, который решал мои проблемы, быстро и эффективно. Вот таким был Антонио.

– Так, ясно! – Антон аккуратно дописал в объяснении последнее слово и поставил точку.

– Вера, а скажите мне, он часом вас не знакомил с кем – либо из членов своей семьи? С детьми, например! – задал провокационный вопрос Шелестов.

– Извините, можно я закурю, я очень нервничаю! – она поднялась и подошла к своей сумочке снова, взяла сигареты и вернулась к Антону.

Открыв пачку «Мальборо», аккуратно двумя пальцами, точнее, ухоженными ногтями двух пальцев, достала сигарету, вставила её себе в губы, и – «щёлк», – изящная серебряная зажигалка выдала узкое голубое пламя и девушка затянувшись, закрыла глаза. – «Щёлк», язычок огня исчез, и она положила зажигалку с пачкой сигарет на гримёрный столик.

– Оп – па! А это уже интересно! – Шелестову уже стала нравиться эта актриса.

Подождав, пока Вера насладится первыми затяжками хорошей сигареты, он осторожно продолжил тему.

– Итак, Вера, что там с сыном Гонгора? – он невинно задал вопрос.

– В августе этого года, было жарко, и меня Антонио пригласил покататься на своей яхте под названием «Афина» на Клязьме, покупаться, попить хорошего вина, он обещал его взять с собой. Он там является членом клуба, там стоит его яхта, там за ней ухаживают, в общем – это дело стоит кучу денег. Яхт – клуб называется «Капитан Немо» и принадлежит ДОСААФ, там ещё сборная СССР тренируется и держит свои парусные яхты. Так, вот! Когда мы приехали в клуб, то у причала нас встретил его сын, его звали Марио, но он просил называть его Анатолием, и с ним была девушка по имени Даша, Дарья. Мы познакомились, они оказались очень интересными собеседниками. Мы пошли на остров на яхте, там разожгли костёр, делали шашлык, пили вино, купались, стреляли из ракетницы. До самого вечера классно проводили время, пока Антонио с сыном не затеял какой-то спор. Разговор шёл на не знакомом мне языке, вероятно, на их родном, на испанском. Только начало вечереть, они пошли вдоль берега, постоянно разговаривая на повышенных тонах, пока не зашли за небольшую горку. Даша сразу ушла в кают – компанию, а я, посидев немного у костра, решила пойти помирить их. Я просто поднялась на берег и увидела, что они стоят вплотную друг напротив друга и машут руками, как ветряные мельницы. Потом, вдруг, Антонио наотмашь, бьёт правой рукой по лицу Марио. Тот отшатнулся, но не упал, и тут же, как-то подпрыгнул на месте, развернулся в воздухе вокруг своей оси, и врезал Антонио ногой в голову! Он аж отлетел метров на пять. Я такого никогда не видела, испугалась, и быстро вернулась к костру. Они вернулись по отдельности, сначала Марио, а минут через десять и Антонио. У него на лице был большой кровоподтёк, а левая бровь сильно рассечена. Мне пришлось ему промыть рану и наложить ему повязку на голову. Но он смеялся, сказал, что упал с обрыва, и нет никаких проблем. Больше с сыном он не разговаривал, и мы скоро вернулись в яхт – клуб. Там он сдал яхту, и в травмпункте ему сделали перевязку. Я думала, что надо будет даже бровь зашивать, но всё обошлось.

– Понятно! Бывает! А скажите, Вера, только честно, вы говорили с ним о возможном вашем будущем? Ваших совместных планах?

– Я поняла, поняла! Да, говорили. Он хотел, чтобы я родила ему дочь! А я хотела за, это естественно. Мне уже 25 лет, мне нужна семья. Как только я заводила разговор на эту тему, он сразу менялся в лице и тащил меня в «Берёзку» за шмотками. Так что, особо я не рассчитывала, что у меня с ним что-то получится серьёзное, а теперь и его не стало. Теперь я опять одна.

Она наклонила вниз голову и, уже не стесняясь Антона, заплакала навзрыд, закрыв лицо ладонями.

Анна.

Когда Шелестов, прижимая локтём заветную папочку, вошёл в отделение, часы у него на руке показывали ровно шесть вечера. Проходя по коридору к себе, заглянул в дежурку.

– Привет, Кирилл!

– Привет, Антон! Зайди к Алевтине, она тебе целую кучу бумаг заготовила!

– Хорошо, зайду, будет время!

Капитан Кирилл Мазурин, ныне дежурный 96 о/м отделения милиции, ранее долго работал опером 114 отделения Октябрьского района, но во время одного из задержаний группы ночных грабителей, получил удар ножом. Группа была обезврежена, её участники получили достаточно большие сроки, Кириллу дали медаль и перевели в дежурные. Поэтому, среди оперов он пользовался большим уважением, и всячески старался помочь ребятам, так как кухню уголовного розыска знал «от и до».

Торопиться было некуда, поэтому Шелестов медленно разделся, причёснулся перед зеркалом, и уселся за свой стол. Достал из папки объяснение, полученное от Веры Дарницкой и начал его заново перечитывать, фиксируя при этом, в своём специальном блокноте основные факты, которые, как ему казалось, требуют тщательной проверки и пристального внимания.

В закрытую дверь кабинета осторожно поскреблись. Такая привычка заявлять о своём приходе была только у Бориса Акимовича Шур, майора милиции, старшего опера по делам несовершеннолетних 96 отделения милиции. В отделении он работал всего лишь на три года меньше «Деда». Решением Русикова, он занимался проверкой выполнения сыщиками оперативных планов и т. д.

– Да, заходи, заходи!

В приоткрытую дверь просунулась его лохматая голова. Он внимательно осмотрел кабинет Антона и, вытянув вперёд указательный палец, погрозил им Шелестову.

– Не забудь! С тебя график встреч с агентурой на январь Нового 1986 года! Чувешь?

– Чую, чую! Спасибо, что напомнил!

– Да, всегда! Обращайся! – и также внезапно исчез. Даже шагов не было слышно.

– Тихушник! – беззлобно подумал о нём Антон, и снова углубился в чтение объяснения.

Бац! Дверь с треском распахнулась, и на пороге возник Александр Маркин, держа в руках здоровенную пачку служебных бумаг.

– Для тебя Алевтина тоже передала. Ничего не поделаешь, начальник сказал передать Шелестову для исполнения, так что извини, братишка, забирай свою долю макулатуры!

Антон вскочил с места и помог коллеге всё это разгрузить на столы, а затем разложить, кому и что было подписано Гераськиным. Пачки оказались почти равными.

– Здорово! – протянул руку для пожатия Антон.

– Привет, давно не виделись! – с улыбкой ответил на рукопожатие Александр.

– И не говори! Всё этот Гонгора виноват, мать его, не могли его тихонько грохнуть у себя на родине!

– А ты давно здесь? – спросил Марков, причёсываясь у зеркала.

– Да, минут двадцать, как приехал!

– Ага! Значит, ты ничего не знаешь? – он закончил делать пробор на голове, и повернулся к Шелестову. Продул расчёску, и аккуратно положил её в нагрудный карман пиджака. Марков как всегда выглядел шикарно: чёрный костюм, белая рубашка, галстук в полоску, отутюженные брюки, начищенные ботинки, в этом был весь Александр.

– А что я должен знать? – напрягся Антон, который опять начал читать объяснение Дарницкой.

– Задержали убийцу Гонгора, ещё днём. Оказывается, вдова его заказала, представляешь?

– А кто он?

– Массажист гостиницы ЦДТ «Туриста».

– Да, ну!

– Вот так – то!

– Чёрт, а я думал, что это результат внутрисемейных разборок из – за денег. И у меня даже план раскрытия вырисовывался. А может, это ошибка?

– Не знаю, завтра будем знать точно.

– Так, ладно! – Шелестов на секунду задумался, смотря, как Марков не спеша усаживается за свой стол, потом открыл свой сейф, забросил в его чрево, не глядя, все документы со стола и закрыл его на ключ. Затем пододвинул к себе городской телефон, и по памяти набрал номер.

– Алло! Привет Энн! Как дела, красавица? – Антон говорил по – английски.

– О, Антон, полицейский, я вас узнала! Слушаю внимательно!

– Энн, надо поговорить!

– Конечно, подъезжайте, я буду ждать!

Положив телефонную трубку на аппарат, Антон подмигнул Маркову.

– Саш! Я – на территории, если спросят, ладно?

– Давай, давай, Казанова! – Марков дружески улыбнулся, и уткнулся в свои бумаги, которые только что принёс.

Шелестов оделся, и выскочил из кабинета.

...Троллейбус остановился аккурат напротив дипкорпуса. Антон вышел из него и посмотрел на ярко освещенные окна квартиры Анны Шольц.

– Ждёт! – удовлетворенно подумал Шелестов, и поспешил через дорогу к заветной цели.

Приветственно махнув рукой, показавшейся в окошке физиономии лейтенанта Валерия Сахарова, дежурного ООДП, Антон проскользнул через КПП²⁶, прошел через двор, и уже через минуту входил в подъезд дома.

Перескакивая через две ступеньки, буквально злетев на второй этаж, Шелестов остановился около знакомой двери, и нажал на кнопку звонка. За дверью послышались легкие шаги.

– Кто – там? – спросил по-английски знакомый голос.

– Полиция! – ответил также Антон.

Звякнула снимаемая цепочка, распахнулась дверь, и улыбающаяся Анна Шольц сделала приглашающий жест внутрь квартиры.

– Здравствуйте, господин полицейский! Я сразу узнала ваш голос!

– Здравствуйте, Анна! Я рад.

Закрыв входную дверь, девушка подождала, пока Шелестов разденется, и затем пригласила его в гостиную.

– Господин полицейский, что будете, чай или кофе?

– Анна! Прошу вас, называйте меня Антоном! Так проще, да и мне будет приятно!

– Хорошо, Антон! Так, чай, кофе или виски?

– Чай! – сказал Шелестов, и переступил порог гостиной. – Ух, ты!

Антон уже бывал в квартирах обеспеченных москвичей, то бишь, номенклатуры, да и одна обстановка квартиры Гонгора чего стоила. Здесь было то же самое. Гостиная была около тридцати метров, огромный телевизор, видеомаягнитофон, проигрыватель, мебель в стиле ампира, толстый пушистый ковер на полу и другие дорогие и не очень предметы и вещи. Все очень качественно и со вкусом. Запах гниющего капитализма, так сказать.

Из гостиной одна дверь вела в спальню, дверь была приоткрыта, а вторая была закрыта. В общем, квартира была большая и упакована под завязку.

Антон упал в объятия большого мягкого дивана, и вытянул ноги. Напротив него стоял массивный журнальный столик из мореного дуба, а за ним, у стены стоял небольшой мягкий диванчик, с парой плюшевых подушек-думок. На столике и вокруг диванчика лежали стопки газет разных стран, рядом на полу стоял телефон.

– Это ее любимое место! – влет определил Шелестов, и в этот момент в гостиную вошла Анна, которая катила перед собой сервировочный столик на колесиках, сплошь уставленный разными деликатесами. В середине стояли две чашки с чаем.

– Антон! Вы уже освоились? Не обращайте внимания на беспорядок, я никого не ждала! – журналистка ловко расставила тарелочки с легкой закуской на журнальном столике, и аккуратно поставила чашечку с чаем перед Антоном. Затем взяла свой чай и, подойдя к небольшому диванчику, забралась на него с ногами.

²⁶ КПП – Контрольно – пропускной пункт.

– Антон! Чем я могу вам помочь? – спросила она, удобно устроившись на своем любимом месте.

– Вот, что! Анна. Мне очень нужна ваша помощь.

– Хорошо! Давайте попробуем обсудить проблему?

– Вот именно, проблема.

– Я слушаю.

– Про убийство Антонио Гонгора, военного атташе Мексики, знаете?

– Да, знаю!

– Я один из тех, кто занимается этим делом.

– Допустим! – на её красивом лице не дрогнул ни один мускул. Ни руки, ни положение тела, ничего не указывало на то, что она заинтересована. Она спокойно сделала маленький глоток, из чашки и поставила её на край столика.

– Я могу...

Какая-то неясная тревога не дала Антону договорить. Он вдруг чисто интуитивно почувствовал опасность. Перед глазами, как бы пронёсся фильм, некоторые кадры которого появились в замедленном темпе. В этом дипкорпусе, до его приезда в квартиру убитого военного атташе, тогда побывали спецы из «конторы». Один был с таким чёрным тонким дипломатом. Он их видел, когда они выходили из квартиры. Точнее, им дали выйти, а Шелестова не пустил в квартиру сотрудник КГБ. Что там они делали? Ответ напрашивался сам собой! Это были технари! Не надо быть специалистом, чтобы понять.

– Чёрт! – вслух выругался Антон. Он забыл о правилах безопасности, и только инстинкт самосохранения вернул его на землю. Квартира Анны на техническом контроле! Ну, просто обязана быть на контроле! В Высшей школе милиции таким премудростям, как закладка прослушивающих устройств, слушателей не обучали. Зато этому делу старательно пытался обучить Шелестова и Борьку Гудкова мичман Осейчук на военно-морской базе Балтийского флота в городе Балтийске, что под Калининградом. Уроки не прошли даром.

...Антон не долго искал эту плоскую пластмассовую коробочку, надёжно прикреплённую снизу ко дну массивного дубового журнального столика, стоящего у дивана, на котором любила сидеть и болтать по делу, и без дела, журналистка CNN Анна Шольц.

– Чёрт! – второй раз чертыхнулся Шелестов, вернув перевёрнутый тяжёлый столик в исходное положение, не касаясь закладки.

– Как минимум, завтра, со мною будет попытка проведения воспитательной беседы! Вопрос, кто её будет проводить? – быстро пронеслась в голове Антона недобрая мысль.

Авантюрный план созрел мгновенно.

Всё это время Анна сидела на диване и спокойно смотрела за действиями Антона. Ни тревоги, ни глупых вопросов.

– Умная девочка! У неё дома, в Америке, небось, дела покруче со всякими там шпионскими штучками проворачивают! – мысленно предположил Антон.

– А знаете, Анна! Хотите сделать небольшой репортаж о работе московской милиции? Я попробую договориться со своим руководством!

Шольц моментально среагировала на перемену в настроении Шелестова. Казалось, она сразу всё поняла.

– Конечно, хочу!

– О'кей! Тогда завтра подъезжайте к моему отделению милиции к 10 часам утра. Хорошо? Я сейчас Вам запишу адрес и номер моего служебного телефона! Дайте, пожалуйста, ручку и лист бумаги.

Антон удобно расположился за рабочим столом Анны, на котором царил полнейший беспорядок.

Шольц достала из дипломата, стоявшего у стола, шариковую ручку и толстый еженедельник в кожаном переплёте, открыла его, пролиستала несколько страниц, и положила перед Шелестовым.

Вот! Запишите здесь, чтобы я не потеряла! – Анна стояла перед сидящим Антоном и выжидательно смотрела ему в глаза.

– Мне уже становится страшно! Ай да умница! «Птица говорун отличается умом и сообразительностью» – Шелестов вспомнил популярный мультфильм «Тайна третьей планеты»²⁷, и уже с интересом посмотрел на журналистку.

На левой чистой стороне еженедельника Антон написал адрес своего отделения, конечно же, по-английски, и свои рабочий и домашний номера телефонов. Затем внимательно посмотрел на Анну и на левой стороне добавил: «Анна! Жду Вас сегодня ровно в 20.00 в центре зала метро „Маяковская“. Там поговорим!».

– Готово! Можете посмотреть, я всё написал! Мы договорились? – Шелестов развернул еженедельник так, чтобы Шольц прочитала.

– Да! Я поняла! Я буду!

– Тогда, разрешите откланяться, у меня ещё дела! – Антон встал из-за стола и вышел в коридор.

Шелестов знал, что до станции метро «Маяковская» он доберётся относительно быстро, и там будет раньше 20.00. Ему просто нужно было время подумать. Ситуация складывалась хреновая. То, что завтра у него начнутся проблемы, он не сомневался. Но был и плюс, который Шелестов хотел использовать по полной программе. Информация, которую сообщил ему Александр Марков, была, с одной стороны положительной: убийца Антонио Гонгора взят, дальше уже дело за прокуратурой. Завтра все вернуться к своим обязанностям, так как гонка закончилась. С другой стороны, Шелестов не верил, что это совершил какой-то там массажист из гостиницы. Вопрос – как он прошёл в дипкорпус? И всё! Ответа не было. Антон излазил подходы к зданию вдоль и поперёк. Резюме: в квартиру атташе незамеченным можно было попасть только на воздушном шаре или вертолёте, потому что пройти мимо сотрудника ООДП в единственный подъезд не возможно. Перелезть через ограду из сетки тоже не реально: ни пятиметровая высота сетки – рабицы, ни расстояние до будки ООДП, представляющее собой чистое пространство, к тому же покрытое белым снегом, ни наличие мощных прожекторов по углам периметра, не давали никаких шансов. Сергея Бабинцева, младшего лейтенанта милиции, который дежурил в те сутки, волкодавы из КГБ и Качанов отработали по – полной. Подняли все его связи, аж со школы, включая жену. После двух дней интенсивных допросов, Бабинцев вернулся к себе в ООДП, написал заявление на увольнение, швырнул его на стол начальника и конкретно запил. Но и Качан, тоже, можно было понять, потому что версия о возможном сговоре или подкупе Сергея с убийцей должна была занимать одно из первых позиций. Порядок есть порядок.

Шелестов не спеша вышел из метро на улицу, осмотрелся, лениво дошёл до киоска «Цветы». Перед ним была не большая очередь из пяти мужчин, желающих расстаться с небольшой суммой рублей, для покупки пучка растений, который будет выброшен через пару дней в помойное ведро. Мысль оказалась занимательной, и стал всматриваться в лица прохожих, скользнул взором на площадь перед памятником Маяковскому, на яркую вывеску ресторана «София» на противоположной стороне. Везде было полно народа, особенно много было студенческой молодёжи, собирающейся в небольшие стайки то здесь, то там, и громко обсуждаю-

²⁷ «Тайна третьей планеты» – советский полнометражный научно-фантастический мультфильм Романа Качанова, экранизация повести Кира Булычёва «Путешествие Алисы» («Алиса и три капитана») из цикла «Приключения Алисы». 1981 год.

ших свои проблемы, либо терпеливо ждущих кого-то. Вариантов было много. Особенно выделялись приезжие, легко отличимые по одежде, речи и количеству узлов тащимых на себе.

Предновогодняя праздничная Москва! Да даже и без слов «праздничная» и «предновогодняя» это слово заставляло гордиться тем, что Антон родился и вырос здесь.

Огромный город, город надежд и чаяний, город по сути своей похожий на самодостаточный организм, живущий по своим законам. И ничего, что идеи социализма и коммунизма в виде плакатов и транспарантов заняли все свободные места на стенах домов, и в виде растяжек между домами, откровенно показывая всю свою несусветную дурь, глупость и пошлость. «Да здравствует великий советский народ – вечный строитель коммунизма!», «Спасибо Родине за наше счастливое детство!», «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи», и что «Партия – наш рулевой!», а «Народ и партия – едины!». Вот как! Но все понимали, что это лишь мишура, картонная дурилка с серпом и молотом, навязанная великой стране и её столице кремлёвскими пенсионерами, впавшими в политический маразм...

Конечно, Москва – столица великого и по размерам, и по своей истории государства, тянула к себе людей из других городов, деревень и сёл, особенно молодёжь, давая надежду, кому на поступление в ВУЗ, кому – найти хорошую работу, кому-то на то, чтобы устроить свою личную жизнь. Каждый из таких приезжих, мужчин и женщин, юношей и девушек, верили в себя, свои силы. Москва была большая, она манила, волновала и пугала, она таила сокровища и скрывала страшные тайны, но проникнуть в глубины, и приблизиться к разгадкам, можно было только переехать сюда и начать жить, возможна даже снова.

И многие считали, что в этом Новом 1985 году их проблемы будут решены, либо с Дедом Морозом, либо ими самими, но без него. И, надо сказать, что некоторые были абсолютно правы. Но, только некоторые. Подавляющее же большинство оказались просто не приспособленными к тому темпу жизни и той жестокости в борьбе за место под солнцем, так сказать. Одним словом – Москва жестокий город.

А так, было весело наблюдать, как в очередной подъехавший троллейбус, практически не давая выйти пассажирам, начала ломиться толпа тех, кто ждал транспорт на остановке. В запотевших окнах виднелись унылые и усталые лица счастливиц, которые смогли войти ранее, хотя и были спрессованы внутри капитально. Вообще, скрюченные внутри пассажиры более всего напоминали шедевр отечественной кулинарии: консервы «Кильки в томатном соусе», прозванные москвичами «братская могила». И как насмешка, наклейка на одном из стёкол гласила: «Граждане, автобус резиновый – места всем хватит».

Огромные кучи снега на обочине не давали возможности людям быстро сориентироваться, и быстро возникла большая давка.

Метрах в двадцати от Антона внезапно появились ещё два персонажа: невысокого роста, но коренастый дедок, лет семидесяти, одетый в солдатский овчинный полушубок, времён войны, подпоясанный солдатским кожаным ремнём, таща за собой тележку на колёсиках, в которых обычно пенсионеры таскают продукты с рынков или магазинов, и хромая горбатая бабуса с двумя пакетами мандаринов. Парочка внимательно смотрела, как штурмуется подошедший троллейбус – гармошка стает будущих возможных пассажиров. Наконец, дед мотнул седой бородой в сторону троллейбуса, типа «На штурм!» и сладкая престарелая парочка начала набирать скорость. Впереди мчался дед, выставив левое мосластое плечо, как таран, в правой руке деда была тележка, летящая вслед за стариком, уже не касаясь колёсами утрамбованного снега. За ним быстро – быстро хромала горбатая бабуса.

Дед подлетел к толпе как раз в тот самый момент, когда дверь – гармошка троллейбуса, злобно зашипев, стала закрываться прямо перед ними.

– А, ну, пустиии! – утробно заорал подлетевший пенсионер и, воздев над головой тележку с мешком, вломился в дверной проём. Его вопль был похож на призывный крик доминирующего бабуина. Нескольких, молодых людей, уже стоявших на нижней площадке, он легко снёс как шар кегли. Упавшая на снег чья-то початая бутылка портвейна «Крымский» принялась лениво окрашивать содержимым всё вокруг себя в красновато – жёлтые тона.

– Ах, ты гад! – крикнул один из парней и, ухватив уже прорвавшегося в салон опасного деда за большой воротник полушубка, потащил его наружу, – А ну, вон отсюда, падла! Щас, бородёнку вырву!

Подоспели остальные парни из этой компании, тут же устроив у двери свалку.

– Я ветеран! Я рейхстаг брал! – яростно отбиваясь от молодёжи орал дед, которого словно таракана, пытались выволочь из троллейбуса.

– Мы все тут ветераны! – вторила ему толпа, – мы тоже Зимний брали!

Но не так прост был фронтовик. Он повидал многое на своём длинном веку.

Держа одной рукой тележку, а другой он отчаянно отбивался от толпы острым старческим локтем. Потом он принялся лягаться артритными ногами, одетыми в большие валенки с колошами. Но кто-то вдруг схватил деда за бороду, хорошенько тряхнул, ветеран охнул и, через мгновение, уже был выкинут из тронувшегося, было троллейбуса на снег, где, сидя на снегу, его ждала верная боевая подруга, вокруг рассыпанных яркими оранжевыми мячиками мандаринов.

Конечно, можно было бы досмотреть столь живое увлекательное зрелище, иногда с пикантными подробностями, которыми так насыщена московская жизнь, но подошла очередь Антона. Через минуту, выбрав большой букет из пятнадцати пахучих алых роз на высоких, шипастых стеблях, и обвязанных блестящими ленточками, зажав купленный букет под мышкой, он вернулся к выходу из метро. Идей больше не было. Правда, букет слегка выглядел вызывающим, но Шелестов шел на свиданье, а не на похороны. Уже хорошо, прости Господи!

Букет был тяжел – крупные бутоны медленно раскачивались на ходу, и сладкий аромат дразнил обоняние. Антон не стал эту красоту закатывать в обёрточную бумагу.

Он нес этот букет на встречу с такой же красотой с достоинством и даже торжественно. Шелестов пытался отстраниться от бутонов, не желая вдыхать их пьянящий аромат полной грудью, не хотел забирать из цветов наполнявшую их жизнь, до того, как он вручит эту красоту Анне.

Женская природа! Сколько сказано и написано, не счесть! Антон твердо был уверен, что разобраться в этом феномене нет никакой возможности. Как можно разобраться в полном бардаке? Да и надо ли? А вот против букета этих дивных роз бардак ничего иметь не будет! Вот так то!

Ровно в назначенное время из метро на улицу вышла Анна.

Она выглядела вызывающе: роскошные пепельные волосы до плеч, чуть зачёсанные набок, аккуратный макияж и убийственно – модная песцовая шуба пепельного цвета до пят. Такого же цвета дамская сумочка на сгибе локтя. Головного убора нет, шуба расстёгнута, чёрные сапоги на высоком каблуке, в них заправлены брюки серого цвета, аналогичного цвета жакет, улыбка до ушей и, самую чуть – чуть, наглые глаза. В нагрузку. До кучи. Чтобы мёдом не казались!

Шелестов разом выдохнул, чисто деловая встреча обещала перейти в лёгкое недоразумение, имелась в виду встреча двух возможных любовников.

– Это тебе! – он протянул роскошный букет алых роз.

– Спасибо! Мои любимые. Куда теперь?

– Идём через дорогу в во-о-он тот рестораник! – Антон ткнул пальцем в ярко горевшую вывеску «Софии» на противоположной стороне.

– Хорошо, пошли.

Через несколько минут они уже стояли возле высоких застекленных дверей, которые тут же предупредительно распахнул перед ними швейцар, и это, не смотря на то, что с внутренней стороны ресторана висела понятная каждому москвичу вывеска «МЕСТ НЕТ».

Раздевшись в гардеробе, Шелестов предусмотрительно забрал номерок из рук Анны и положил себе в карман.

Они прошли в просторный зал, практически весь занятый посетителями и остановились в поиске свободного столика. Мгновенно появившийся метрдотель широким жестом пригласил следовать за ним, и направился в самый дальний угол ресторана, где стоял уже сервированный столик на двоих с двумя горевшими свечами. Обстановка была уютная, располагающая к неспешным, обстоятельным беседам. Остальные столики, с небольшими букетиками живых цветов, располагались как в центре зала, так и возле окон. Стены были украшены разными по размерам и жанрам полотнами современных художников. Не громко, как будто издалека, звучала приятная музыка.

Антон, пододвинув стул, помог девушке присесть, а потом уже устроился сам. Уже за столом, Шелестов подумал о том, что впервые, по настоящему, имеет возможность, не торопясь, рассмотреть журналистку как следует.

Женщины всех возрастов любят, когда их рассматривают, но, не обращают внимание, а именно – рассматривают. Они это даже провоцируют, одеваясь в яркие одежды, либо раздеваясь, почти совсем, если молодые, и если есть что показать.

На правой руке Анны было небольшое золотое колечко необычной формы, в виде змейки, с бриллиантом, скажем так, не самым маленьким, такие же серьги и кулон на цепочке, удобно лежащим в аппетитной ложбинке, сами знаете какой. На левой руке – золотые часики квадратной формы.

Анна смотрела на Антона сияющими глазами и улыбалась.

В ожидании официанта он собрался было развлечь спутницу заранее припасенными весёлыми историями, но тут подошёл официант и положил перед ними карты меню.

– Оперативно! – Шелестов взглянул на официанта, молодого парня, с одобрением.

Раскрыв достаточно увесистое меню, Антон углубился в его чтение, незаметно наблюдая, как девушка также внимательно рассматривает его содержимое.

– Удивительно, какой выбор: и жареный угорь, и форель, и устрицы, и тигровые креветки с банановым соусом... Здорово! – она подняла глаза и весело посмотрела на Шелестова.

– Вот и славненько. Что закажем? – Антон приготовился переводить.

– Хочу карпаччо из форели с имбирем, оно мне очень нравится, потому что нежное, чашечку кофе и шоколадное пирожное.

Шелестов перевёл и проследил, чтобы официант записал.

– А шампанское?

– Я думала, ты сам закажешь.

– Хорошо! Бутылочку шампанского. Какое порекомендуете?

– Если ваша дама любит шампанское, тогда смею предложить «Martini Asti» – доверительно сообщил официант.

– Антон перевёл.

– Годится, – согласилась девушка.

– А вам?

– А мне стейк с кровью, на гарнир картофельное пюре, салат с сыром, пару бутылок «Нарзана», хлеб, ну, и что там ещё полагается. Так, а теперь выпивка. Так, мне триста граммов водки, «Сибирской». Я русский, знаете ли. И высокую вазу с водой для букета не забудьте!

Официант поклонился и ушёл, а Шелестов с улыбкой посмотрел на Анну.

– Что ты себе заказал?

– Закуску и водку, потому что я русский!

– Ну и что! А я американка! – она чуть надменно стрельнула в него большими зелёными глазами и расправила плечики, – И сижу в русском ресторане и ем русскую еду. Мог бы заказать себе настоящие американские виски, они есть в меню.

– Ты тоже патриотка своей страны? Молодец! Будем спорить, чья страна лучше?

Определенно, она нравилась ему все больше и больше! И эти глаза! В них переливалось всеми цветами радуги целое море. Утонуть можно было запросто.

– Нет, конечно! – Анна рассмеялась.

– Отлично! Заказ уже сделан, поэтому давай расслабляться и получать удовольствие.

Идет?

– Хорошо!

– А пока, я хотел бы вернуться к нашему разговору утром. Я всё обдумал. Поговорим?

– Давай!

– Я могу тебе полностью рассказать об этом деле: как идёт следствие, кто и чем занимается из правоохранительных органов, кто под подозрением, могу даже копии документов тебе принести, например, акт вскрытия тела Гонгора.

– Зачем тебе всё это надо мне предлагать! – лицо журналистка стало серьёзным. – И что взамен я должна для тебя сделать? Я всё правильно поняла? Я тебя вижу второй раз в жизни, я ничего о тебе не знаю! Верно?

– Да, это так? А как же дух авантюризма, который так присущ западным журналистам? А?

– Это конечно! Антон, но я уже всё знаю по поводу атташе. Я уже была и в прокуратуре Москвы и в вашем Министерстве внутренних дел. Я была в посольстве Мексики, я лично знаю посла и его команду. Мексика – это сосед моей страны, поэтому 25% населения США говорят на испанском языке.

– Вот, как?

– А ты как хотел? Я же журналист, и хочу быть настоящим репортёром к тому же! – с этими слова она заразительно засмеялась.

– Чёрт! Вот как надо работать!

– Точно! Бери пример с меня, я разрешаю! Но сначала я хотела бы услышать, кто вы, мистер Антон?

– Шелестов. Но моя фамилия вам ничего не скажет. О, вот твоё шампанское!

Пододошедший к их столику официант мастерски откупорил бутылку, и в бокал девушки полилось пенное вино изумительного кремового цвета.

– Это как цвет лучей заходящего солнца на Карибах! Я была там целых два месяца, а ещё я пила «Martini Asti» в Париже, когда слушала курс лекций по праву в Сорбонне перед переездом сюда! Когда такое вино попадает тебе внутрь, такое впечатление, что тебя обнимают изнутри. Ой! Я имела в виду, не на лекциях, а в маленьком уютном кафе на Елисейских полях.

Девушка заразительно засмеялась.

– Вот и прекрасно! Будет что подружкам рассказать, когда вернёшься домой, как с советским полицейским сидели в ресторане.

Анна пригубила вино и кивнула со знанием дела. Бокал был наполнен, как положено, на две трети.

Тут же появились закуски, графин с водкой, минеральная вода и ваза для букета.

– Ну, так что будем делать? Продолжим разговор или отпразднуем нашу встречу?

- Будем праздновать, дела – потом! – заявила девушка.
- Как скажете, сеньорита!

Они выпили, начали закусывать, ибо оба были голодны, потом ещё раз выпили, закусили. Кухня ресторана «София» была превосходной. Постепенно от выпитого они расслабились, и вот уже он рассказывал ей какие-то истории, а она смеялась, запрокинув голову, матово поблескивали два ряда великолепных зубов. Около девяти вечера заиграл цыганский ансамбль: две девушки – скрипачки и пожилой седой цыган. Они играли «Чардаш»²⁸. Боже мой, как играл старый цыган! Когда стихли последние аккорды традиционного венгерского народного танца, замерший на время ресторан, буквально взорвался овациями. Потом троица скрипачей заиграла какую-то новую, медленную мелодию, что не помешало Антону пригласить девушку на танец. Он обнял ее за талию, а она уткнулась лицом в его плечо, он вдыхал аромат её незнакомых, легких духов, а она ласково провела своей ладошкой по его щеке, чувствуя щетину, и весело улыбнулась. Он склонил к ней голову, и на мгновение их лица соприкаснулись. Чувствуя на своей щеке бархатистость ее теплой, молодой кожи, Шелестов захотел, чтобы эта секунда длилась бесконечно. Но, печальная мелодия закончилась, и им пришлось вернуться к своему столику, держась за руки как дети.

Когда официант принес ещё вновь заказанное горячее, молодые люди молчали, каждый из них переживал только что полученные новые ощущения от танца, и друг от друга. Затем, они молча, взялись за трапезу.

– Антон, ты женат? – спросила она и вдруг замерла, держа на вилке маслину, не поднимая глаз.

- Нет, я один, и живу с родителями! А что?
- Просто хотела узнать: ты занят или нет!

– Знаешь, когда ты занят серьёзным делом, то, как правило, остаётся мало свободного времени на всё, что не связано с твоей работой. Но, сегодня я свободен! Для тебя. Поехали ко мне, Анна? Увидишь, как живут советские полицейские! Хочешь посмотреть?

Она прямо посмотрела в его глаза и опустила голову.

– Анна! У меня завтра выходной и мы можем провести весь день вместе!

– Тогда давай выпьем за нас, а потом, может быть, и поедем к тебе! – она немного подумала и, тряхнув своими прекрасными пепельными волосами, продолжила с вызовом, – Да, действительно, я хочу посмотреть, как живут советские полицейские!

Через десять минут после этого тоста, когда от криков сидевшей недалеко компании, музыки, шампанского и водки у них уже кружилась голова, они решили выйти на улицу и подышать свежим воздухом, решение пришло тут же. Они быстро вернулись, где у их столика стоял официант и менял столовые приборы.

- Сколько с меня? – весело глядя на него, спросил Антон.
- Двадцать пять рублей.
- Сумма была явно завышенной, но Шелестов торговаться не стал.
- Ещё посчитай бутылку шампанского, что мы пили, мы возьмём её с собой.
- Сделаем!

Он отдал официанту деньги.

²⁸ «Чардаш» – традиционный венгерский народный танец. Название происходит от венг. csárda – постоялый двор, трактир. Появившись в Венгрии, чардаш был распространён цыганскими музыкальными ансамблями по Венгрии и близким странам: Воеводина, Словакия, Словения, Хорватия, Трансильвания и Моравия. Отличительным признаком чардаша является значительная вариация его темпа. Танец, начинаясь с медленного лиричного вступления танца по кругу (лассу), завершается в крайне быстром, стремительном ритме парного танца (фриш). Существуют также и другие вариации темпа: csárdás, sügő csárdás и szőkös csárdás. Музыкальный размер 2/4 или 4/4. Чардаш танцуют мужчины и женщины. Женщины облачены в традиционные широкие юбки, обычно красного цвета, которые во время кружения приобретают характерную форму. К тематике чардаша обращались в своём творчестве такие классические композиторы как Ференц Лист, Витторио Монти, Иоганнес Брамс, Иоганн Штраус, Пётр Ильич Чайковский и другие.

– Сдачи не надо.

И через полчаса такси уже подвозило их на Ленинский проспект, к его дому.

Дома родителей не было, потому что они уехали к родной сестре матери с ночёвкой.

Роскошная шуба легко скользнула с плеч Анны на пол. Ещё в прихожей, не включая света, они слились в долгом страстном поцелуе. Молодые здоровые тела требовали выхода наружи эмоций и желаний. Одежда мешала. Постепенно избавляясь от неё, они, как бы вальсируя, и не отрываясь друг от друга, очутились в комнате Антона, а затем просто рухнули на его большую двуспальную кровать.

Через зашторенное окно в их комнате просачивались неяркие всполохи огней от большой новогодней ёлки, что стояла прямо напротив дома на площади Гагарина. Казалось, что это цветомузыка неназойливо помогала им снимать с друг друга одежду в темноте, потому что руки постоянно запутывались в ней, а пуговицы, молнии и ремни, стали настоящей проблемой, и где ничего не было слышно, кроме прерывистого дыхания двух людей, отчаянно желающих во что бы то ни стало, соединиться друг с другом.

Девушка сладострастно застонала, когда ладони Антона нежно скользнули по ее бархатной коже тела, а его сильные пальцы легко справились с застёжкой шёлкового бюстгалтера. Немного приподняв бёдра, Анна помогла снять с неё трусики.

– Ну, скорее же!

Губы Антона жадно впились в ее губы, его язык коснулся ее неба, она задрожала и запрокинула голову,

– Чёрт! – выдохнула Анна, – когда, как назло, молнию на брюках Шелестова заело.

– Подожди, я сама!

– Давай.

Она отстранилась от него, и вскочила с постели, обнажённая прекрасная в своём гневе, а затем, схватив руками за штанины брюк, одним рывком сдёрнула их с Антона.

– Моя девчонка! – весело подумал Шелестов.

Не теряя ни секунды, за брюками полетели на пол плавки, и вот уже она вскочила на Антона.

– Ах! – она слегка откинулась назад, давая возможность чужой пока плоти войти в неё.

Подождав немного, видимо устраивалась по – удобнее, начала двигать тазом, всё быстрее и быстрее, а он, обхватив руками её роскошные ягодички, стал ей помогать, двигаясь навстречу...

Когда Анна выдыхалась, Антон переворачивал её под себя и наслаждение друг другом продолжалось.

Наконец, доведя ее до умопомрачительного состояния, он разрядился в неё: мужское ядрёное семя тугой струёй ударило в матку, вызвав её сокращение. Потрясающее по своей силе ощущение сексуального наслаждения накрыло ее теплой обволакивающей волной, она вскрикнула и протяжно застонала.

Оба тяжело дышали, их молодые тела были покрыты испариной и оба были счастливы, и их дыхание ещё долго было шумным и прерывистым.

Поцеловав её в полуоткрытые губы, Антон встал и нетвёрдым шагом двинулся в ванную, а она лежала не шевелясь, совершенно обессиленная, чувствуя необыкновенную легкость во всём своём теле, и только вспыхивающие за шторами огни новогодней ёлки, напротив их дома, такие спокойно – убаюкивающие, слегка отражались на потолке и стенах комнаты.

...Они лежали в постели, обнявшись, в комнате Антона. Часы, стоявшие на крышке секретера рядом с хрустальным бокалом с недопитым шампанским, показывали 5 утра, но Анне и Антону спать не хотелось. Они были молоды и счастливы, и им было хорошо. Антон, будучи

по характеру человеком сдержанным, после часа бешеной страсти, внезапно охватившей его, совершенно раскрепостился. Он видел, что девушке было хорошо с ним, и от этого он чувствовал огромный прилив энергии, к тому же, Шелестов заметил, что он испытывает к ней не только сексуальное влечение, нет, а что-то неизмеримо большее. После первой вспышки страсти, побывав в ванной и немного передохнув, они занялись любовью уже обстоятельно, со вкусом, не спеша. К тому же, в холодильнике ещё нашлась бутылка полусладкого, советского шампанского, которая незамедлительно была открыта с громким хлопком. Ближе к рассвету, они решили, что надо немного поумерить пыл. Во – первых, наступило утро выходного дня, во – вторых, за ними никто не гнался, в – третьих, они были свободны. Поэтому, они решили поспать и набраться сил для дальнейших подвигов, попрощавшись на время сна длительным поцелуем.

Сколько он проспал, Антон не знал. Навалившаяся, было, дрема прошла, как только он начал обстоятельно анализировать события прошедшего дня. Это помогало, когда он пытался заснуть, но не сегодня. Не открывая глаз, Шелестов осторожно повернулся к Анне, стараясь ее не потревожить, и услышал легкий смех. Открыл один глаз: девушка улыбалась и разглядывала его, опершись на локоть. Открыл второй – она коснулась кончиками пальцев длинного шрама на его левом боку.

– Что это?

– Память о Балтийском море.

– Ты что, был моряком?

– Ну, в каком-то смысле был!

– И что?

– И все! – Антону не хотелось говорить об этом. Он старался избегать воспоминаний о своем боевом прошлом, потому что было нельзя, и потому, что не хотел. К тому же, девушка была журналисткой ведущей американской телекомпании.

– Фу! Какой колючий! – Анна быстро убрала руку от его тела и отвернулась.

– Ну вот, обиделась! – он ласково повернул ее красивое лицо к себе и заглянул в ее глаза.

– Пойми меня правильно, просто есть темы, о которых я не хочу говорить, хочу забыть и никогда не вспоминать. У тебя есть, такие?

Девушка на секунду задумалась.

– Есть, конечно, но они не серьезные! – уже с игривой интонацией в голосе произнесла она.

– Вот видишь! – Антон приподнял голову с подушки и посмотрел на часы. – Ого, уже 10 утра!

– Очень хорошо! Тогда я еще немножко посплю, а ты меня охраняй! И никуда без меня не уходи! – девушка пододвинулась к нему и доверчиво прижалась, положив голову на его грудь. Через несколько минут она уже спала.

Шелестов прикрыл глаза. Внезапно целый калейдоскоп лиц девушек, которых он любил, промелькнул перед глазами, как в кино. Суровая вещь – память! Вы не находите? Хочешь ты того или не хочешь, а память всегда вернёт тебя в прошлое, каким бы оно не было для тебя, хорошим или плохим. Особенно, если эта память связана с женщинами.

Антон улыбнулся. В его жизни было несколько серьёзных сердечных потрясений, которые ранили очень сильно. Некоторые скрасили его существование, некоторые создали сложности в личной жизни. Если выстроить эти памятные потрясения в хронологическом порядке, то картина получается довольно забавная. Итак! Её звали Света Коробова. Боже мой, как это было давно! Вспомните, какими вы были в шестом классе средней школы? То-то! А Света была в 7 – «Б» 192 – й школы Октябрьского района Москвы самой красивой в своём классе. Шелестов учился в параллельном 7 – «А». Она была королевой. Великолепные чуть выющиеся

белокурые волосы (девочки – школьницы тогда не красили волосы: нельзя было), комсомолка, отличница, прелестница и плутовка из «хорошей семьи» (бытовало такое классическое понятие: учила английский язык с репетитором и играла на фортепьяно).

Огромные голубые глазищи, чуть вздёрнутый носик, вся такая кукольно – нарядная подружка. А как она улыбалась! Она была просто неотразима. Во всяком случае, она так считала. И Антон обратил на неё своё внимание. К тому же, она жила в его доме, в 8 – м подъезде. Шелестов жил в 7 – м. Боже мой, как она любила целоваться! Даже дух захватывало. Первый раз их вместе застучал во дворе нашего дома, в беседке, её отец, участковый дядя Коля, громадный мужик с суровым лицом. Пообещав «в следующий раз надрать уши», Антон был отпущен с места преступления с легким шлепком под зад. Светку отец отвел домой к её матери для «выяснения».

Через месяц, Светка каждый день ждала Шелестова у подъезда, чтобы идти вместе в школу. Весь путь от их дома №32, до школы, которая стояла во дворе дома №34, занимал 15 минут. За это время она успевала ему рассказать кучу дворовых новостей и их прокомментировать.

В школе их стали называть женихом и невестой. А ещё, при их появлении одноклассники хором скандировали: «Мы с Тamarой ходим парой, мы с Тamarой – санитары!». Наверно это было действительно весело, так им казалось.

Через два месяца, Светка стала таскать за Антоном его школьный портфель. Это уже было серьёзно. Теперь так показалось ему. Он стал приходить к ней в гости через день, а она так ни разу у него в гостях и не была.

Что можно сказать про школьную любовь? Про её коварство и быстротечность, про то, как она ошибочна и, как следствие, жестока! У вас была школьная любовь? Вот – вот! Все её пережили. И это нормально.

Через три месяца неожиданно наступила развязка. Дело было так. После школы, Антон с друзьями скинулись и купили в гастрономе «Спутник», что располагался в их доме, бутылку красного вина под экзотическим названием «Алжирское» за 1 рубль 07 копеек. Это была «бомба», бутылка ёмкостью в 0,8 литра и крепостью в 12 градусов. Их было семь человек, и все жили в одном доме. А где ещё можно было спокойно выпить и обсудить серьёзные вопросы? Конечно же, у них во дворе, в беседке. А где же ещё!? Все пошли туда. И что Шелестов там увидел? Догадались? В беседке его Светка вдохновенно целовалась с Гришкой Кошкиным из 12 – го подъезда! Какое вероломство, какое предательство! Он был так вне себя от ярости, что даже в этот день не стал пить вино и курить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.